

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Аверин Ю. П., Сушко В. А.** Концепция качества жизни в современных социологических теориях 4
- Быченко Ю. Г., Баландина Т. М.** Механизм инновационного развития человеческого капитала 12
- Кочетов А. Н.** Занижение цены труда и устойчивость структурной безработицы в России 17
- Гимбатова М. Б., Загирова Э. М.** Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане 23
- Гончарук Я. А.** К вопросу обоснования физкультурно-образовательного пространства высшей школы 32
- Елютина М. Э., Болотов Г. И.** Супружеская солидарность в позднем возрасте 36
- Иудин А. А., Привалов И. В.** Гендерные и возрастные особенности политического поведения молодежи 40
- Аргунова В. Н., Бояринцева С. В.** Анализ патологии социальной атмосферы в федеральных округах России 47
- Шиняева О. В., Слепова О. М.** Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска 53
- Халидова О. Б., Шахбанова М. М.** Социальный портрет дагестанских протестантов (по результатам социологического исследования) 62

Слово молодым социологам

- Понукалин И. А.** Влияние новых цифровых технологий на потребительское поведение: региональный аспект 68
- Казиева М. З.** Духовное здоровье дагестанской учащейся молодежи: социологический анализ рисков и угроз 74
- Кулагина П. Ю.** Финансовая организация как специфический объект социологического исследования 82

Политология

- Шестов Н. И.** «Исторический метод» современного политического исследования: проблемы интерпретации 87
- Головченко В. И.** Эволюция функциональности идеологий в партийном строительстве в современной России 93
- Трифонов Ю. Н.** Духовно-нравственное состояние современного российского общества: политико-идеологические детерминанты 98
- Босова Е. Н.** Контроль на выборах: политико-правовой аспект 102
- Джаббари Насир Х. Р.** Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана 106

Слово молодым политологам

- Пивоваров В. А.** Особенности влияния интернет-сообществ на формирование политической повестки дня в современной России (на примере мессенджера Telegram) 113
- Уляшкина Е. Г.** Проблематика международных кризисов и интернационализированных конфликтов в программных документах и инициативах политических партий РФ 117

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 28.02.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,18 (15,25).
Тираж 500 экз. Заказ 24-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipopolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipopolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Averin Yu. P., Sushko V. A.** The Concept of Life Quality in Modern Sociological Theories 4
- Bychenko Yu. G., Balandina T. M.** Human Capital Innovative Development Mechanism 12
- Kochetov A. N.** Labor Cost Lowering and Structural Unemployment Stability in Russia 17
- Gimbatova M. B., Zagirova E. M.** Traditional Family Development Institutional Alternatives in Dagestan 23
- Goncharuk Ya. A.** On the Problem of Physical Culture High School Educational Space Substantiation 32
- Elutina M. E., Bolotov G. I.** Marital Solidarity in Later Life 36
- Iudin A. A., Privalov I. V.** Gender- and Age-Sensitive Political Attitudes of Young People 40
- Argunova V. N., Boyarintseva S. V.** The Analysis of Social Atmosphere Pathology in Federal Districts of Russia 47
- Shinyayeva O. V., Stepova O. M.** Information Digital Inequality of Population: Risk and Anti-Risk Factors 53
- Khalidova O. B., Shakhbanova M. M.** Social Portrait of Dagestan Protestants (By the Results of Sociological Research) 62

New Voices: Young Sociologists' Research

- Ponukalin I. A.** The Impact of New Digital Technologies on Consumer Behavior: A Regional Perspective 68
- Kazieva M. Z.** Spiritual Health of Dagestan Student Youth: Sociological Analysis of Risks and Threats 74
- Kulagina P. Yu.** Financial Organization as Specific Object of the Sociological Research 82

Politology

- Shestov N. I.** "Historical Method" of Modern Political Research: Problems of Interpretation 87
- Golovchenko V. I.** Evolution of the Functionality of Ideologies in Party Building in Modern Russia 93
- Trifonov Yu. N.** Spiritual and Moral Condition of Modern Russian Society: Political-Ideological Determinants 98
- Bosova E. N.** Election Control: Political and Legal Aspects 102
- Jabbari Nasir H. R.** The Features of the Evolution of Iran's Public Diplomacy in Central Asia 106

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Pivovarov V. A.** Features of the Influence of the Internet Communities on the Formation of the Political Agenda in Modern Russia (The Case of Telegram) 113
- Uliashkina E. G.** Problems of International Crisis and Internationalized Conflicts in Policy Documents and Initiatives of the Political Parties of the Russian Federation 117

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готтлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

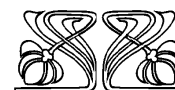
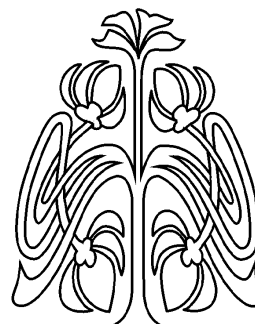
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

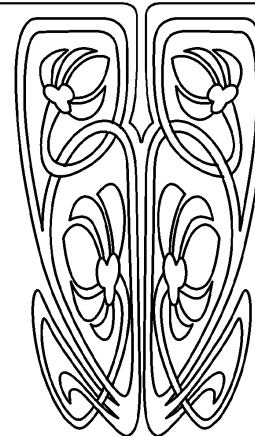
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Jim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakh K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4

Концепция качества жизни в современных социологических теориях

Ю. П. Аверин, В. А. Сушко

Аверин Юрий Петрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, marfenka28@gmail.com

Сушко Валентина Афанасьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, valentina.sushko@gmail.com

В статье рассматривается роль концепции качества жизни в исследовании состояния общества. В течение второй половины XX в. «качество жизни» эволюционировало от смутного, неформального научного выражения до научной концепции, входящей во множество теорий. В течение большей части этого периода разработка данной категории осуществлялась преимущественно в западной науке. В СССР особой популярностью пользовался термин «образ жизни». К этому периоду времени относится большое количество работ, посвященных образу жизни рабочего класса, производственного коллектива и т. д. «Образом жизни» подменяли отвергнутое тогда понятие «качество жизни». В начале 1990-х гг. «качество жизни» активно входит в российское обществознание и за короткий срок становится популярным практически во всех науках социально-гуманитарного профиля. Показан процесс становления данной концепции в западной и в советской науке. Раскрывается ее роль в построении концепции общественного прогресса, в частности в концепциях Д. Белла, А. Турена, Э. Тоффлера, М. Кастельса. С точки зрения теоретической и методической разработанности концепции качества жизни анализируются несколько подходов – социально-экономический, структурно-функциональный и концепция «ощущаемого» качества жизни. Раскрывается взаимосвязь между концепцией качества жизни и теориями «основных потребностей», «человеческого капитала» и «устойчивого развития». Рассматривается роль концепции качества жизни при анализе отечественными учеными уровня развития современного российского общества в целом и в региональном разрезе в частности. Показано, что этот анализ носит преимущественно эмпирический характер.

Ключевые слова: качество жизни, социально-экономический подход, структурно-функциональный подход, концепция «ощущаемого» качества жизни.

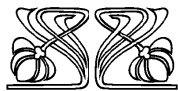
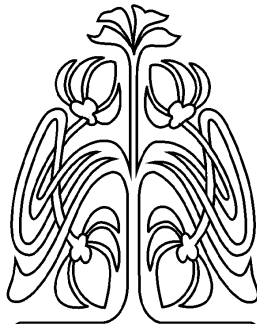
The Concept of Life Quality in Modern Sociological Theories

Yu. P. Averin, V. A. Sushko

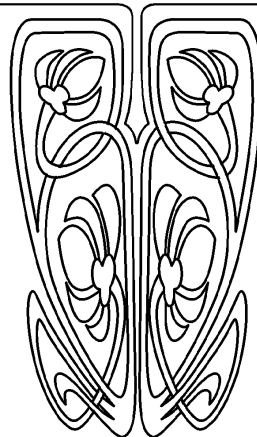
Yury P. Averin, <https://orcid.org/0000-0002-2889-3504>, Lomonosov Moscow State University, 1/33 Leninskie Gory, Moscow 119234, Russia, marfenka28@gmail.com.

Valentina A. Sushko, <https://orcid.org/0000-0003-4868-2437>, Lomonosov Moscow State University, 1/33 Leninskie Gory, Moscow 119234, Russia, valentina.sushko@gmail.com.

The article reviews life quality conceptual role of society state research. During the second half of the XX century "life quality" evolved from a vague, unformed scientific expression to a scientific concept, which was later included in many theories. For most of this period, the development of this category was considered mainly in Western science. In the USSR, the term "lifestyle" became very popular. A large number of investigations were devoted to the working class way of life, the work team, etc. Later "lifestyle" was replaced by the rejected concept of "life quality". In the early 1990's. "life quality" is getting actively included in the Russian social sciences and in a short period of time it becomes popular in almost all social and humanitarian fields. The article reviews the process of formation of the given concept in Western and Soviet sciences. The role of this concept

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

in the construction of the social progress concept, in particular, in the concepts by D. Bell, A. Turen, E. Toffler, M. Castells is presented. Several approaches to the concept of the life quality are analyzed from the point of view of the theoretical and methodological development: socio-economic, structural-functional, and the concept of the «perceived» life quality. The article demonstrates the relationship between the life quality and the theories of “basic needs”, “human capital” and “sustainable development”. The role of the life quality concept was studied by means of analyzing modern Russian society development level as a whole, and particularly in the regional context. This analysis is mainly empirical in its nature.

Keywords: life quality, socio-economic approach, structural-functional approach, concept of “perceived” life quality.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-4-11>

Одной из отличительных черт современных общественных наук, в том числе и социологии, считается их антропологическое и гуманистическое направление. В основе интереса социолога и прочих научных деятелей лежит не абстрактный смысл социальных явлений и действий, а их «человеческая» наполняемость. Для каждого этапа развития истории свойственна какая-то особенность жизнедеятельности индивида. Данный факт косвенно можно связать с экономическим положением в стране, общественно-политической ситуацией, с научным и техническим прогрессом и проч. Затем, чтобы увидеть и проанализировать подобные изменения, а также воздействия на жизнь человека, создаются категории, показатели, критерии, которые качественно и количественно закрепляют параметры индивида. «Человеческое измерение» социума требует применения новых определенных категорий и терминов, которые могли бы «рассмотреть» в общем потоке конкретных людей с их личными потребностями и правилами. Такой и будет считаться категория «качество жизни».

Появление множества трудов об исследовании качества жизни соотносят с эпохой конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. Первые сведения об этой категории были получены в работах экономистов, затем она широко распространилась во все науки, которые исследуют человека и общество: философские направления, политическую сферу, социологию и проч.

Вторая половина XX в. наполнена внезапными общественными изменениями абсолютно во всех областях жизни социума. Поменялся ход экономики, культуры, политической деятельности и всей структуры общественных взаимоотношений в целом. Появляется новая концепция профессиональной дифференциации, новейшие специальности, новые познания и умения, меняется система организации работы предприятия и его контроль, складываются новые манеры жизни, эталоны поведения. Изменяются структуры основных социальных институтов.

Финансовое развитие минувших десятилетий XX в. стремительно приподняло уровень

жизни и качественно поменяло жизненные стандарты. Данный факт привел к тому, что начался процесс возрастания автономности личности и повышения значимости других, далеких от трудовой деятельности, измерений жизни. Уже чаще осознается, что общество нуждается в отдыхе и образовании не только потому, что их цель – ведение профессиональной деятельности, но и чтобы отвечать требованиям жизни за границами области труда¹. Такое новое общество приобрело собственное название, сперва – «постиндустриальное», далее – «информационное». В период подобных массовых перемен необходимо было закрепить как объективные параметры человеческой жизни, так и субъективные, например удовлетворение или неудовлетворение жизнью. Данным требованиям и соответствовала новая категория – «качество жизни». В значительной степени возросла заинтересованность науки и практики вопросом о качестве жизни. А это значит только одно – наше современное общество, в первую очередь, обеспокоено не столько трудностями самосохранения, сколько проблемами стабильного социального развития, а также потребностями формирования достойных и стабильных условий для будущих и в настоящее время проживающих поколений.

Социологические эксперименты и опыт предыдущих десятилетий демонстрируют, что таким образом не удастся сконструировать унифицированную форму «качества жизни», определить подходящие индикаторы. Этой проблеме есть достаточное количество причин. Одна из них – то, что круг интересов различных групп, пластов населения, национальностей до такой степени различен, насколько неоднозначны и нормы поведения, современные стандарты, социальные значения и проч. Само явление, называемое на сегодняшний день качеством жизни, имеет место быть в каждой культуре, в любой исторический период, когда задумываются о значимости жизни, ее смысле и принятии. Иной вопрос, с помощью каких показателей пытаются отобразить степень удовлетворенности жизнью, достижения наибольшего смысла и значения жизни.

Все же в научной сфере, в которой протекает динамичный процесс перераспределения дисциплинарных пределов, в условиях развития нового сообщества еще не сформировался общий подход к содержанию самого определения «качество жизни», не выявлены его различия с «уровнем жизни», отсутствуют общепринятая методология и способ его измерения. Термин «качество жизни» исследуется и как общесоциологический, и как социально-экономический, и как исключительно экономический. Одни эксперты его трактуют как степень качества жизни, вторые – как качество уровня жизни, иные же полагают, что данные понятия принадлежат к разным областям научного познания и абсолютно

не связаны между собой. Ключевым моментом возникновения и обширного распространения понятия «качество жизни» в обществах со значительной степенью потребления была смена механизма социального развития в целом. Вместо исключительных экономических критериев становления пришли критерии качества жизни, а формирование потенциала общества стало целью и фактором экономического роста. В течение последних десятков лет ученые многих стран пытаются объяснить сущность определения «качество жизни» и раскрыть наиболее универсальные критерии для его описания и оценки, увеличить диапазон использования данной категории. Понятие «качество жизни» содержит в себе большое количество трактовок, в которых конкретизируются сферы использования его показателей.

Трудности, которые связаны с определением термина «качество жизни», его сущностью и методами измерения, появляются в силу смешения этапов социального анализа. Безусловно, в определенном исследовании социальных действий происходит сплетение абсолютно всех этапов социального анализа. Тем не менее, с целью достижения знания важно принимать во внимание особенности каждого.

Концепции качества жизни входят в теорию социального прогресса, они объясняют сущность современного общества в целом и каждой из его сторон. Происходит сдвиг содержания концепции с одного уровня на иной. Теория качества жизни входит в теорию общественного развития, определяющую современный социум как постиндустриальное, информационное общество, и применяется с целью указания на потребность улучшения индивидуальной и общественной жизни.

Концепции качества жизни входят в состав ряда теорий. Одной из них является концепция постиндустриального общества Д. Белла. Для наглядности можно взять определение «социальная эволюция», которая, по Д. Беллу, определяется как поочередная смена трех типов общества: традиционного, индустриального и постиндустриального. Если говорить о термине «качество жизни», то Д. Белл применяет его с целью описания современного постиндустриального общества, при этом отмечая условия наилучшей жизни, которые сосредоточены вокруг двух базовых областей – здоровья и образования. Потребность ликвидации заболеваний и повышение продолжительности жизни делает услуги здравоохранения весьма важными в современном мире; увеличение промышленных потребностей и профессионализма приводит к тому, что доступ к высшему образованию уже будет являться одним из условий вхождения в постиндустриальное общество².

Другой теорией, в которой понятие «качество жизни» играет существенную роль, является

теория А. Турена. С целью наблюдения динамики социального развития и эволюции различных видов обществ А. Турен применяет термин «социетальный тип». Он считает, что данному определению соответствует наиболее сложная и менее устойчивая, в сравнении с предыдущими видами общества, модель организации. Суть же перемещения от одного типа общества к другому заключается в переходе к наиболее активному, более самоорганизующемуся, который способен формировать модели управления и реализовывать культурные новшества, но и в то же время более опасному, чем социум, оставленный нами далеко позади.

А. Турен не применял термин «качество жизни», но он определил главный пункт условий нового общества как требование счастья, т. е. такого рода организации общественной жизни.

Такой метод А. Турена дает возможность закрепить новые качества концепции социального взаимодействия в постиндустриальном обществе, определить ключевые направления реструктурирования социальной жизни, изменение видов и степеней социального конфликта, подвижек в ценностных ориентирах. Основным течением социального развития становится фрагментирование общественной структуры³. Фрагментирование абсолютно во всем – в манерах и образе жизни, в экономических структурах, социальных процессах. Главное противоречие сдвигается в область потребления в широком значении слова и обретает форму конфликта с социальным устройством в целом.

Здесь же следует упомянуть Э. Тоффлера, который при разработке собственной теории применяет социологическое воображение, строя концепцию настоящего через призму будущего. Он предложил свою концепцию информационного общества как новой культуры, которая базируется на значительном уровне развития компьютерных технологий и на новейших методах организации. Именно Э. Тоффлер был первым, кто изучил и проанализировал современные нематериальные мотивы как составляющую преодоления прошлой экономической концепции мотивации, как проявление постэкономических потребностей. В соответствии с этим подходом в нашем обществе главным становится индивид, его возможности и навыки⁴.

Существует ряд современных подходов к анализу информационного общества, которые имеют прямое отношение к рассматриваемой проблеме, в частности концепция М. Кастельса. Как отмечает профессор М. В. Масловский, в трудах М. Кастельса предпринята попытка всестороннего рассмотрения общественных перемен в нынешнем обществе, связанных с новой ролью новых информационных технологий⁵. М. Кастельс акцентирует свое внимание на двух очень важных факторах – познании и информации, которые становятся главными в со-

временной экономике. Именно эти два фактора осуществляют социально дифференцирующую функцию в нашем обществе. Таким образом, в новой системе производства отчетливо дифференцирован труд, а основным аспектом разделения рабочих является образование.

Прямо связан с концепцией качества жизни подход Р. Инглхарта к развитию общества, содержание которого он связал с процессом модернизации. «Модернизация – это не финальный этап истории, становление передового общества ведет еще к одному совершенно особому сдвигу в базовых ценностях – когда уменьшается значение характерной для индустриального общества инструментальной рациональности. Преобладающим становятся ценности постмодерна, несая с собой ряд разнообразных социетальных перемен, от равноправия женщин до демократических институтов и упадка государственно-социалистических режимов»⁶. С этой точки зрения Р. Инглхарт выделяет группы «материалистов» и «постматериалистов» в зависимости от их ориентации на определенные ценности. Для «материалистов» характерны преимущественно экономическое благополучие, семья, безопасность. Для них важны уровень жизни, порядок, законность. Для «постматериалистов» характерны в основном личностная независимость, права и свободы человека, экология, и для них важны качество жизни, политическое участие. Существуют также промежуточные социальные группы, которым присущи ценности «материалистов» и «постматериалистов», но в разной степени.

В российской науке в теоретических исследованиях Б. В. Бойцова и А. И. Субетто модели качества жизни помещены в максимально широкий контекст и содержат в себе такие составляющие, как космическое пространство, земля, ноосфера, социум и т. д.⁷

Б. В. Бойцов сообщает о наступлении «цивилизации качества», отмечая, что появившийся в XX в. усиленный интерес к качеству товаров и услуг, а далее к системам, которые обеспечивают эти качества в области товаров и услуг, выявил важность данного фактора для абсолютно всех элементов жизни общества. Все большая наполняемость «пространства качества» подводит наше общество к потребности нового ориентира на качество жизни. Таковую трансформацию Б. В. Бойцов именуется как переход «от качественной количественности» к «качественной целостности»⁸. Согласно взгляду А. И. Субетто, качество жизни на сегодняшний момент необходимо анализировать как аспект всей государственной внешней и внутренней политики и проводимых реформ в целом.

Качество жизни в рассмотренных нами теориях носит характер идеала. Он вычленяется в процессе теоретического изучения и формулирует свойства реальности в их значительных характеристиках. Определение, которое находится

в пределах таких теорий, включает в себя наиболее широкий объем явлений и процессов, подпадающих под него. Данные теории не могут стать инструментом эмпирического исследования, а считаются определенными стратегиями и ориентирами, которые устанавливают направления социального анализа.

В большинстве случаев качество жизни входит в концепции, которые осмысливают положение современных сообществ в теоретико-экспериментальной степени, что добавляет имеющимся результатам не только более четкий вид, но и практическую нацеленность. С целью получения эмпирической основы разрабатывается система характеристик и методика обработки итоговых данных. Качество жизни становится важной составляющей теорий «человеческого капитала», «эндогенного роста», «расширения человеческого выбора», «развития человеческого потенциала» и т. д. Приведенные термины и другие близкие по содержанию теории создаются в западной социологии, цель которой – выявление путей и средств оптимизации, функционирование цивилизованных стран, а также осмысление нынешних общественных массовых трудностей.

Из числа концепций теоретико-экспериментальной ориентированности с точки зрения теоретической и методической разработанности необходимо отметить ряд концептуальных подходов: социально-экономический, структурно-функциональный и концепцию «ощущаемого» качества жизни. Социально-экономический подход к осмыслению понятия «качество жизни» начал формироваться и развиваться в начале XX в., когда английский экономист А. Пигу в своем труде «Экономическая теория благосостояния» ввел понятие «качество жизни», компоненты которого формируют само качество жизни⁹. Развитие социально-экономический подход к понятию «качество жизни» общественной получил в ряде исследований и работ. Здесь оно подразумевается как интегрированная оценка уровня и условий жизнедеятельности общества. Оно содержит в себе комплекс характеристик жизни индивида, которые обеспечивают тот или иной уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей и интересов с точки зрения соотношения с уже существующими общепризнанными нормами условий труда и отдыха, места проживания, социальной обеспеченности, среды обитания и т. д. Качество жизни проявляется в количественном и качественном свойстве потребляемых индивидом благ и услуг. Д. Форрестер анализировал качество жизни как меру прогрессирования человеческого общества и определил четыре базисных элемента повышения качества жизни¹⁰. Д. Гэлбрейт изучал качество жизни как вероятность потребления благ и услуг¹¹. У. У. Ростоу рассматривал качество жизни как цель человека по повышению показателей в области образования, здравоохранения,

отдыха, уменьшения загрязнения окружающей среды, борьбы против бедности и неравенства¹².

При этом социально-экономический подход содержит в себе ограничения в эмпирическом разьяснении качества жизни, так как для ее оценивания применяются лишь объективные показатели, которые характеризуют положение индивида в экономической и социальной области жизнедеятельности. Качество жизни выше тогда, когда больше количество и выше качество используемых человеком материальных и духовных благ. Если рассматривать социально-экономическое направление качества жизни, то оно определяется как удовлетворение определенных жизненно необходимых потребностей каждого индивида. В таком случае социальная роль человека не учитывается и не рассматривается. При этом состояние объективных показателей не однозначно, но связано с его удовлетворенностью жизнью. В них не предусматривается характер стремлений и индивидуальных потребностей человека. Социально-психологические исследования указывают на то, что качество жизни индивида будет таким, каким он сам его воспринимает и чувствует с точки зрения своей социальной роли.

Социальная роль каждого индивида лежит в основе структурно-функционального подхода к пониманию качества жизни. В рамках данного подхода качество жизни рассматривается широко – как состояние наиболее благоприятных ресурсов человека осуществлять собственные цели и задачи. Но подобное представление несет в себе концептуальное понимание и требует теоретических объяснений, необходимых для концептуальной модели исследования категории «качество жизни». В другом виде характер стремлений и индивидуальных ожиданий людей рассматривается в рамках концепции «ощущаемого» качества жизни. При этом она основывается на концепции структурного функционализма, чтобы определить единые аспекты качества жизни. Теория «ощущаемого» качества жизни анализирует его как субъективное положение человека, которое является результатом уже имеющихся условий с целью удовлетворения потребностей. Качество жизни будет выше при условии, что индивид станет обладать большими возможностями в интересах выполнения своей социальной роли.

Американский психолог А. Кэмпбелл считает, что качество жизни связано с субъективным восприятием благополучия жизни человека. Здесь же следует выделить, что важную роль играют материальное положение, уровень самооценки и взаимоотношения между людьми. А. Кэмпбелл и его соотечественники Ф. Конверс и У. Роджерс считают, что степень удовлетворенности жизнью проявляется при расхождении между притязаниями индивидов и уровнями их удовлетворения¹³. Один из подходов в рам-

ках концепции «ощущаемого» качества жизни считается подход, представленный J. E. Ware¹⁴. Методологическим достоинством его является то, что он, во-первых, раскрывает понятие «качество жизни» через ряд частных понятий, характеризующих совокупность возможностей индивида для выполнения своей социальной роли; во-вторых, дает эмпирическое толкование этим понятиям. Они представляет собой систему концептуальных понятий, позволяющих на теоретическом уровне описать свойства, характеризующие состояние «ощущаемого» качества жизни. Эмпирическое объяснение понятий предоставляет возможность вычислить их средние нормы – среднее значение, стандартное отклонение и т. д.

Можно отметить следующие плюсы концепции «ощущаемого» качества жизни. Ее применение с целью теоретического построения социологического исследования дает возможность получить: во-первых, оценку индивидом собственного восприятия качества жизни; во-вторых, индивидуализированную оценку восприятия качества жизни для различных социальных групп общества. Однако оценка на основе концепции «ощущаемого» качества содержит в себе ряд ограничений. Она не дает возможности определить социальное положение индивида с точки зрения его объективных характеристик, например, формулировать положение объективных характеристик жизни индивида, обуславливающих его чувства, и, как следствие, не позволяет регулировать состояние данных параметров, воздействовать на изменения качества жизни индивидов. Связь социально-экономической концепции и концепции «ощущаемого» качества жизни в рамках единой концептуальной модели позволяет использовать достоинства и ликвидировать ограничения каждой из двух концепций.

Интегрального подхода придерживаются А. М. Нагимова, М. Хагерти, Р. Камминс, Э. Феррис, которые анализируют 22 наиболее используемых в мире индекса для измерения качества жизни (Quality of Life Indexes) всего государства или его областей. Европейский фонд улучшения условий жизни и работы проводит социологическое исследование качества жизни каждые два года в 31 европейской стране, объединяя объективные социально-экономические показатели и показатели ощущаемого качества жизни. Европейское социальное исследование качества жизни использует подобный подход и такие показатели, как удовлетворенность жизнью в общем, материальным положением, работой, соотношением работы и других сторон жизни, ощущение себя счастливым или несчастливым.

Появлению данных научных конструкций предшествовала теория «основных потребностей». Она была разработана в середине 70-х гг. XX в. по инициативе Международной организации труда и ориентировалась на обеспечение

благополучия неимущих людей. Удовлетворение основных потребностей предусматривало обеспечение: доступа к начальному образованию и элементарной медицинской помощи, вакцинации всех детей, снижения материнской смертности, предоставления услуг планирования семьи, снижения неграмотности, устранения острого недоедания и проч. Реализация такой программы полностью зависела от имеющихся ресурсов, а человек рассматривался лишь как получатель помощи. Дальнейшая реализация теории «основных потребностей» была затруднена экономическим и структурным кризисами 70-х – первой половины 80-х гг. прошлого века. Сменились приоритеты развития и на первый план вышли экономическая стабильность, повышение эффективности экономики, сокращение бюджетного дефицита.

Одним из условий преодоления кризиса было формирование новой технико-экономической парадигмы, включающей широкое распространение персональных компьютеров, микроэлектроники, телекоммуникаций, робототехники, биотехнологии и генной инженерии. Именно такая перестройка, поиски новых путей повышения производительности труда и доходов обусловили усиление внимания к ранее предложенной теории «человеческого капитала». Положения теории «человеческого капитала» напрямую соотносятся с исследованиями Т. Шульца, Г. Беккера, Х. Джонсона и др. Фактор человеческого капитала считается важнейшим ресурсом экономического прогресса, который раскрывает роль экономики в таких сферах, как образование, наука, здравоохранение. В прошлом же эти сферы считались как потребляющие и непродуцирующие. Накопление человеческого капитала может осуществляться в разных формах: развитие способностей и навыков у работника, приобретение профессионального опыта, повышенное внимание к здоровью, ведение адекватного образа жизни, получение информации. Изменение отношения к образованию, здравоохранению, культуре и другим сферам началось только тогда, когда пришло осознание ценности человеческого капитала.

В концепции «человеческого капитала» используется термин «качество населения». Это определение было взято из демографии, где оно применялось как расширительная оценка репродуктивных параметров, включая здоровье, но все же с опорой на физическое воспроизводство. Я. И. Рубин вводит следующее определение: качество населения представляет собой «характеристики и структуры, выраженные потенциалами населения, которые показывают, на каком рубеже развития население находится в настоящее время и на каком может оказаться в будущем»¹⁵. Г. М. Зараковский¹⁶, изучающий категорию «качество населения» и ее связь с качеством жизни, указал, что качество населения вы-

ступает в двух ролях: как степень качества жизни и как причина определенного уровня качества жизни. В концепции «человеческого капитала» обосновывается теория расширения человеческого выбора А. Сена¹⁷. Основная идея его теории состоит в том, что материальное благосостояние должно быть оценено по возможности людей вести такую жизнь, которую они считают достойной.

В современной науке большой интерес сосредоточен на понятии «устойчивое развитие». Внимание к данному термину вызвала сложившаяся к концу XX в. глобальная ситуация, которая была зафиксирована в преамбуле итогового документа конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро на уровне глав государств и правительств. Международная комиссия по окружающей среде и развитию была первой, внедрившей понятие «устойчивое развитие». Датой принято считать 1987 год. Под устойчивым понимается такое развитие, которое удовлетворяет потребностям настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Устойчивое и стабильное развитие складывается из двух базисных взаимозависимых определений: понятие потребностей, в том числе приоритетных, и понятие ограничений, которые накладываются на способность окружающей среды удовлетворять настоящие и будущие потребности человечества. Социальная суть изучаемой теории состоит в том, что преодоление исторически сложившегося и все еще продолжающегося возрастания социального неравенства в глобальном масштабе считается основным посылом с целью конфигурации характера взаимоотношений между обществом и природой, для перехода человечества к устойчивому развитию как особому типу развития мировой цивилизации, которое должно гарантировать стабильность условий обитания человечества на Земле и последующего их совершенствования. Определенные параметры стабильного развития были зафиксированы положениями теории устойчивого развития. Среди них такие, как участие гражданского общества в разработке решений, реализация этих решений, которые будут определять функционирование и стабильное состояние нашего общества; государственная политика, направленная на преодоление основных к социальному антагонизму факторов и уважение плюрализма и многообразия; закрепление роли семьи как социального института.

Основным из параметров стабильного развития является качество жизни. Устойчивое становление социальной системы означает ее способность сохранять свое собственное существование. Качество жизни является индикатором прочности социальной системы и показателем возможности ее перехода к устойчивому развитию.

Рассмотренные выше теории, базирующиеся на положениях концепции «качества жизни», объединяет ориентация на человека и характер его жизнедеятельности. Обращение к таким аспектам жизни индивида, как здоровье, образование, квалификация, культура, личностные притязания и проч., свидетельствует об изменении главных параметров социального прогресса. Качество жизни проявляется в расширении круга потребностей человека, возрастании роли нематериальных компонентов, рассмотрении человека в роли действующего субъекта, производящего, а не потребляющего. Из этого следует, что «качество жизни» в теориях человеческого капитала, расширения человеческого выбора, развития человеческого потенциала, устойчивого развития и других приобретает все более четкую сущность и выражение. Оно служит реальным инструментом достижения стабильного, устойчивого общества. Операционализация понятия «качество жизни» – как теоретическая, так и эмпирическая. Закрепление качества жизни в такого рода теориях происходит на основании объективных статистических показателей. Во всех рассматриваемых теориях прослеживается следующая логическая цепочка: приоритетными и самыми развитыми сферами любого государства должны быть образование, здравоохранение, культура и т. п. Развивая их, государство получает максимальную отдачу в виде стабильного экономического роста за счет вложений в человеческие ресурсы. Рассмотренные выше теории, как уже было сказано, существуют в западной науке. Отечественное обществознание в настоящее время при анализе проблем качества жизни современного российского общества заимствует имеющиеся западные наработки. Они не могут в полной мере отразить специфику российских социальных процессов.

Исключение составляет подход Т. И. Заславской, которая рассматривает пространство пространственных изменений на основании трех координатных осей: эффективность институциональной системы, качество социально-групповой структуры и уровень человеческого потенциала. Траектория, которая была пройдена в этом пространстве за некоторый период времени, фиксирует направление качественной трансформации общества и показывает, изменило ли оно свою природу или сохранило прежние типологические черты. Таким образом, качество жизни выступает фактором, оказывающим наибольшее влияние на уровень и динамику человеческого потенциала. Здесь важно выделить, что концепция качества жизни входит в теорию регионального развития. На данном этапе анализа качество жизни приобретает, на наш взгляд, с одной стороны, более четкое, а с другой – более узкое содержание в сравнении с предыдущими изученными уровнями. «Конкретность» анализируемой категории выражается в определенной системе элементов и показателей. «Узость» ка-

чества жизни заключается в менее масштабном, по сравнению со всем человечеством и государством, объекте анализа¹⁸.

Н. В. Зубаревич изучает региональное развитие, ориентируясь на следующие характеристики: прибыль населения, уровень бедности, занятость, здоровье населения, уровень образования, базовые услуги, безопасность жизни. К внешним факторам развития региона причисляются финансовое развитие, расселение, природная среда, общественные и демографические процессы. Н. В. Зубаревич отмечает, что перечисленные элементы не взаимозаменяемы и равнозначны по сути, но для определенных исследовательских задач и объектов возможны различные ценности при отборе элементов. Изучение процесса развития региона предполагает акцент на составляющие, которые определяют потребление (доход) и человеческий капитал (образование, здоровье). При анализе состояния жизни также актуальны средовые характеристики и доступность к базисным благам и услугам. Таким образом, мы видим, что автор в своей теории раскрывает качество жизни и его характеристики, которые возможно закрепить при помощи статистического анализа.

Анализ качества жизни населения на примере регионов Приволжского федерального округа проводил М. Ш. Салимов. В качестве критериев регионального развития он выбрал следующие характеристики качества жизни: развитие человеческого потенциала, демографические особенности региона, медико-экологическую специфику, особенности материального благосостояния и занятости, а также параметры образовательного уровня населения и сферы безопасности¹⁹.

Здесь также можно отметить очень интересный метод определения регионального развития тамбовских исследователей качества жизни В. В. Дробышевой и Б. И. Герасимова²⁰. Свой анализ качества жизни как показателя регионального развития они фиксируют на основе уже существующих классов объективных потребностей человека, причем фиксируют их экономическими параметрами, которые выражаются в определенных количественных характеристиках.

Группа исследователей из Белгорода²¹ на основе концепции качества жизни разрабатывают программу развития своего региона. Они рассматривают категорию «качество жизни» как набор определенных показателей, которые характеризуют уровень реализации жизненных стратегий людей, удовлетворения их жизненных потребностей. Эта теория носит социологический характер и учитывает характеристику целого комплекса объективных показателей и субъективных оценок жизни жителей региона исходя из статуса группы.

Ученые выделили шесть статусных групп по критерию деятельности, на которые должна быть ориентирована программа улучшения каче-

ства жизни их региона: профессионально занятые, пенсионеры, предприниматели, учащиеся, незанятые и дети²². Такое разделение на группы поможет адресно разработать программу для повышения качества жизни каждой из страт.

Подводя итог, можно констатировать, что теории регионального развития, которые включают в себя категорию «качество жизни», носят эмпирический характер. В большинстве своем они представлены совокупностью эмпирической информации, которая отражает частные объективные составляющие качества жизни. Этот факт затрудняет выработку практических рекомендаций по улучшению качества жизни в регионе. Преодолению данного затруднения может способствовать комплексный анализ региона и качества жизни. Он предполагает всестороннее видение общности в единстве всех ее составляющих, а также комплексный инструментальный оценки качества жизни, включающий объективные и субъективные показатели качества жизни. В целом всестороннее исследование качества жизни населения как результирующий показатель развития общества позволит объективно оценивать его состояния и направления вложения ресурсов в повышение качества жизни людей.

Примечания

- 1 См.: Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М. : Логос, 2004. С. 290.
- 2 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество : Опыт социального прогнозирования. М. : Академия, 1999. С. 171–172.
- 3 См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998. С. 139.
- 4 См.: Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002. С. 18.
- 5 См.: Масловский М. В. Современная западная теоретическая социология : учеб. пособие. Н. Новгород : НИСОЦ, 2005. С. 83.
- 6 Инглхарт Р. Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12. С. 48.
- 7 См.: Субетто А. И. Государственная политика качества высшего образования : концепция, механизмы, перспективы. СПб. ; Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, Смольный ин-т РАО, 2004.
- 8 См.: Бойцов Б. В., Крянев Ю. В., Кузнецов М. А. Антология русского качества. М. : РИА «Стандарты и качество», 2000.
- 9 См.: Лузу А. Экономическая теория благосостояния : в 2 т. М. : Прогресс, 1985.
- 10 См.: Форрестер Д. Мирская динамика : пер. с англ. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003.
- 11 См.: Galbraith J. K. The Affluent Society. Boston : Houghton Mifflin Company, 1958. P. 354.
- 12 См.: Ростой У. У. Политика и стадии роста. М. : Прогресс, 1973.
- 13 См.: Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. The Quality of American Life. N.Y., 1976.
- 14 См.: Ware J. E. Measuring Patients' Views : the Optimum Outcome Measure. SF 36 : a Valid, Reliable Assessment of Health from the Patients' Point of View // BMJ. 1993. Vol. 306. P. 1429–1430.
- 15 Рубин П. Я. Качество населения. О сущности и структуре понятия // Социс. 1998. № 9. С. 91.
- 16 См.: Зараковский Г. М. Качество населения в аспекте качества жизни : возможные показатели и методы их оценки // Человеческий потенциал России : интеллектуальное, социальное, культурное измерения / отв. ред. Б. Г. Юдин. М. : Ин-т человека РАН, 2002. С. 63–85.
- 17 См.: Сен А. К. Свобода, единогласие и права // Вехи экономической мысли : в 6 т. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / под общ. ред. А. П. Заостровцева. СПб. : Экономическая школа, 2004. С. 195–248.
- 18 См.: Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 8–10.
- 19 См.: Салимов М. Ш. Оценка качества жизни населения в регионе : дис. ... канд. экон. наук. Саранск, 2004. С. 53.
- 20 См.: Дробышева В. В., Герасимов Б. И. Интегральная оценка качества жизни населения региона. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. С. 24–25.
- 21 См., например: Бабинцев В. И., Гармашев А. А. Региональная программа улучшения качества жизни населения : технологии разработки // Технологии качества жизни. 2003. Т. 3, № 1. С. 5–11.
- 22 См.: Алферова М. Н., Бабинцев В. П., Белов А. А., Гармашев А. А., Заинчковская С. В. О возможном подходе к разработке региональной концепции и программы улучшения качества жизни населения // Технологии качества жизни. 2002. Т. 2, № 2. С. 1–10.

Образец для цитирования:

Аверин Ю. П., Сушко В. А. Концепция качества жизни в современных социологических теориях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 4–11. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-4-11>

Cite this article as:

Averin Yu. P., Sushko V. A. The Concept of Life Quality in Modern Sociological Theories. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 4–11 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-4-11>

УДК 316.4.05

Механизм инновационного развития человеческого капитала

Ю. Г. Быченко, Т. М. Баландина

Быченко Юрий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии РФ, bychenkoug@gmail.com

Баландина Таисия Михайловна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, политологии и социологии, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, balandinatm@gmail.com

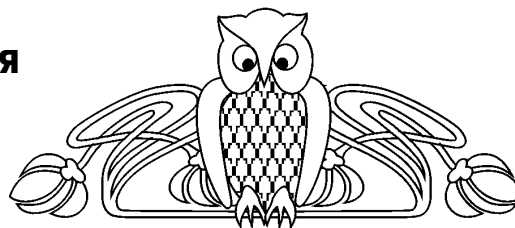
Президент РФ В. В. Путин поставил задачу осуществить научно-технологический прорыв в различных областях экономики, политики, образования. Решить данную задачу можно только в результате формирования и реализации эффективного механизма инновационного развития человеческого капитала. Исследование последнего и представляет собой актуальную научную проблему. Цель данной работы – исследование концептуальных идей, раскрывающих механизм инновационного развития человеческого капитала, уточнение современной сущности и структуры этого механизма в условиях российского общества. Методологическую основу исследования составляет метод системного анализа: осуществлены последовательные взаимозависимые и взаимосвязанные действия, направленные на дифференциацию научных концепций, выявление общности логических связей различных научных подходов, уточнение базовых структурных компонентов механизма инновационного развития человеческого капитала. Результаты: 1) обоснована необходимость формирования механизма инновационного развития человеческого капитала; 2) представлен анализ его основных компонентов; 3) раскрыты отличительные черты управления инновационным развитием человека в условиях современной России. Вывод: механизм инновационного развития человеческого капитала представляет собой двойственную систему. С одной стороны – это научно-образовательные компоненты общества, обеспечивающие зарождение, формирование новых знаний, проектно-конструкторские разработки, производственная доводка и использование инноваций в целях обеспечения совершенствования интеллектуального и образовательного человеческого капитала. С другой – это общественные подсистемы, создающие организационные условия, предпосылки, мотивацию реализации деятельности, направленной на создание инноваций, их последующее внедрение в хозяйственную систему общества.

Ключевые слова: человеческий капитал, механизм инновационного развития, накопление.

Human Capital Innovative Development Mechanism

Yu. G. Bychenko, T. M. Balandina

Yuriy G. Bychenko, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, 158 Moskovskaya Str., Saratov 410023, Russia, bychenkoug@gmail.com

Taisiya M. Balandina, <https://orcid.org/0000-0001-7577-4826>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva Str., Saratov 410003, Russia, balandinatm@gmail.com

Russian President Vladimir Putin set the task of making a scientific and technological breakthrough in various fields of economy, politics and education. This task can be solved only as a result of the formation and implementation of human capital innovative development effective mechanism. The study of the latter is an actual scientific problem. The purpose: the study of conceptual ideas that reveal the human capital innovative development mechanism; the refinement of this mechanism modern nature and structure in contemporary Russian society. The methodological basis of the research is the system analysis method: interdependent and interrelated actions aimed at the differentiation of scientific concepts, the identification of common logical links of different scientific approaches, the clarification of the basic structural components of the human capital innovative development mechanism were made. The results: 1) the necessity of formation of the human capital innovative development mechanism was proved; 2) the analysis of its main components was made; 3) the distinctive features of innovative human development management in modern Russia were revealed. The conclusion: the human capital innovative development mechanism is a dual system. On the one hand, it is a scientific and educational component of the society that provides: the emergence, formation of new knowledge, design development, production refinement and the use of innovations to ensure the improvement of intellectual and educational human capital. On the other hand, these social subsystems create organizational conditions, prerequisites, motivation for the implementation of activities aimed at creating innovations, their subsequent implementation in the economic system of society.

Keywords: human capital, innovative development mechanism, accumulation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-12-16>

1 марта 2018 г. в послании Федеральному собранию В. В. Путин заявил о необходимости России осуществить научно-технологический прорыв в различных областях экономики, политики, образования. «Отставание – вот главная угроза, вот наш враг... Нам нужны последовательные глубокие перемены, продуманные шаги, которые будут приносить устойчивый результат и сегодня, и в перспективе»¹. Он констатировал, что если Россия не сделает научно-технологического прорыва, то существенно и безнадежно отстанет от развитых мировых стран. В рамках данного программного заявления ставится задача формирования механизма инновационного развития человеческого капитала, аккумуляции внутри российского научно-технологического

потенциала. Последний и рассматривается как фактор реализации настоящего рывка в росте качества жизни населения, модернизации экономических систем, инфраструктуры, государственного менеджмента. В этой связи является актуальным исследование содержания механизма инновационного развития человеческого капитала, раскрытия основных отличительных черт управления инновационным развитием акторов труда.

Человеческий потенциал в современных условиях представляет собой широкий комплекс характеристик и способностей трудоспособного населения. Это здоровье и физические потенциальные способности, осознанные общие знания, профессиональные умения, навыки, трудовые потребности и способности, деятельная мотивация индивидов. Условно можно дать расширенную характеристику человеческого капитала: социальный капитал (совокупные трудовые способности нетрудоспособного населения); трудовой потенциальный капитал (совокупные способности трудоспособного населения); непосредственный человеческий капитал (рабочая сила работника, совокупность профессиональных способностей акторов, используемых в экономически значимых целях и дающих выгоду, доход, потенциал развития его носителю)². Можно констатировать, что человеческий капитал проявляется на двух уровнях – «потребительном» (потребительный потенциал человека труда), а также «фактическом» (реализуемом в труде физического, духовного, образовательного, профессионального потенциала человека).

Каждый человек, а также совокупность людей имеют количественную, качественную и стоимостную характеристику человеческого капитала. Последний в целом и представляет собой фактор достижения инновационных социально-экономических целей в сферах производства, обмена, распределения, потребления. Потенциальные способности трудоспособного человека трансформируются в человеческий капитал через общественные отношения деятельно-трудового использования в целях достижения социально-экономических инноваций, при решении экономических задач создания экономической, социальной, культурной выгоды или выгод обществом, организацией или частным лицом. По сути, человек как носитель человеческого капитала является не только носителем способностей к любой трудовой, в том числе и к инновационной деятельности, но и участником социально-экономических процессов, связанных с формированием способностей человека, его творческих потребностей и возможностей, реализации инновационных практик экономического использования, получения социально-экономической выгоды, в том числе и в форме дохода, карьерного роста, удовлетворения творческих потребностей. Качественные параметры функ-

ционирования человеческого капитала зависят от эффективности механизма, определяющего его развитие.

На междисциплинарном уровне «механизм» принято рассматривать как систему, устройство, определяющее порядок реализации какого-либо процесса или действия. «Механизм – это особого рода сложная социально-экономическая система, обеспечивающая регулирование того или иного процесса развития»³. В состав всякого механизма в широком смысле входят конкретные социально-экономические субъекты, реализующие определенный вид деятельности (в данном случае инновационный), те или иные социальные и экономические институты, формирующие конкретные социально-экономические условия этой активности, ее результаты, а также общественную потребность, на удовлетворение которой направлена работа механизма. Механизмы инновационных процессов в различных странах существенно отличаются. При этом имеются и существенные общие черты, и характеристики.

В рыночных условиях инновационный механизм необходимо рассматривать как постоянно обновляемый алгоритм определенных, строго выверенных и обоснованных действий, обеспечивающих наиболее эффективное решение тактических и стратегических целей развития объекта в полном объеме и точно в срок. Необходимо учитывать специфику целей, задач, объектов и интересов всех участников функционирования механизма.

Применительно к человеческому капиталу механизм инновационного развития представляет собой набор системных элементов управленческого воздействия, с помощью которых может осуществляться или осуществляется инновационное развитие и накопление различных его форм. Исходя из данного подхода, деятельность механизма инновационного развития человеческого капитала направлена на такое развитие человеческого капитала, которое определяет экономическое накопление за счет инноваций. Поэтому инновации представляют собой ключевой компонент деятельности данного механизма. В таком контексте инновацию необходимо рассматривать как процесс формирования и преобразования новых знаний, идей и изобретений в социально значимую продукцию, обладающую принципиально новыми технико-экономическими показателями. По сути, инновация представляет собой общественный, технический и одновременно экономический процесс, в результате которого создаются или практически используются новые знания, идеи, информационные потоки, изобретения. Последнее и должно приводить к созданию «лучших по своим свойствам изделий, технологий, и в случае, если инновация ориентирована на экономическую выгоду, прибыль, ее появление на рынке может принести добавочный доход»⁴.

Подход к пониманию сущности инновации как изменению в системе человеческого капитала является достаточно обоснованным, так как любая инновация предполагает соответствующие изменения в той системе, где она реализуется. Поэтому инновации, определяющие развитие человеческого капитала, можно отождествлять с результатами интеллектуально-образовательного профессионального использования человеческого потенциала работников, накопления в процессе расширенного воспроизводства человеческого капитала. Инновации, развивающие человеческий капитал, – это нововведение, определяющее направленность происходящих изменений в различных формах человеческого капитала. При этом необходимо отметить, что все проекты, направленные на прогрессивные изменения различных форм человеческого капитала, представляют собой инновационное развитие.

В широком смысле механизм инновационного развития человеческого капитала направлен на осуществление прогрессивных изменений в физиологической и интеллектуально-образовательной формах человеческого потенциала, на экономическое обновление и накопление человеческого капитала в системах общественного воспроизводства. Механизм инновационного развития человеческого капитала условно можно представить в виде предпринимаемых методов, способов и мер, необходимых для обеспечения своевременного и экономически необходимого расширенного воспроизводства человеческого капитала в потенциальной и реально задействованной формах.

В то же время необходимо отметить, что инновационное развитие человеческого капитала можно рассматривать и в узком смысле как результат инновационной деятельности в рамках научных, образовательных и трудовых систем. В узком смысле механизм инновационного развития человеческого капитала направлен на осуществление прогрессивных изменений в системе интеллектуально-образовательного потенциала человека труда, профессионально-образовательное накопление человеческого капитала.

Инновационное развитие человеческого капитала имеет определенную специфику осуществления.

Во-первых, при выработке различных видов инновационного продукта сам интеллект выполняет функцию «невещных» средств умственного труда. В то же время при формировании новых знаний фактически создаются компоненты самого интеллекта. Предметом труда здесь может быть только информация, которая входит в изучаемый процесс и несет новые сведения. В зависимости от поставленных задач информация может поступать на тот или другой уровень разума человека и включаться в интеллектуальную производительную деятельность. Все последующие результаты зависят от уровня накопленного

индивидуального интеллекта и его готовности к научно-практической деятельности.

Во-вторых, важнейшим фактором создания инновационного продукта являются «невещные» условия умственного труда. Они обеспечиваются общими условиями жизнедеятельности работника, атмосферой на рабочем месте, предприятии или учреждении, в обществе в целом. Необходимо выделить специфичность нравственной и психологической обстановки инновационного труда, обосновать важность общественного осознания и одобрения целей данного труда, доброжелательность, взаимоуважение, творческую настроенность сослуживцев, отсутствие диктата, дисгармонии.

В-третьих, создание инновационного продукта имеет своим первичным результатом новые знания и информацию. Вторичный результат при этом заключается в развитии интеллекта всякого работника, который имеет прямое отношение к разработке нового знания, его обобщению и систематизации, доработке, внедрению и совершенствованию использованных технологий.

Таким образом, деятельность, направленная на получение различных инноваций и их последующее внедрение в системе производства, распределения, обмена, потребления, а также социально-трудового накопления, необходимо определить как процесс инновационного развития человеческого капитала. Инновационная деятельность человека приносит ряд микро- и макроэкономических результатов: 1) повышение эффективности процессов удовлетворения потребностей населения в результате постоянного обновления создаваемой в обществе товарной массы; 2) повышение динамики экономического роста в обществе, регионе и отдельной организации; 3) перераспределение ресурсов в пользу наиболее эффективных организаций; 4) повышение конкуренции как в отдельных отраслях, так и в обществе в целом.

Таким образом, характерной особенностью инновационной деятельности является то, что в качестве ее конечного продукта выступает не просто новое знание и только, а знание, способное капитализироваться в своем общественном распространении. Знания, воплощенные в машинах, повышают их эффективность и ценность, и доходы от инвестиций в них поступают либо в форме более высоких продажных цен и арендных платежей, либо в форме возросшей прибыли в результате повышения производительности труда. Знания, воплощенные в людях, поднимают их производительность, и доходы от инвестиций в них выступают на поверхности в форме различий в заработной плате. Невоплощенные знания повышают производительность, а значит, и доходы в перспективе. Всякий инновационный процесс приводит к ряду экономических и социально-экономических результатов. Социальные инновации представляют собой общий процесс

планомерного улучшения образовательной и гуманитарной сферы общества и отдельных хозяйственных организаций. Применение инноваций такого рода приводит к накоплению человеческого капитала, расширяет возможности на рынке труда, мобилизует трудоспособных акторов на повышение эффективности трудовой деятельности.

На основе вышеизложенного, можно представить *компоненты механизма инновационного развития человеческого капитала*.

Первый компонент – базовые фундаментальные научные исследования, которые определяют зарождение инновационного развития человека. На первой стадии инновационного развития разрабатываются и систематизируются новые знания, затем данное знание превращается в информационный продукт, который при условии экономической значимости может быть использован в производстве товаров, инновационном обновлении оказания услуг, а также в образовательном производстве человеческого капитала.

Второй компонент определяется реализацией прикладных научных исследований для формирования нововведений через достижение цели вполне конкретного использования фундаментальных и производных знаний, получаемых как в познавательной, так и в прикладной сферах исследований. На данной стадии исследований создаются новации, обеспечивающие совершенствование существующих технических средств, образовательной системы, человеческого потенциала, технологий материального и духовного производства, сырья, материалов и полуфабрикатов.

Третий компонент инновационного процесса осуществляется преимущественно через проектно-конструкторские разработки (жестко направленные на конкретную цель научные исследования, проектирование, конструирование, создание опытных образцов, испытание и коррекцию ранее представленной разработки), а также производственные исследования. Научно-исследовательские практики в современных условиях имеют двойственное проявление. Первое – это производственно-практические исследования, выполненные на стадии освоения производства и в процессе серийного производства продукции. Второе – это практические исследования, выполненные подразделениями образовательной системы на стадии образовательного внедрения инноваций для профессиональной подготовки специалистов, инновационного развития их человеческого капитала. Они направлены на окончательное доведение инновационных знаний для усвоения их обучающимися, обеспечение условий применения новых знаний, умений, навыков в последующей их трудовой деятельности.

Четвертый компонент инновационного процесса развития человеческого капитала определяет использование новых знаний в сфере по-

требления. Условно можно выделить два направления реализации данной стадии: 1) движение материальной или духовной продукции от производителя к непосредственному потребителю и эксплуатация новой продукции потребителем; 2) движение выпускника учебного заведения к работодателю и накопление способности к труду в виде человеческого капитала.

Рассмотрев компоненты механизма инновационного развития, можно отметить, что этапы инновационного развития человеческого капитала взаимосвязаны и взаимообусловлены с деятельностью компонентов данного механизма. Каждый этап интеллектуально-образовательного (инновационного) обновления человеческого капитала представляет собой отражение деятельности компонентов инновационного механизма. Именно научные структуры определяют формирование проектно-конструкторских разработок, стратегии производственной доводки и образовательного использования новых знаний в целях обеспечения совершенствования интеллектуальных и образовательно-квалификационных способностей работников к труду.

Система материального производства обеспечивает внедрение научного информационного продукта в новые технологии и товары потребления. Здесь осуществляется освоение новых технологий и непосредственное производство продукции. Система образовательного производства обеспечивает инновационное развитие образовательных технологий и интеллектуально-образовательное развитие человеческого капитала.

Завершающий этап инновационного внедрения определяет использование новой продукции в сфере потребления. Другое направление развития определяет рост экономического эффекта от используемого человеческого капитала совокупного работника в форме дохода государства, организаций, конкретного индивида, а также совершенствование структуры занятости населения, сокращение безработицы в обществе.

Таким образом, рассмотрев компоненты механизма инновационного развития, несложно заметить, что каждый этап интеллектуально-образовательного обновления человеческого капитала представляет собой отражение процесса зарождения, формирования, проектно-конструкторской разработки, производственной доводки и образовательного использования в целях обеспечения совершенствования интеллектуальных и образовательно-квалификационных способностей к труду. Выделим важнейшие отличительные черты управления инновационным развитием человека: 1) развитие инноваций как средства достижения целей; 2) система управления человеческим развитием включает в себя инновационный механизм развития человеческого капитала; 3) специфика инновационных целей и задач; 4) системный подход к инновационному

производству; 5) наличие специфических управленческих технологий.

Механизм, определяющий создание условий, предпосылок и реализацию деятельности, направленной на получение инноваций и их последующее внедрение в системы производства и экономического накопления человеческого капитала, необходимо называть механизмом инновационного развития человеческого капитала.

Механизм инновационного развития человеческого капитала – это организационно-экономическая форма осуществления инновационной деятельности, направленная на развитие или саморазвитие человеческого капитала. Данный механизм должен формировать инновационное и функциональное обеспечение эффективного возмещения морального износа накопленного человеческого капитала, обеспечивать привязку развития человеческого капитала к стадиям его жизненного цикла. Функциональное обеспечение обновления человеческого капитала представляет собой стоимостное, инвестиционное и финансовое обеспечение процесса развития способностей к трудовой деятельности. Инновационное обеспечение должно определять не только производство новых знаний, но и эффективную их систематизацию, обработку, доводку до нововведений, соответствующих потребностям экономических систем общества.

Инновационное развитие человеческого капитала определяет необходимость разрешения

задачи по достижению эффективной амортизации морального износа человеческого капитала. Последняя не только определяет снижение экономической значимости профессиональных знаний работника, но и способствует снижению стоимости человеческого капитала вследствие технического прогресса и появления новых знаний, информационных потоков, вовлекаемых в систему общественного воспроизводства, а также вследствие роста производительности труда в научно-образовательных отраслях, формирующих человеческий капитал.

Примечания

- ¹ Путин В. В. Послание Федеральному собранию (22 мая 2018 года) // РИА Новости. URL: https://ria.ru/defense_safety/20180426/1519483193.html (дата обращения: 23.05.2018).
- ² См.: Быченко Ю. Г., Еришов В. В. Проектное развитие культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 247–253. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-247-253
- ³ Рывкина Р. В., Косалс Л. Я. Роль социальных механизмов в ускорении социально-экономического развития общества // Изв. СО АС СССР. Сер. экономики и прикладной социологии. 1996. № 12, вып. 3. С. 6.
- ⁴ Латина Н. В., Рогова И. Ю., Рогов А. В. Развитие инновационной деятельности : теория и практика. Саратов : ИЦ СГСЭУ, 2003. С. 6.

Образец для цитирования:

Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. Механизм инновационного развития человеческого капитала // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 12–16. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-12-16>

Cite this article as:

Bychenko Yu. G., Balandina T. M. Human Capital Innovative Development Mechanism. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 12–16 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-12-16>

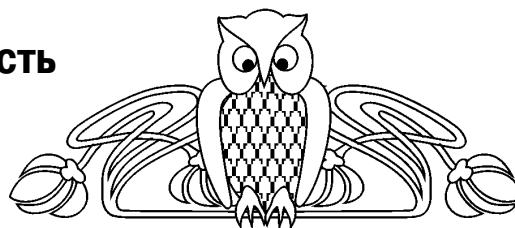

УДК 316.334.22

Занижение цены труда и устойчивость структурной безработицы в России

А. Н. Кочетов

Кочетов Алексей Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, karataeva-m@mail.ru

Рассматриваются причины устойчивости структурной безработицы в условиях трудodeфицитной ситуации, когда спрос на рынке труда превышает предложение. На основе статистических данных и авторского исследования обоснован тезис, что в последние годы главная причина устойчивости безработицы – занижение цены труда, которое противоречит основным законам функционирования рынка труда: равновесной цены труда и стоимости рабочей силы. Вакансии интеллектуальных профессий (врачей, учителей, инженеров и др.) на рынке труда не заполняются и не могут быть заполнены из-за неприемлемой, низкой зарплаты. Среди причин занижения цены труда «бюджетников» особое значение имеет то, что министерство финансов не исполняет закон об индексации заработной платы. Слишком низкая зарплата специалистов усиливает социальную поляризацию в трудовых коллективах и в обществе в целом.

Ключевые слова: безработица, цена труда, вакансия, прожиточный минимум, индексация зарплаты, социальное неравенство.

Labor Cost Lowering and Structural Unemployment Stability in Russia

A. N. Kochetov

Aleksey N. Kochetov, <https://orcid.org/0000-0001-6180-5994>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, karataeva-m@mail.ru

The reasons of structural unemployment stability in the conditions of labor-deficit situation when demand in the labor market exceeds supply are considered. The main reason of unemployment stability is caused by labor cost lowering is proved on the basis of statistical data and the author's research. This state of affairs contradicts the basic laws of the labor market – the equilibrium between labor and working force costs. The vacancies of intellectual professions (doctors, teachers, engineers, etc.) in the labor market are not occupied and cannot be occupied because of unacceptably low wages. One of the main and most important reasons of labor cost lowering is that the Ministry of Finance does not comply with the law of wages indexation. Too low wages of specialists increase social polarization among the employees and in society, as a whole.

Key words: unemployment, labor cost, vacancies, living wage, wages indexation, social inequality.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-17-22>

Главный постулат рынка труда заключается в том, что конкуренция в составе совокупной рабочей силы повышает цену труда наиболее

высококвалифицированных работников. Но это только в теории. Вопрос в том, подтверждается ли этот теоретический постулат состоянием и развитием российского рынка труда? В этой проблеме есть особый аспект, который не совсем выявлен и требует более пристального внимания. Общепризнан тезис о прямой зависимости низкой цены труда от наличия структурной безработицы, но при определенных условиях возможна и обратная зависимость – занижение цены труда как причина, не позволяющая преодолеть структурный дисбаланс рынка труда. Выявлению этой зависимости посвящена данная работа.

В 2017 г. опубликован Доклад Центра трудовых исследований «Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения». На основании цифр и фактов сделан вывод, что «даже в худшие времена глубоких экономических спадов безработица не демонстративно никаких признаков «катастрофического» роста»¹. Однако сохраняется устойчивость структурной безработицы, которая имеет разные причины. Для России главная причина – функционирование рынка образовательных услуг в системе профессионального стационарного образования, которое формирует структуру предложения рабочей силы, не соответствующую потребностям рынка труда. Это отдельная тема и проблема. Не менее важна другая причина, по которой не заполняются предлагаемые вакансии. Ответ на него следует искать, на наш взгляд, в занижении цены труда. Оно касается в основном профессий, которые в социологии профессий называются «нормативными»: врачи, преподаватели, инженеры, научные работники и др. Для них оплата труда определяется социально-экономической политикой государства.

В этой проблеме отрицательную роль сыграли ложные теоретические постулаты. К числу факторов, определяющих безработицу, в зарубежной литературе относят и рост заработной платы. Например, Дж. Сакс утверждал, что чем выше уровень заработной платы, тем больше безработных². Но эта зависимость не является безусловной, опыт большинства стран ее не подтверждает. И, тем не менее, Дж. Сакс в качестве приглашенного в первой половине 90-х гг. XX в. эксперта пропагандировал идею, что если Россия станет на путь повышения заработной платы, она рискует навлечь на себя настоящую катастрофу. Эта пагубная идея стала доминировать в государственной политике на российском рынке труда и способствовала занижению цены труда.

На рынке труда ставки заработной платы определяются законом равновесной цены труда. Этот закон утверждает, что конъюнктура спроса и предложения на рынке труда лежит в основе цены труда, следовательно, заработной платы. Но эта конъюнктура определяет только колебания цены труда. В ее основе должен лежать закон стоимости рабочей силы, по которому уровень квалификации работника изначально включается в величину труда. Различные виды работ требуют разных затрат на приобретение квалификации, на профессиональное образование. Следовательно, всегда, независимо от этой конъюнктуры, цена труда высококвалифицированных работников должна быть выше, чем малоквалифицированных. Государственная политика в области заработной платы не должна игнорировать основные законы формирования цены труда.

Сейчас статистика свидетельствует о позитивных сдвигах на рынке труда. Выросла численность экономически активного населения с 73,8 млн чел. в 2005 г. до 76 млн чел. в 2017 г. Численность безработных за этот период уменьшилась с 5,3 до 4,4 млн чел. И к началу 2017 г. ее уровень упал с 7,1 до 5,5%. Это данные о безработице, рассчитанной по методике МОТ. Уменьшение численности безработных, зарегистрированных в службе занятости, было еще более существенным: 1,8 млн чел в 2005 г. и 885 млн чел. в начале 2017 г. Но самое кардинальное изменение на рынке труда за этот период – соотношение численности зарегистрированных безработных и вакансий, заявленных работодателями в службу занятости. Коэффициент напряженности рынка труда изменился в положительную сторону. В 1990-х гг. он был всегда намного больше 1, т. е. количество безработных всегда было гораздо больше заявленных вакансий, в начале 2000-х гг. он приблизился к 1, т. е. установилось равенство между этими величинами. Многие это расценивали как достижение баланса рынка труда. В 2017 г. по России в целом на 885 тыс. зарегистрированных безработных приходилось 1,4 млн вакансий. Для сравнения: в 1996 г. вакансий было 255 тыс., в 2003 – 804 тыс.³

В целом эти данные свидетельствуют о трудододефицитной ситуации на рынке труда. Возникает вопрос, почему в такой ситуации сохраняется довольно высокий уровень безработицы и она носит устойчивый структурный характер?

На рынке труда в последние годы наиболее востребованными признаны рабочие профессии (газоэлектросварщики, фрезеровщики и др.), инженеры, программисты, врачи. Всегда востребованы менеджеры по продажам, операторы, бухгалтеры, водители, секретари⁴.

Журнал Forbes публикует рейтинг наиболее и наименее оплачиваемых профессий. Наиболее оплачиваемые – врачи и специалисты авиации,

потому что связаны с безопасностью и здоровьем людей. Наименее оплачиваемые – работники пищевой отрасли, обслуживающий персонал, парикмахеры, кассиры, контролеры, работники ферм⁵. В России все не так.

Мы провели самостоятельное исследование по формированию цены труда на рынке труда г. Саратова. Саратовский регион можно считать типичным среднестатистическим регионом, и в этом смысле наше исследование вполне репрезентативно. В Саратовской области в 2017 г. зарегистрировано 12 тыс. чел. безработных, вакансий – 30 тыс.⁶ На основании данных Министерства занятости и труда Саратовской области о вакансиях был проведен анализ размеров заработной плат, которые предлагают работодатели различным категориям работников. Эти данные рассмотрены в динамике с 2013 по 2016 г. Выборка составила 18% от численности вакансий по г. Саратову по состоянию на октябрь соответствующего года. В основном рассматривались вакансии «нормативных» профессий: врачей, учителей, инженеров. По этим специальностям брались все вакансии, зафиксированные в центре занятости на 1 октября соответствующего года. Для сравнения приводили вакансии работников сферы услуг и рабочих специальностей: продавцов, менеджеров по продажам, охранников, слесарей, водителей, строительных рабочих, грузчиков, но выборочно, через «шаг отбора» – каждую пятую.

В 2013 г. вакансии врачей с зарплатой до 15 000 руб. составляли 65%, встречались даже вакансии с зарплатой менее 6000 руб. В 2014 г. ситуация несколько изменилась. Доля вакансий с зарплатой до 15 000 руб. уменьшилась до 39%, вакансий до 6000 руб. уже не было, но было довольно много вакансий врачей с зарплатой от 6000 до 8000 руб. В 2015 г. по врачам доля вакансий с зарплатой до 15 000 руб. опять увеличилась до 55%, а вакансии до 8000 руб. встречались также часто, как и в 2014 г. В 2016 г. средний размер предлагаемых зарплат врачей несколько вырос: до 15 000 руб. среди их вакансий составили 36%, но встречались зарплаты в 10 000 руб., их было 8%. Увеличилось число предлагаемых зарплат свыше 20 000, но это относилось только к детским врачам, стоматологам и врачам частных клиник. Дело в том, что дифференциация зарплат по вакансиям врачей весьма значительна. По детским врачам, стоматологам и некоторым другим она превышала 20 000 руб., эти вакансии заполнялись. А вакансии врачей участковых поликлиник, государственных стационарных больниц не заполняются из года в год: с 2013 г. они переходили в 2014 г., с 2014 – в 2015 г., с 2015 – в 2016 г. Руководители этих учреждений, испытывая острый дефицит во врачах, на самом деле уже чисто формально заявляют в службу занятости об этих вакансиях, заведомо зная, что на такую зарплату никто не пойдет.

По вакансиям учителей нет такой дифференциации по зарплате, как у врачей. В 2015 г. размеры предлагаемых зарплат по сравнению с 2013 и 2014 гг. не увеличились: 36% их были менее 10 000 руб. Эти вакансии просто не заполнялись. В 2016 г. количество вакансий учителей с зарплатой от 15 000 до 20 000 руб. немного выросло: их доля составила 45%, но более 45% работодателей предлагали зарплату до 15 000 руб.

По вакансиям инженеров промышленных предприятий размер предлагаемых зарплат в среднем был еще ниже. В 2013 и 2014 гг. 40% их вакансий предлагали зарплату до 10 000 руб. В 2015 и 2016 гг. доля таких вакансий немного уменьшилась, но по-прежнему доля вакансий с зарплатой до 15 000 руб. составляла 60%. Хотя следует отметить, что в 2016 г. возросла дифференциация по зарплатам инженеров.

По указанным данным было сделано сравнение размеров зарплат по вакансиям этих профессий с охранниками, слесарями, продавцами, водителями, строительными рабочими, менеджерами по продажам, грузчиками. В среднем они находились на одном уровне, но доля предлагаемых зарплат больше прожиточного минимума для неквалифицированных работников была выше, что еще раз говорит о нарушении закона стоимости рабочей силы.

Исследование показало, что, несмотря на значительный рост цен в эти годы, размеры зарплат, которые заявлены в вакансиях врачей, учителей и инженеров, существенно не изменились. Конечно, в течение четырех лет ставки зарплат немного менялись в сторону увеличения, но настолько незначительно, что объявленные вакансии не заполнялись из года в год. Цена труда «нормативных» профессий искусственно занижается, многие из приведенных в нашем исследовании вакансии не могли быть заполнены из-за слишком низкой зарплаты. Они в большой мере существуют для отчетности о позитивных сдвигах в конъюнктуре спроса и предложения на региональном рынке труда, что скрывает остроту проблемы с безработицей.

В первой половине 2000-х гг. вопросу цены труда уделялось особое внимание в связи с принятием нового Трудового кодекса. Тогда звучали такие аргументы, что существующая в России система заработной платы не отвечает требованиям рыночной экономики. Эта ситуация сохранялась все последующие годы.

Занижение цены труда напрямую связано с тем, что минимальный размер оплаты труда (МРОТ), который устанавливается законодательно как социальный норматив, в действительности таковым не является, потому что его размер ниже прожиточного минимума. Прожиточный минимум определяется в каждом регионе самостоятельно в зависимости от среднего индекса цен, но есть усредненный показатель по России в целом. Размер МРОТ – произвольно заниженная

величина, ничем не обоснованная и противоречащая законам стоимости рабочей силы и равновесной цены труда. По рекомендации Международной организации труда (МОТ), он должен достигать 50% средней зарплаты. В России его следует расценивать как один из инструментов государственной политики замораживания заработной платы.

Слишком низкий размер МРОТ в России был отмечен еще в докладе генерального директора МБТ Х. Сомавиа «Труд как средство борьбы с нищетой» на Международной конференции труда в Москве в 2003 г.⁷ Затем в 2005 г. в досье журнала «Человек и труд» были приведены следующие данные: минимальная зарплата в странах Западной, Центральной и Восточной Европы установлена в следующих размерах: Франция – 1090 евро, Великобритания – 980 евро, Словакия – 148 евро, Литва – 125 евро, Украина – 44 долл., Россия – 24 долл.⁸

В это время правительством была поставлена стратегическая задача – поднять МРОТ до уровня прожиточного минимума. В 2001 г. Минтруд России совместно с Минэкономразвития, Минфином, с учетом замечаний участников Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений подготовил предложения «О поэтапном повышении минимального размера оплаты труда». Подготовка предложений проводилась на основе долгосрочного макроэкономического прогноза Минэкономразвития России. Тогда МРОТ составлял всего 30% от прожиточного минимума. К 2005 г. предлагалось довести минимальный размер оплаты труда до уровня прожиточного минимума⁹. Но эта задача не решена до сих пор. Приблизительно с 2008–2009 гг. правительство как бы забыло об этой стратегической задаче, занижение цены труда приобрело хронический характер и уровень реальной заработной платы наемных работников снизился. При средней зарплате в 32 тыс. руб. 70% работников получают меньше ее размера¹⁰.

В 2009 г. МРОТ равнялся 4330 руб. (79% от величины прожиточного минимума), а в 2013 г. – 5205 руб. (68%)¹¹. В 2015 г. МРОТ составлял 5965 руб. при прожиточном минимуме в 10 017 руб. (60% от его величины), в 2016 г. – 6204 руб. при прожиточном минимуме 9776 руб. (63%). В 2017 г. МРОТ был определен в 7500 руб., а прожиточный минимум – в 10 678 руб. (70% этой величины)¹². С 2009 г. показатель МРОТ стал уменьшаться по отношению к величине прожиточного минимума вопреки поставленной задаче о выравнивании этих величин. В феврале 2018 г. принято решение, чтобы к концу года довести МРОТ до уровня прожиточного минимума – 11 163 руб. Поскольку этот уровень определяется в каждом регионе самостоятельно, то местные власти могли пойти на его занижение, чтобы выполнить поставленную президентом задачу. В

Саратовской области, например, норматив прожиточного минимума в 2018 г. пересмотрели в сторону его уменьшения, несмотря на рост цен. Но правительство своевременно к осени 2018 г. зафиксировало этот норматив для всех регионов поименно, увеличив его для Москвы и нескольких других субъектов. Пренебрежительное отношение местных чиновников к уровню жизни народа продемонстрировал скандал в октябре 2018 г. с министром труда и занятости Саратовской области, которая заявила, что пенсионер может питаться на 3500 руб. в месяц. Но главное в том, что увеличение МРОТ коснулось только 1 млн работников и не повлияло на получающих зарплату выше этого уровня.

У народа все больше вызывают недовольство частые примитивные суждения таких специалистов, как проректор Финансового университета при Правительстве РФ А. Н. Зубец, который в телевизионной передаче 15 октября 2018 г. заявил, что причиной низкой зарплаты является низкая производительность труда. *А он пробовал измерять производительность труда учителей, врачей, профессоров вузов, которые получают зарплату меньше некоторых охранников?!*

Следует отметить, что Росстат приводит противоречивые и зачастую нереальные цифры. Например, приведены такие данные о росте зарплат: учителей – с 29 038 руб. в 2013 г. до 42 226 руб. в 2018 г., врачей и медиков с высшим образованием – с 42 253 руб. до 73 952 руб. соответственно, преподавателей вузов – с 40 428 руб. до 73 952 руб., научных сотрудников – с 41 623 руб. до 96 263 руб., социальных работников – с 14 759 руб. до 32 605 руб.¹³. Откуда взялись такие цифры? Они явно «дутые» и вызывают возмущенные отклики в Интернете. Другой источник Росстата указывает, что средняя зарплата всех работников образования, включая руководителей, в 2018 г. составила 26 700 руб., всех работников здравоохранения – 28 600 руб. Очевидно, что они ближе к истине. Тем более что Росстат дает следующие данные о средней зарплате всех занятых в России: 2007 г. – 13 593 руб., 2010 г. – 20 952 руб., 2017 г. – 39 167 руб., 2018 г. – 40 691 руб. Но в большинстве регионов она не превышает 30 тыс. руб.¹⁴

Общая причина занижения цены труда «бюджетников» содержится в экономической политике правительства, которое «экономит» бюджетные средства на зарплате работников социальных отраслей. И предоставив самостоятельность работодателю в расходовании фонда оплаты труда, государство ослабило его контроль. Во внебюджетной сфере, включая реальное производство, главная причина – социальная незащищенность наемного работника от работодателя. В экономической политике отсутствует приоритет социальной составляющей. Здесь переплелись объективные и субъективные фак-

торы. В цепи этих причин следует выделить *непосредственный фактор* занижения цены труда, который состоит в том, что не исполняется закон об индексации заработной платы¹⁵. Вопреки мировой практике, российское министерство финансов считает, что индексация зарплат станет причиной взлета инфляции. На наш взгляд, нельзя считать индексацию зарплаты «госбюджетников» причиной роста инфляции. Индексация не означает роста реальной заработной платы, а лишь ее номинальное увеличение в соответствии с индексом роста потребительских цен.

По нашим расчетам на основании опубликованных статистических данных, все «госбюджетники» в составе занятого населения составляют приблизительно 18% (12 млн чел. из 70 млн занятого населения). В эту цифру включена численность руководителей управления всех уровней (5,3 млн чел.)¹⁶. Причем их численность постоянно уменьшается в основных категориях: с 2013 по 2018 г. численность преподавателей вузов сократилась с 268 068 до 200 516 чел., врачей и медиков с высшим образованием – с 578 783 до 559 832 чел., младшего медицинского персонала – с 1 442 157 до 1 324 004 чел., научных сотрудников – с 107 663 до 70 741 чел. За этот период количество всех «бюджетников» уменьшилось на 742 тыс. чел.¹⁷

Увеличение номинального размера заработной платы «бюджетников» не может оказывать существенного «давления» на потребительский рынок. В отличие от них, рост личных доходов и расходов предпринимателей в большей мере влияет на рост цен в различных секторах потребительского рынка.

О «поголовной» индексации зарплаты всех работающих по найму речь не идет. Этот механизм должен применяться как инструмент против явного нарушения закона стоимости рабочей силы, которое состоит в несоответствии зарплаты работника уровню его квалификации и степени сложности его труда. Несправедливость в оплате труда касается в основном квалифицированных специалистов с высшим образованием, прежде всего «бюджетников». Трудовой кодекс Российской Федерации (ст. 134) указывает, что во всех организациях внебюджетного сектора экономики индексация заработной платы осуществляется в порядке, установленном коллективным договором, соглашением или локальным нормативным актом организации¹⁸. Ориентиром здесь может служить Типовая модель национального межпрофессионального коллективного соглашения, разработанная МОТ на основе международных трудовых норм¹⁹. Однако на практике обязательства работодателей по индексации не выполняются

На телевизионной передаче на 5 канале еще 3 марта 2015 г. обсуждался вопрос об индексации заработной платы «бюджетников». Основное мнение было таким – нужно замораживать

цены, а не повышать зарплату. Но если цены растут, индексация – единственное средство для социальной защиты работников. Кроме того, по всем экономическим законам индексация заработной платы наемных работников увеличивает их покупательный спрос и стимулирует развитие экономики, что само по себе содержит антиинфляционную направленность.

В практике западных стран применяются разнообразные формы индексации заработной платы. В соответствии со степенью охвата граждан индексацией развитые страны можно подразделить на две категории:

– страны, где практически все население охвачено индексацией (Бельгия, Дания, Исландия, Италия и др.);

– страны, где индексация применяется лишь по отношению к определенным социальным группам (как правило, на основе соответствующего пункта в коллективных договорах).

В 2007 г. заместитель министра Минфина РФ Татьяна Голикова на Совете Федерации заявила, что схема индексации зарплаты «бюджетников», заложенная в единой тарифной сетке (ЕТС), себя исчерпала. После этого ЕТС была отменена и появилась возможность произвола работодателей в сфере оплаты труда. Конечно, ЕТС не оправдала себя, но с ее отменой исчез механизм индексации зарплаты «бюджетников». Вопрос в том, почему она себя не оправдывала? Во-первых, в силу того, что она была единой для всех профессионально-отраслевых категорий «бюджетников», не учитывала принципиальной разницы между ними по характеру, содержанию и критериям оценки их труда. Необходимо было создать систему различных профессионально-отраслевых тарифных сеток: отдельно для образования, отдельно для здравоохранения, отдельно для научно-исследовательских организаций и т. д. В этом случае возможность индексации зарплаты работников сохранилась бы. Во-вторых, ЕТС себя не оправдала (и это главное) из-за необоснованно низкого размера ставки первого тарифного разряда, которая определялась величиной МРОТ. В-третьих, на практике пересматривались коэффициенты для всех 18 квалификационных разрядов ЕТС в сторону уменьшения, которые рассчитывались от первого тарифного разряда.

С отменой ЕТС сложился произвол работодателей в вопросе оплаты труда, резко возросла ее дифференциация между руководителями и рядовыми работниками. В советское время, например, зарплата директора завода приблизительно в 2–3 раза превышала зарплату квалифицированного работника. Сейчас это превышение может быть в десятки раз. Такие факты неоднократно приводились в средствах массовой информации и указаны в статье генерального секретаря Союза профсоюзов России Е. Куликова²⁰. В 2017 г. в Трудовой кодекс внесена поправка № 347, где установлена предельная разница между зарпла-

той руководителей и подчиненных – в 8 раз – для государственных и автономных организаций. Но это тоже много. В Европе эта разница составляет 3,0–3,5 раза. Кроме того, там оговорено много условий, при которых эту разницу можно увеличивать. И главное в том, что уровень квалификации потерял свое значение, а возрос фактор степени приближенности отдельных персон к работодателю, к «хозяину». В таких условиях не могут быть в должной мере заполнены вакансии рядовых квалифицированных специалистов.

Указанная дифференциация усиливает социальное неравенство, и показатели этого неравенства имеют тенденцию к его росту. Основной показатель измерения социального неравенства – индекс Джинни. Чем ближе он к 0, тем больше равенство и меньше неравенство, чем ближе к 1, тем неравенство выше. Пороговым значением Индекса, опасным для общества, считается 0,5. По данным официальной статистики, в России с середины 2000-х гг. он практически не изменился, варьирует приблизительно на уровне 0,42²¹. Однако российский бизнес и административная элита редко показывают свои доходы налоговикам и Росстату. А вот когда банк Credit Suisse изучил этот вопрос и в своем отчете Global Wealth Report посчитал этот индекс, то в России он оказался самым высоким среди всех стран, попавших в выборку, – 0,84²².

На основании изложенного сделаем выводы и предложим некоторые рекомендации. В развитых странах от произвола работодателей наемных работников защищают профсоюзы и конвенции МОТ. Отсутствие в России независимых отраслевых профсоюзов является главным препятствием в решении проблемы занижения цены труда. Для ее решения профсоюзы должны добиваться: 1) соблюдения закона об индексации зарплаты; 2) принятия социально обоснованного норматива МРОТ не ниже, а выше прожиточного минимума; 3) утверждения профессионально-отраслевых тарифных сеток начисления зарплаты в каждом секторе госбюджетной занятости.

Очень низкая цена труда по интеллектуальным профессиям противоречит основным законам функционирования рынка труда:

– по закону равновесной цены труда превышение спроса над предложением повышает цену труда. В России этого не происходит, при дефиците труда по «нормативным» профессиям (учителя, врачи, инженеры и др.) сохраняется тенденция занижения цены их труда;

– занижение цены труда носит искусственный характер, потому что противоречит закону стоимости рабочей силы. Более квалифицированным работникам предлагают зарплату меньшую, чем менее квалифицированным.

В отличие от предыдущих лет, в последние годы в России спрос на рынке труда превышает предложение. Но это превышение происходит за счет вакансий с неприемлемым уровнем

зарплаты, которые не могут быть заполнены. В таких условиях устойчивость структурной безработицы становится неизбежной. Замораживание зарплаты рядовых работников усиливает социальную поляризацию в обществе в целом и в трудовых коллективах в частности. В первой половине 2000-х гг. в социальной политике была провозглашена стратегическая задача «борьбы с бедностью», но установка министерства финансов на замораживание зарплаты не позволила и не позволяет ее реализовать. Чтобы ее выполнять и оптимизировать рынок труда, государство должно предъявить работодателям требования об обязательном повышении зарплаты в размере среднемесячного прироста стоимости минимальной потребительской корзины. Обществоведы разных направлений ищут объективные причины неудач социально-экономических реформ в России, но главная причина лежит на поверхности – политика правительства по занижению цены труда в интересах крупной буржуазии и олигархической верхушки.

Примечания

- 1 Российский рынок труда : тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой, С. Рощина. М. : ВШЭ, 2017. С. 13.
- 2 См.: Сакс Д., Ларрен Ф. Макроэкономика. Глобальный подход. М. : Дело, 1996.
- 3 См.: Статистика рынка труда по данным Росстата. URL: <http://blog.trud.com/blog/2017/04/17/statistika-rynka-truda-dannie-rosstata-fevral-2017> (дата обращения: 30.01.2017).
- 4 См.: Рынок труда России : проблемы и перспективы развития в 2016 году. URL: <http://www.ereport.ru/prel/gynok-truda-rossii-problemy-i-perspektivy-razvitiya-v-2016-godu.htm> (дата обращения: 21.02.2017).
- 5 См.: Зарплаты по отраслям : рейтинг Forbes. 2016. URL: <http://www.forbes.ru> (дата обращения: 18.03.2017).
- 6 См.: Работа в Саратове, вакансии, советы. 2017. URL: <http://www.saratov.rabota.ru> (дата обращения: 16.05.2017).
- 7 См.: Сомая Х. Труд как средство борьбы с нищетой // Человек и труд. 2003. № 3. С. 5.
- 8 См.: Статистика МРОТ в досье журнала // Человек и труд. 2005. № 1. С. 20.
- 9 См.: О поэтапном повышении минимального размера оплаты труда // Человек и труд. 2001. № 8. С. 26.
- 10 См.: Рынок труда России : проблемы и перспективы развития в 2016 году.
- 11 См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013 : стат. сб. М. : Росстат, 2013. С. 118, 119.
- 12 См.: Минимальный размер оплаты труда в России. 2017. URL: <http://www.ru.wikipedia.org> (дата обращения: 20.01.2018); Прожиточный минимум. 2017. URL: <http://www.working-papers.ru/prozhitochny-minimum-rf> (дата обращения: 20.01.2018).
- 13 См.: Зарплата в России в 2018 г. URL: https://pikabu.ru/story/srednyaya_zarplata2018poslednie_dannye_rosstata_postrane (дата обращения: 28.10.2018).
- 14 См.: Средняя зарплата в России в 2018 году. URL: <https://advokat-tmy.ru/banki/srednyaya-zarplata-v-rossii-v-2018-godu> (дата обращения 28. 10.2018).
- 15 См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 11.10.2018, с изм. от 19.12.2018). Статья 134. Доступ их справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 16 См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015 : стат. сб. М. : Росстат, 2015. С. 56, 57.
- 17 См.: Зарплата в России в 2018 г.
- 18 См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ.
- 19 См.: Трудовые отношения и коллективные действия в современной России : политические, правовые и социальные аспекты / отв. ред. А. Кацва, П. Кудюкин, С. Патрушев). М. : Эдиториал, 1999. С. 261–268.
- 20 См.: Куликов Е. Что скрывает средняя зарплата? // АиФ. 2017. № 32. С. 4.
- 21 См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 96.
- 22 См.: Рыбакова Т. Яхтунг! // Совершенно секретно. 2015. 9 окт. С. 25.

Образец для цитирования:

Кочетов А. Н. Занижение цены труда и устойчивость структурной безработицы в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 17–22. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-17-22>

Cite this article as:

Kochetov A. N. Labor Cost Lowering and Structural Unemployment Stability in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Poliology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 17–22 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-17-22>

УДК 316.356.2(470.67)+2(470.67)

Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане

М. Б. Гимбатова, Э. М. Загирова

Гимбатова Мадина Багавутдиновна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, gimbatova@list.ru

Загирова Эльвира Махачевна, аспирант, Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, elvira.2005@inbox.ru

Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане являются производными от сложившихся образов этого типа семьи в дагестанском обществе. Авторы исследования придерживаются позиции, что, поскольку динамика развития каких-либо явлений и процессов протекает в пространстве между реальным и идеальным, развитие традиционной семьи как социального института напрямую связано с доминирующими в этом пространстве тенденциями. Более того, эти тенденции обуславливаются переплетением традиционного и инновационного в институциональном пространстве традиционной семьи, а следовательно, характер ее развития будет зависеть от того, какие семейные практики являются определяющими – с ориентацией на традиционность или инновации. По результатам исследования сделан вывод о том, что при сохранении в современном дагестанском обществе вероятности существования альтернативы институционального развития традиционной семьи преобладающей останется традиционно-модернизационная, с ориентацией на согласованное соединение традиционных основ семейной жизни и тех инновационных элементов, которые не несут угрозы сохранению традиционной культуры дагестанских народов. Также по результатам исследования установлено, что в маскулинном дагестанском обществе к женщинам неизменно предъявляли более жесткие и строгие требования. Наблюдающееся в общественном сознании дагестанских народов изменение отношения к женщине, оценка ее семейного поведения и семейных поступков констатируют заметные преобразования как в общественном сознании, так и в семейно-брачной сфере.

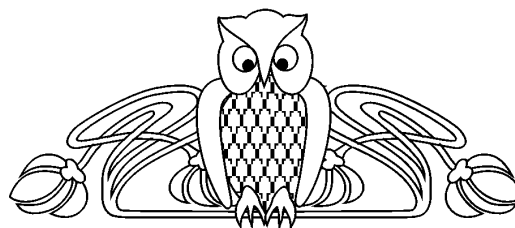
Ключевые слова: традиционная семья, дагестанская семья, дагестанские народы, семейно-брачная сфера, семейное поведение.

Traditional Family Development Institutional Alternatives in Dagestan

M. B. Gimbatova, E. M. Zagirova

Madina B. Gimbatova, <https://orcid.org/0000-0002-6767-4478>, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of RAS, 75 Yaragского Str., Makhachkala 367030, Russia, gimbatova@list.ru

Elvira M. Zagirova, <https://orcid.org/0000-0002-5586-7440>, Regional Center of Ethnopolitical Researches of Dagestan Scientific Center of

RAS, 45 Gadzhieva Str., Makhachkala 367032, Russia, elvira.2005@inbox.ru

Traditional family development institutional alternatives in Dagestan are derived from the family types which developed in Dagestan society. The authors are of opinion that as any phenomena and processes development dynamics takes place between the real and the ideal, the development of the traditional family as a social institution is directly connected with dominant trends in this area. Moreover, these tendencies are caused by interlacing between traditional and innovative in traditional family institutional space, and, therefore, the nature of its development will depend on what family practices are defining – with orientation to traditional character or innovations. On the basis of the research results, the conclusion was made that in case of preservation of institutional development of a traditional family, innovative alternative will prevail. At the same time, the orientation to coordinated connection between traditional basis of family life and innovative elements which do not imply the threat to traditional culture of Dagestan people will remain. On the basis of the research results the conclusion is drawn that within modern Dagestan society preservation of existing probability of traditional family institutional development alternative will remain. They can be characterized as traditional and modern, with orientation to the coordinated connection of traditional bases of family life and those innovative elements which are not posing threat to preservation of traditional culture of Dagestan people. According to the research results it is established that in masculine Dagestan society women are steadily imposed with more strict and rigid requirements. The change of the attitude towards women, which is present in public consciousness of Dagestan people, an assessment of their family behavior and family activity constitute noticeable transformations both in public consciousness, and in the family and marriage sphere.

Keywords: traditional family, Dagestan family, Dagestan people, family and marriage sphere, family behavior.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-23-31>

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Семейно-брачная сфера является одной из важнейших в предметном пространстве этносоциологического исследования дагестанских народов из-за ее непреходящей роли в сохранении и воспроизводстве этнокультуры и структуры данного региона во всем его национальном многообразии. Поэтому, являясь и по сей день носителем этноспецифических черт и каналом трансляции этнокультурных ценностей молодому поколению, семья в Дагестане привлекает пристальное внимание ученых (Б. М. Алимова¹, М.-П. А. Ибрагимов²) с целью изучения характерных ей изменений, оценки с позиций

современной реальности и определения вектора дальнейшего развития.

К факторам, вызывающим особую тревогу дагестанской общественности, в том числе и научной, относятся те явления и процессы, которые, несмотря на сохранение консервативного облика дагестанской семьи, свидетельствуют о тенденциях разрушения ее традиционных основ, что находит выражение в снижении устойчивости семейно-брачных отношений, росте конфликтного потенциала и увеличивающейся динамике разводов в дагестанских семьях³.

Указанный спектр проблем требует глубокого социологического осмысления источников их возникновения и последствий для функционирования традиционной семьи как базовой ячейки дагестанского общества. Включение в широкий социологический контекст проблем, традиционно изучающихся дагестанскими учеными, преимущественно с позиций исторической и этнографической науки, определяет необходимость исследования традиционной семьи в Дагестане с учетом ее институциональной трансформации и кризисных факторов, обуславливающих векторы ее развития.

Пространство соотношения традиционного и инновационного в семейно-брачной сфере дагестанского общества является достаточно противоречивым, так как реанимация ряда архаических элементов семейной жизни в ходе их реализации в реальной семейной практике не соответствует той логике трансформации традиционной семьи, которая связана с имеющей место в дагестанской среде эгалитаризацией семейных отношений. Возникает ситуация, когда полное восстановление традиционной семьи в ее архаическом варианте с опорой на патриархальные устои и религиозные предписания уже невозможно, но усилия, предпринимаемые в этом направлении, значительно препятствуют развитию нуклеарной семьи в ее современном формате, основанном на эгалитарных ценностях. Это состояние баланса традиционного и инновационного в функционировании института традиционной семьи в Дагестане – своего рода турбулентное пространство, в котором варианты развития семейных отношений зависят от многих факторов, способных изменить соотношение традиционного и инновационного в ту или иную сторону с соответствующими последствиями – архаизации традиционной семьи или ее инноватизации, т. е. эгалитаризации.

Эмпирическая база исследования включает в себя результаты социологического исследования, проведенного в Дагестане в 2016 г. на тему «Трансформация традиционной дагестанской семьи» в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Каякентском, Кизилюртовском, Карабудахкентском, Кизлярском, Лакском, Левашинском, Новолакском, Хасавюртовском районах, гг. Дербент, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Ха-

савюрт. Распределение респондентов по этнической принадлежности выглядит следующим образом: аварцы – 29,2%, агулы – 1,0%, азербайджанцы – 4,5%, даргинцы – 16,9%, кумыки – 14,8%, лакцы – 5,5%, лезгины – 13,2 %, русские – 3,6%, рутульцы – 0,9%, табасаранцы – 4,1%, чеченцы – 3,2%, цахуры – 0,3%; по гендерному признаку: мужчины – 48,1%, женщины – 51,9%.

Результаты исследования

Исследование состояния традиционной семьи в Дагестане показывает наличие в современной семейно-брачной сфере дагестанцев традиционного и инновационного компонентов. В этой связи для нас интерес представляет отношение опрошенных к традиционным семейным ценностям, их ориентированность на поддержание таковых или игнорирование на фоне происходящих в современном дагестанском обществе кардинальных изменений.

В нашем эмпирическом исследовании респондентам был задан вопрос о том, в какой мере соблюдаются, по их мнению, семейные традиции в современном дагестанском обществе (табл. 1).

По результатам нашего исследования, в массовом сознании опрошенных превалирует позиция, что семейные традиции в Дагестане соблюдаются не в полной мере; по этнической принадлежности его разделяет больше половины опрошенных среди аварцев, даргинцев, лакцев, кумыков и русских, а также в подгруппах убежденно верующих, верующих и неверующих, каждый второй среди лезгин из колеблющихся, каждый третий среди чеченцев. С образовательным статусом повышается доля придерживающихся данной позиции – 51,3% со средним, 49,7% средним специальным и 60,2% высшим образованием. По гендерному признаку среди женщин оказалось больше тех, кто убежден в том, что семейные традиции и обычаи не соблюдаются в дагестанском обществе в полной мере (57,4%), в противовес каждому второму опрошенному среди мужчин (48,7%). В подгруппе верующих дагестанцев доминирует убежденность в этой позиции, что позволяет утверждать, что традиционные устои семейной жизни в дагестанском обществе пошатнулись и дагестанцы уже не считают необходимым соблюдать абсолютно все традиции, прежде определявшие содержание и характер семейно-брачной сферы жизнедеятельности дагестанского социума.

Далее, обращает на себя внимание позиция опрошенных, отмечающих, что в сельской местности соблюдают все семейные традиции и обычаи, в отличие от городской, в которой соблюдаются «только некоторые семейные традиции и обычаи». И такая позиция присуща каждому второму опрошенному среди аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, подгруппе убежденно верующих и неверующих, каждому третьему среди

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В какой мере соблюдаются в современном дагестанском обществе семейные традиции и обычаи?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

Националь-ности	Варианты ответов				
	В современном дагестанском обществе в полной мере соблюдают все семейные традиции и обычаи	В современном дагестанском обществе не в полной мере соблюдают семейные традиции и обычаи	В современном дагестанском обществе вообще не соблюдают семейных традиций и обычаев	В сельской местности соблюдают все семейные традиции и обычаи, в городской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи	В сельской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи, в городской местности вообще не соблюдают семейных традиций и обычаев
По национальности					
Аварцы	17,8	58,2	4,9	42,0	16,0
Даргинцы	18,9	62,9	5,8	41,2	14,8
Кумыки	23,0	43,7	15,6	31,9	10,4
Лакцы	12,5	63,5	8,7	40,4	12,5
Лезгины	25,7	48,6	4,6	41,3	11,0
Русские	24,1	68,5	1,9	33,3	1,9
Чеченцы	17,9	33,3	16,7	38,1	6,0
По отношению к религии					
Убежденно верующий	30,0	52,7	5,0	42,3	9,6
Верующий	20,9	55,1	7,3	38,7	12,3
Колеблющийся	9,7	49,5	5,8	53,4	12,6
Неверующий	16,7	54,2	8,3	45,8	20,8
Убежденно неверующий	8,3	66,7	0	25,0	25,0
Всего по обоим признакам	21,2	54,4	6,8	40,5	12,4

чеченцев, кумыков, русских и самоидентифицирующихся как неверующие; с ростом образовательного уровня снижается доля считающих, что в сельской местности, по сравнению с городом, соблюдают все семейные национальные традиции и обычаи дагестанских народов: 45,8% со средним, 40,1% средним специальным и 36,4% с высшим образованием.

Вместе с тем каждый пятый опрошенный по всему массиву утверждает, что в современном дагестанском обществе в полной мере соблюдают все семейные традиции и обычаи. По этнической принадлежности данный вариант ответа разделяют каждый третий опрошенный в подгруппе убежденно верующих, каждый четвертый среди кумыков, лезгин и русских, каждый пятый в подмассиве верующих и даргинцев, а также 25,6% имеющих среднее специальное образование, 22,1% среднее и 18,9% высшее. Суждение «в сельской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи, в городской местности вообще не соблюдают семейных традиций и обычаев» разделяют каждый четвертый опрошенный среди убежденно неверующих, каждый пятый в подмассиве неверующих, каждый шестой среди аварцев, каждый седьмой среди даргинцев, каждый восьмой среди лакцев и в

подгруппе верующих и колеблющихся, каждый девятый среди лезгин, каждый десятый среди кумыков, что свидетельствует о наличии в духовно-нравственной сфере современного дагестанского общества сложных и противоречивых процессов.

Видимо, ухудшение духовной сферы и духовного здоровья дагестанцев обусловлено происходящими на постсоветском пространстве преобразованиями, которые, с одной стороны, предоставили людям широкую свободу и возможности практически во всех сферах социального взаимодействия, с другой, усиление религиозного фактора и роли духовенства, которое стремилось влиять практически на все сферы жизнедеятельности человека, имело не всегда позитивные последствия. В массовом сознании дагестанских народов имеет место восприятие религиозных обрядов как национальных традиций народов, исповедующих исламское вероучение, очень часто и их отождествление, когда религиозные нормы поведения выступают как составляющие национальной этики и этикета, например, когда традиции светских форм бракосочетания заменяются религиозным обрядом «мавлид». Следует отметить, что мавлидная свадьба – явление позднее, получившее распространение

в последние десять–пятнадцать лет. Дагестанские этнографы (С. Ш. Гаджиева, А. Г. Булатова, Б. М. Алимова, М. Б. Гимбатова и др.) на основе полевого материала показывают, что в традиционном дагестанском обществе у жениха свадьба проходила широко и весело, с песнями, танцами, инсценировками, ряжеными. Семейное торжество превращалось в общесельское, в котором принимало участие все общество (джамаат). Мавлиды проводились в редких случаях, когда семью или кого-либо из тухума постигало горе. У невесты свадьба проходила более скромно, она так и называлась «тихая свадьба». Таким образом, можно отметить наличие в семейно-брачной сфере дагестанцев, принадлежащих исламу, изменение обряда проведения свадьбы – переход к безалкогольной, религиозной форме свадьбы, с пением нашидов (мусульманское песнопение, исполняемое традиционно только мужским или детским вокалом (в хоре или соло) без музыкальных инструментов. Согласно авторитетному мнению большинства мусульманских богословов, использование музыкального (инструментального) сопровождения не разрешено).

Религиозное возрождение в республиках распространения ислама сопровождалось ростом религиозного экстремизма, появлением ваххабитской идеологии в религиозном пространстве Дагестана, последствием которого является жесткое внутриисламское противостояние между традиционным исламом и ваххабизмом⁴. Также обращает на себя внимание внешний облик молодых дагестанок, которые стали носить нетрадиционную для дагестанских народов одежду – хиджаб: следует отметить, что такая форма одежды молодой девушки привлекает молодых людей не только в сельской, но и городской местности и имеет для них большое значение при вступлении в брак, ибо он (молодой человек) изначально ориентирован на создание семьи с «закрытой девушкой». На данный факт обращают внимание дагестанские исследователи, подчеркивая, что «мусульманские религиозные догмы требуют установки таких порядков в отношении к женщине, которые никогда не были присущи дагестанской женщине – это затворничество, ношение ими костюма хиджаб и т. д. С такими воззваниями обращаются современные представители духовенства к дагестанским женщинам. Они не только своих жен и дочерей заставляют надевать костюм хиджаб, но и неоднократно призывают женщин Дагестана выполнять все установки, порядки, якобы проповедуемые исламом»⁵. Очень часто после замужества молодую жену муж заставляет носить хиджаб, в случае отказа это может привести к разводу, хотя историческая практика свидетельствует, что в Дагестане женщина никогда не была на положении рабыни и никогда не носила ни чавчак, ни паранджу, ни чадру и т. д. Она всегда носила чухту, которая не в полной степени покрывала во-

лосы на голове, а при выходе на улицу поверх чухту надевала платок. Распространенный в современном Дагестане костюм (хиджаб) является традиционной одеждой женщины арабских стран. В этой связи совершенно правомерно звучит вопрос известного дагестанского этнографа, фамилиста С. С. Агашириновой: «А что же получается сейчас, если следовать этим принципам дагестанским женщинам? Получается, что наши дагестанские женщины должны носить арабский костюм, а не свой национальный. Почему современные муллы призывают одеваться девочкам в чужой традиционный костюм чуть ли не с 3–4 лет», и она дает следующий печальный прогноз: «...непонятно к чему мы придем через лет десять, когда все женщины будут ходить в хиджабах или надевать паранджу. Мы не имеем права поощрять эти призывы дагестанских мулл, ибо мы сейчас живем в иных социально-экономических условиях, а не в средневековый период»⁶.

Далее, с целью более глубокого анализа происходящих в современном дагестанском обществе преобразований, в нашем исследовании был задан «контрольный вопрос», позволяющий установить декларируемое и реальное поведение дагестанцев (табл. 2).

Результаты нашего исследования демонстрируют, что в массовом сознании дагестанцев доминирует суждение «в моей семье соблюдают только некоторые национальные традиции и обычаи моего народа», разделяемое большей долей опрошенных по всему массиву, впрочем, как и по этнической принадлежности, причем выделяются здесь респонденты даргинцы, лакцы, русские и чеченцы. Следует отметить, что русские и чеченцы не являются для данного региона автохтонными этническими группами, т. е. ареал их национальной культуры находится за пределами Дагестана, и, вероятно, этим объясняется указанная ситуация, связанная с их отношением к семейным традициям и обычаям; по образовательному признаку 59,2% опрошенных со средним, 53,6% средним специальным и 55,5% с высшим образованием также подчеркнули, что их семья соблюдает только некоторые национальные традиции и обычаи своего народа. В гендерном отношении ответы распределились так же, как и в отношении восприятия ситуации на уровне всего общества: среди тех, кто считает, что в их семье соблюдаются абсолютно все традиции и обычаи, чуть больше оказалось мужчин (около 39,8%), по сравнению с женщинами (34,0%). Вторую позицию занимает вариант ответа «в моей семье соблюдают все национальные традиции и обычаи моего народа», отмеченный каждым вторым опрошенным в лезгинской подгруппе, каждым третьим среди аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, а также во всех образовательных подгруппах, каждым четвертым среди русских и чеченцев. По гендерному признаку вышеприведенное суждение разделяют 51,0% мужчин и заметно большая доля женщин (59,1%).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Соблюдаете ли Вы в своей семье традиции и обычаи своего народа?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

Националь-ности	Варианты ответов			
	В моей семье соблюдают все национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье соблюдают только некоторые национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье по определенным причинам вообще не соблюдают национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье не считают нужным соблюдать национальные традиции и обычаи моего народа
Аварцы	37,1	55,7	2,8	1,8
Даргинцы	33,3	60,1	1,7	4,1
Кумыки	28,9	58,5	5,9	3,7
Лакцы	28,8	61,5	6,7	1,0
Лезгины	40,4	52,3	4,6	0,9
Русские	25,9	63,0	7,4	0
Чеченцы	26,2	60,7	8,3	1,2
Всего	35,7	56,2	3,8	2,2

При этом позиции «в моей семье по определенным причинам вообще не соблюдают национальных традиций и обычаев моего народа» и «моей семье не считают нужным соблюдать национальные традиции и обычаи моего народа» отмечены статистически небольшой долей опрошенных, хотя по этнической принадлежности здесь выделяются чеченцы (каждый двенадцатый) и русские (каждый четырнадцатый). Среди опрошенных мужчин, по сравнению с женщинами, почти в 2 раза больше доля придерживающихся суждения, что их семья по определенным причинам практически не придерживается национальных традиций и обычаев своего народа – 4,5% и 2,9% соответственно.

Таким образом, восприятие семейной реальности на уровне всего дагестанского общества в целом совпало с индивидуальной оценкой этой реальности. При этом важно понимать, что на характер жизнедеятельности дагестанской семьи в плане приверженности традициям и обычаям уровень образования респондентов не влияет. По результатам нашего эмпирического исследования установлено, что значительных расхождений в ответах респондентов как с высшим образованием, так и без такового не наблюдается. С незначительным отрывом выделяются респонденты со средним образованием, в большей степени проявивших меньшую приверженность соблюдению традиций и обычаев в семье, нежели представители с высшим и средним специальным образованием.

Эта ситуация заставляет задуматься над тем, что же тогда определяет характер семейных практик в Дагестане, какие факторы влияют на семейные ориентации дагестанских народов? Нам представляется, в значительной мере играют роль факторы микро- и макросреды, которые определяют общий фон развития семейной сферы Дагестана, в определенной степени подверженной тенденциям как либерализации, так

и традиционализации семейных отношений. Социализированная в этих условиях личность, независимо от уровня образования, сохраняет приверженность полученным в ходе семейной социализации ценностям и ориентациям. Здесь следует отметить, что факторы семейной социализации играют преобладающую роль для дагестанцев, у которых ценность семьи, как показывают результаты исследования, продолжает оставаться на самом высоком уровне, занимая лидирующие позиции в системе ценностной иерархии, хотя наблюдаются определенные изменения в сфере репродуктивных установок дагестанского общества, и прежде всего у молодого поколения. Речь идет о том, что репродуктивные установки дагестанской молодежи уже не отражают ориентированности на большое количество детей в семье при всем том, что, по сравнению с общероссийскими данными, дагестанская молодежь демонстрирует более высокие показатели: в большинстве случаев, как отмечают ученые, опросившие студенческую молодежь Дагестана, молодые дагестанцы планировали иметь от двух до четырех детей (при этом больше всего они ориентированы на трехдетную семью), но для Дагестана, который всегда славился своей многодетностью, представленные показатели, как пишут авторы данного исследования, не являются высокими (М. М. Шахбанова⁷, А. В. Верещагина⁸, Д. С. Шихалиева⁹). Соответственно, наметившаяся тенденция снижения рождаемости в Дагестане в постсоветский период, несмотря на высокие показатели по данному демографическому критерию среди других российских регионов, также является отражением детрадиционализации семейной сферы.

При всем том, что архаические традиции начинают возрождаться в дагестанском обществе в сфере семейных отношений, современные тенденции, находящие отражение в семейных практиках других регионов России, связанные с

либерализацией семейной сферы и трансформацией гендерных отношений, еще не находят поддержки в дагестанской среде. В данном случае речь идет о внебрачной рождаемости и отношении к ней дагестанцев. Прежде чем изложить полученный социологический материал, представляется необходимым обратиться к содержанию явления «внебрачная рождаемость», которая, по мнению известного фамилиста С. И. Голода, стала «реальным фактом»¹⁰. Согласно всероссийским данным, с 1970-х гг. начался рост доли внебрачных рождений в общем объеме рождений. Число рождений вне зарегистрированного (нелегитимного) брака повысилось за период 2000–2004 гг. на 31,8%, сохраняя тренд изменений, существующих с 1994 г. В результате доля внебрачных рождений продолжает расти и уже достигла почти 30,0% общего числа родившихся. Доля внебрачных рождений составила в 2003 г. в городах 28,6%, у сельского населения – 32,6%. В то же время однозначно интерпретировать абсолютный и относительный рост внебрачных рождений как рост рождаемости у одиноких матерей мешает одно важное обстоятельство: число рождений, зарегистрированных на основании заявления от обоих родителей, увеличивается еще быстрее, чем общее число родившихся вне зарегистрированного брака. По сравнению с 1999 г., эта категория родившихся увеличилась на 37,1%. Темпы увеличения рождений, зарегистрированных на основании заявления одной матери, в последние годы снижаются. Доля внебрачных новорожденных детей, признанных своими отцами (что на практике чаще всего происходит с полного согласия матери ребенка), приближался к половине в 2003 г. (48,4%). В городском населении доля рождений, зарегистрированных на основании совместного заявления родителей, в общем числе внебрачных рождений увеличивалась непрерывно, по крайней мере, с конца 1980-х гг. В 1980 г. эта доля составляла 36,6%, а

в 2003 г. впервые в истории превысила половину всех внебрачных рождений – 50,5%¹¹.

В рамках нашего исследования интерес представляло установление отношения дагестанцев к появлению ребенка вне официально зарегистрированных отношений между родителями. Как показывают полученные результаты исследования, в массовом сознании всех дагестанских народов сохраняется неприятие внебрачной рождаемости (табл. 3).

По всему массиву опрошенных доминирует негативная оценка внебрачной рождаемости с мотивацией «ребенок должен расти в полной семье», отмеченная большим количеством опрошенных во всех этнических подгруппах, за исключением заметно меньшей доли русских (каждый третий) и лакцев (каждый второй), которые, по сравнению с другими респондентами, толерантно настроены к возможности иметь ребенка вне официально заключенного брака. По гендерному признаку 55,0% мужчин и 54,6% женщин, 56,5% опрошенных со средним, 52,4% средним специальным и 54,4% с высшим образованием также ближе отрицательная установка в отношении внебрачной рождаемости.

Каждый четвертый опрошенный по всему массиву рассматривает такой шаг женщины как безнравственный поступок, и преобладает доля таковых в подгруппе аварцев и лакцев (каждый третий), каждый четвертый среди даргинцев и лезгин, каждый шестой среди кумыков и чеченцев. Данное суждение разделяет статистически небольшая доля опрошенных русских. По признаку пола 29,3% мужчин и меньшая доля женщин (23,4%), респонденты со средним (28,6%), средним специальным (19,9%) и высшим образованием (26,6%) также характеризуют данное явление как безнравственное.

Отрицательную оценку внебрачной рождаемости с мотивацией «внебрачный ребенок будет закомплексованным и чувствовать себя диском-

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к внебрачной рождаемости (когда женщина принимает решение стать матерью, не состоя в официальном браке)?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

Национальности	Варианты ответов				
	Положительно, это свободный выбор каждой женщины	Положительно, каждая женщина имеет право на то, чтобы стать матерью	Отрицательно, ребенок должен расти в полной семье	Отрицательно, внебрачный ребенок будет закомплексованным и чувствовать себя дискомфортно среди сверстников	Отрицательно, это безнравственно
Аварцы	10,1	15,5	55,9	27,8	31,7
Даргинцы	16,5	16,2	57,0	27,5	25,1
Кумыки	17,8	18,5	54,8	12,6	17,8
Лакцы	14,4	22,1	48,1	19,2	31,7
Лезгины	16,5	22,0	55,0	20,2	22,9
Русские	33,3	35,2	29,6	9,3	7,4
Чеченцы	25,0	8,3	57,1	11,9	16,7
Всего	15,9	17,6	54,6	22,9	25,2

фортно среди сверстников» разделяет каждый четвертый опрошенный по всему массиву, столько же аварцев и даргинцев, каждый пятый среди лезгин и лакцев, меньше всего таковых в подгруппе кумыков (каждый восьмой опрошенный) и русских (каждый одиннадцатый). По гендерному признаку 22,0% мужчин и 23,2% женщин, а также 24,1% респондентов со средним, 21,7% средним специальным и 22,7% с высшим образованием демонстрируют свою заботу о психологическом состоянии ребенка, который может испытывать дискомфорт среди ровесников, тем более если он будет сталкиваться с оскорблением его личного достоинства, что также нельзя сбрасывать со счетов.

Вместе с тем позитивно к внебрачной рождаемости, потому что «каждая женщина имеет право на то, чтобы стать матерью», относятся 16,0% мужчин, 18,4% женщин, 17,2% со средним, 18,1% средним специальным и 17,8% высшим образованием, каждый третий опрошенный среди русских, каждый пятый среди лакцев, лезгин и кумыков, каждый шестой среди даргинцев и аварцев, и обращает на себя внимание позиция чеченцев, доля которых, по сравнению с другими этническими подгруппами, заметно меньше. Решение женщины родить ребенка вне брака с мотивацией ее «свободного выбора» поддерживают 16,2% мужчин и 15,8% женщин, респонденты со средним (14,1%), средним специальным (18,7%), высшим образованием (15,4%); по национальной принадлежности, по сравнению с другими подгруппами, доля таковых больше среди русских (каждый третий опрошенный) и чеченцев (каждый четвертый), в то время как среди остальных респондентов она составляет менее 20,0%.

Отношение респондентов к внебрачной рождаемости во многом определяется религиозными установками, о чем мы судим по результатам исследования в разрезе отношения респондентов к религии. Так, негативный подход к внебрачной рождаемости демонстрируют 58,5% самоидентифицирующихся как убежденно верующие, 55,5% верующих, придерживаясь установки о необходимости растить «ребенка в полной семье»; заметно снижается доля отрицательно оценивающих внебрачную рождаемость в позициях колеблющихся (44,7%), неверующих (33,3%) и убежденно неверующих (50,0%). Далее, по сравнению с другими подгруппами, подмассив убежденно верующих и, что вызывает удивление, убежденно неверующих считает решение женщины стать матерью, не состоящей в официальном браке, безнравственным, а доля таковых среди верующих составляет 21,2%, колеблющихся – 11,7% и 25,0% неверующих. Каждый третий опрошенный среди колеблющихся, каждый четвертый среди убежденно верующих и убежденно неверующих, каждый пятый среди верующих и каждый восьмой среди неверующих отмечают, что внебрачный ребенок будет «заком-

плексованным и чувствовать себя дискомфортно среди сверстников». Позитивное восприятие внебрачной рождаемости демонстрируют подгруппы убежденно неверующих (41,7%), неверующих (29,2%) и колеблющихся (24,3%), в то время как процентное соотношение среди верующих и убежденно верующих заметно меньше – 18,9 и 10,0% соответственно. Такой подход первых трех групп дополняется суждением о свободном выборе женщины при принятии решения о рождении ребенка – 33,3% неверующих, 27,2% колеблющихся и 16,7% убежденно неверующих в противовес 6,9% убежденно верующих и 16,5% верующих.

При анализе полученной социологической информации мы можем констатировать наличие в массовом сознании респондентов на первый взгляд противоречивых позиций: так, одинаковая доля опрошенных в подгруппе убежденно неверующих оценивает внебрачную рождаемость одновременно как право каждой женщины стать матерью, так и называя ее безнравственным поступком. Кроме того, такое же противоречие можно отметить и в суждениях верующих, которые, с одной стороны, негативно воспринимают решение женщины стать матерью, не будучи в официальном браке, но при этом рассматривают такой поступок как «свободный выбор каждой женщины». Однако такое впечатление о позициях опрошенных в отношении религии не в полной мере отражают реалии: так, в массовом сознании дагестанцев существует приоритет шариатского брака перед официально заключенным в ЗАГСе (26,6%). Если в православии проведение обряда венчания допускается в любое время, то в исламе в этом отношении существует жестко фиксированное правило – обязательно до свадьбы, поэтому значимость данного ритуала для мусульман очень велика. Если в городской среде еще можно встретить поколение, которое допускает игнорирование заключения брака по исламским канонам, то в сельской местности в этом отношении существуют четко определенные правила.

Таким образом, можно констатировать, что русские респонденты не так категоричны и в своем большинстве полагают, что каждая женщина имеет право на свободный выбор своей жизненной стратегии и потому не стоит отрицательно относиться к ее решению стать матерью, даже если она не состоит в браке. Наиболее категоричными оказались аварские и лезгинские респонденты, характеризующие такой поступок как безнравственный. Разногласий по гендерному признаку в этом плане не было зафиксировано: практически в равной мере отрицательно и положительно отреагировали на этот вопрос и мужчины, и женщины в проведенном нами исследовании с той только разницей, что большее количество мужчин данный поступок женщины признали безнравственным, по сравнению с респондентами-женщинами, что можно понять

– женщине в большей степени понятны мотивы такого выбора женщины, решившей родить ребенка, не состоя в браке.

По мнению С. И. Голода, сексуальные отношения до брака, рождение ребенка вне брака и самоценность эротического общения мужа и жены считались нарушением социокультурных норм. К нарушителям обычаев применялись различные по жесткости санкции¹². Н. Л. Пушкарева на основе сравнительного анализа принципов семьи и сексуальной этики в православии и католицизме делает вывод о том, что в православной концепции семьи и брака, отношения к женщине и сексуальной этике методы «устрашения» если и имели место, то не были преобладающими ни на ранних этапах, в X–XIII вв., когда на Руси широкое хождение имели византийские переводные тексты, ни позже, когда русское православие сформировало свой подход к мыслям и чувствам людей. Православие большей частью апеллировало к совести самого человека, соответственно, его внутренний самоконтроль должен был выполнять функцию жизненного регулятора. Также православие демонстрировало толерантность в оценке поведения человека: наказания женщин за добрачные связи, проявление сексуальности, конфликтную жизнь супружеской пары, прелюбодеяния и т. п. были не столь суровыми, как в странах распространения католицизма, и в большинстве случаев сводились к соблюдению поста определенной количества дней, месяцев, реже 1–2 года, многочисленным поклонам, чистосердечному раскаянию и покаянию¹³. Иными словами, нормативные социокультурные требования и реальные практики в европейском докапиталистическом обществе зависели от конкретных условий места и времени и в той или иной степени не совпадали друг с другом. В течение всего периода существования семьи такого типа все сводилось к продолжению рода¹⁴.

Существование отдельных нетрадиционных поступков не исключало вместе с тем поддержки в общественном сознании представления о брачности и брачной рождаемости как социальной норме. И действительно, если иметь в виду Россию, то здесь вплоть до конца XIX в. браки носили, по сути, всеобщий характер: к возрасту 45–49 лет лишь 4% мужчин и 5% женщин оставались соответственно неженатыми и незамужними¹⁵. Стало быть, можно с большой вероятностью утверждать, что со времен Римской империи и вплоть до конца XIX в. институт брака обладал монополией на регулирование сексуальных отношений и воспроизводство детей¹⁶.

Рассматривая отношение опрошенных дагестанских народов к внебрачной рождаемости, следует обратить внимание и на состояние самой женщины, которая идет на такой шаг. Кроме того, будет неправильным рассматривать внебрачную рождаемость как специфическую черту российского общества. Так, исследовате-

ли отмечают, что рост внебрачной рождаемости в последние десятилетия XX в. является универсальной тенденцией, причем имеется и возрастная специфика. Еще не так давно рождение внебрачного ребенка было характерно для очень молодых матерей (до 20 лет) и для матерей старше 30 лет¹⁷, теперь же внебрачная рождаемость характерна для всех возрастов в равной степени – доля рождений вне зарегистрированного брака интенсивнее всего росла в возрастах максимальной брачности, достигая в возрастах от 20 до 35 лет 25–27%¹⁸.

Таким образом, институциональное пространство дагестанской традиционной семьи на современном этапе развивается на пересечении формальных и неформальных норм и правил, регулирующих семейные отношения в Дагестане и производных от норм законодательно закрепленного на всей территории России права (некоторые исследователи условно называют его позитивным правом), мусульманского права и обычного права. Последнее, как первичное по отношению к мусульманскому, за века своего существования во многом было поглощено мусульманским (шариатским) правом, а потому их разделение в ряде случаев является достаточно условным, но необходимым, поскольку адаты, или обычное право, еще сохраняет свой регулятивный потенциал в Дагестане¹⁹, особенно среди горских народов. Альтернативы развития института традиционной семьи в Дагестане во многом определяются характером трансформации формальных и неформальных правил и норм, регулирующих семейные отношения, а также тем, какие из них являются доминирующими на данный момент.

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что проникающие в институциональное пространство современной дагестанской семьи новые нормы и ценности сложно оценить однозначно, как, собственно, и тенденции, связанные с возвратом к некоторым из уже давно забытых семейных традиций, к которым относятся многоженство и ранние браки. Распространение архаических явлений в семейной среде современного Дагестана – это следствие исламизации населения республики, отражение роста значимости религиозных ценностей и установок. Реализация ряда архаических традиций в реальной семейной практике народов Дагестана создает противоречивое пространство соотношения традиционного и инновационного в семейной сфере дагестанского общества, что отразилось и на расхождении в идеальном и реальном образах семьи.

Образ идеальной семьи для дагестанского общества на данный момент можно охарактеризовать с помощью следующих признаков: официально зарегистрированный брак как приоритетный перед шариатским или «гражданским» типами брака; наличие детей в семье; раздельное

проживание от родителей (нуклеарный тип организации семейной жизни – супруги и дети); ориентация на эндогамию (прежде всего в контексте конфессиональной принадлежности, а потом – этнической); основа создания семьи – любовь и уважение; их утрата – серьезный повод для развода. Но при этом в массовом сознании дагестанских народов существует негативное восприятие внебрачной рождаемости с самой разной мотивацией, хотя имеет место и позитивная оценка такого шага женщины.

Примечания

- ¹ См.: Алимова Б. М. Современная дагестанская семья : проблемы и перспективы // Вестн. Ин-та ИАЭ. 2011. № 1. С. 48.
- ² См.: Алимова Б. М., Ибрагимов М.-Р. А. Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестн. Ин-та ИАЭ. 2016. № 2. С. 69–79.
- ³ См.: Курбанова З. А. Семейно-брачные отношения в Дагестане : ретроспектива и векторы развития // Вестн. ВолГУ. 2013. № 4 (21). С. 104.
- ⁴ См.: Шахбанова М. М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала, 2016.
- ⁵ Агаширинова С. С. К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье на современном этапе // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа : материалы регион. науч. конф. / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала, 2008. С. 60.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Шахбанова М. М. Межнациональный брак и его место в процессе формирования межэтнической толерантности // Наука и молодежь. Махачкала, 2008. С. 273–279.

- ⁸ См.: Верецагина А. В., Шахбанова М. М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестн. ДНЦ. 2013. № 50. С. 65–71
- ⁹ См.: Верецагина А. В., Шахбанова М. М., Шихалиева Д. С. Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10. С. 59–62.
- ¹⁰ Голод С. И. Семья : прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 25.
- ¹¹ См.: Население России 2003–2004 : Одиннадцатый–двенадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2006. С. 257.
- ¹² См.: Голод С. И. Семья : прокреация, гедонизм, гомосексуализм. С. 21.
- ¹³ См.: Пушкарева Н. Л. Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 57.
- ¹⁴ См.: Голод С. И. Семья : прокреация, гедонизм, гомосексуализм. С. 21.
- ¹⁵ См.: Волков А. Г. Семья – объект демографии. М., 1986. С. 108.
- ¹⁶ См.: Голод С. И. Семья : прокреация, гедонизм, гомосексуализм. С. 22.
- ¹⁷ См.: Голод С. И. Стабильность семьи : социологический и демографический аспект. Л., 1984. С. 6.
- ¹⁸ См.: Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России // Социс. 1999. № 6. С. 72–76.
- ¹⁹ См.: Сагидов А. М. Обычное право народов Дагестана : понятие, особенности, основные источники. URL: <http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/problemy-teorii-gosudarstva-i-prava/obychnoe-pravo-narodov-dagestana-ponyatie-osobennosti-osnovnye-istochniki-a-m-sagidov/> (дата обращения: 11.03.2016).

Образец для цитирования:

Гимбатова М. Б., Загирова Э. М. Институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 23–31. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-23-31>

Cite this article as:

Gimatova M. B., Zagirova E. M. Traditional Family Development Institutional Alternatives in Dagestan. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 23–31 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-23-31>

УДК 37.013

К вопросу обоснования физкультурно-образовательного пространства высшей школы

Я. А. Гончарук

Гончарук Ярослав Алексеевич, аспирант кафедры социальных технологий, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, goncharuk_ya@bsu.edu.ru

Статья раскрывает содержание понятия «физкультурно-образовательное пространство» в контексте высшей школы. Предпринята попытка обоснования физкультурно-образовательного пространства высшей школы как самодостаточного типа образовательного пространства. Показаны социально-педагогический, социальный, практический и методологический уровни, актуализирующие необходимость обоснования физкультурно-образовательного пространства. Подробно рассмотрена социологическая литература, посвященная проблематике совершенствования управления развитием образовательного пространства высшей школы. Особое внимание акцентируется на необходимости введения рациональной и регулируемой системы управления данным пространством посредством проектного управления.

Ключевые слова: физкультурно-образовательное пространство, образовательный процесс, субъекты физкультурно-образовательного пространства, проектное управление.

On the Problem of Physical Culture High School Educational Space Substantiation

Ya. A. Goncharuk

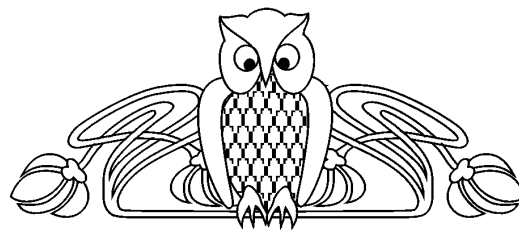
Yaroslav A. Goncharuk, <https://orcid.org/0000-0002-8146-5197>, Belgorod National Research University, 85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russia, goncharuk_ya@bsu.edu.ru

The article reveals the content of «physical culture and educational space» concept in the context of higher education. An attempt was made to justify the physical culture and educational space of higher education as a self-sufficient type of educational space. Socio-pedagogical, social, practical and methodological levels, actualizing the need to justify the physical culture and education space are shown. The detailed reviews of sociological literature devoted to higher school educational space management improving development are given. The author focuses on the need to introduce a rational and regulated system for managing this space by means of project management methods.

Keywords: physical culture and educational space, educational process, subjects of physical culture and education, project management.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-32-35>

В современной России наблюдается практика интеграции инструментов управления, в том числе и проектного, из сферы бизнеса в различные сферы деятельности, в том числе и образование, оказавшееся в новых условиях функционирования. Динамика условий управления

физкультурно-образовательным пространством вуза, по мнению ряда исследователей, связана, прежде всего, с ролью государства в управлении системой образования, отмечалось стремление «последовательного усиления роли общественной составляющей в управлении образованием»¹. На практике же проявлялось усиление централизованного государственного управления за счет более строгого контроля организационно-финансовых и имущественных отношений вузов.

Под термином «образовательное пространство» принято понимать пространство, характеризующееся новыми тенденциями в развитии отечественного образования². Образовательное пространство современной высшей школы исследовалось рядом ученых, которые выявляли такие его типы, как: культурно-образовательное, единое воспитательное, информационно-образовательное, социально-образовательное, пространство педагогических исследований и проч.³

Физкультурно-образовательное пространство вуза представляет собой целостное пространство, в котором осуществляется взаимодействие вуза с различными образовательными учреждениями на основе интеграции, открытости, непрерывности образовательного процесса, направленное на физкультурное образование, развитие обучающихся, а также обеспечивающее дополнительные возможности повышения готовности студентов к предстоящей профессиональной деятельности⁴.

В качестве субъектов физкультурно-образовательного пространства вуза правомерно рассматривать множество категорий, таких как государство, бизнес, гражданское общество⁵. Однако в условиях позиционирования физкультурно-образовательного пространства вуза как регулируемого результата проектного управления, мы полагаем, наиболее эффективным будет выделение трех субъектов: 1) обучающиеся; 2) профессорско-преподавательский состав; 3) административно-управленческий аппарат. Обратим внимание, что на данный момент мотивации субъектов физкультурно-образовательного пространства высшей школы в значительной степени расходятся, что создает преграду развитию данного пространства. Таким образом, состояние субъектов физкультурно-образовательного пространства вуза находится в зависимости от диспозиции этих субъектов, что требует обоснованного и эффективного механизма регулирования.

Значимость развития физкультурно-образовательного пространства вуза обозначена на федеральном уровне. Так, главной инициативой правительства в этой области является программная и нормативная основа системы физического воспитания различных групп населения РФ. Относительно студенческой молодежи наиболее актуальной программой выступает возрождение ВФСК «ГТО», который включает «виды испытаний (тесты) и нормы, перечень знаний и навыков ведения здорового образа жизни, двигательных умений и навыков»⁶. Высокая степень интегрированности показателей здоровья нации, способности противостоять внешним и внутренним потенциальным агрессорам, продолжительности и качества жизни обуславливают высокую актуальность эффективного управления развитием физкультурно-образовательного пространства вуза.

Моральное старение традиционных методов развития и управления образовательным пространством высшей школы предопределяет необходимость всесторонних преобразований в физкультурно-образовательном пространстве вуза. Можно констатировать проблему эффективности управления физкультурно-образовательным пространством вуза, вызванную как нежеланием большинства сотрудников педагогического коллектива признать данную работу приоритетной⁷, так и низкой готовностью руководителей образовательных учреждений применять современные технологии управления. Среди прочих факторов, препятствующих эффективному управлению развитием физкультурно-образовательного пространства вуза, можно выделить проблемы социально-психологического, методологического, ресурсного, кадрового и информационного характера. Данные факторы ограничивают разработку и внедрение личностно ориентированных высокоэффективных моделей физического развития и совершенствования будущих специалистов. Отметим, что модернизация физкультурно-образовательного пространства вуза поставила перед вузом задачу качественного и всестороннего улучшения профессиональной подготовки и физического воспитания студентов. Таким образом, проявляется необходимость формирования устойчивой схемы проектного управления развитием физкультурно-образовательного пространства вуза на основе выбора видов спортивно-оздоровительной деятельности студенческой молодежи.

Интеграция управленческих технологий позволяет снизить стихийный характер принимаемых инноваций в процессе развития физкультурно-образовательного пространства вуза и предоставляет возможность контроля над всеми его субъектами, вырабатывая оптимальные пути снятия социальных барьеров. Опираясь на существующие положения, профессиональное общество рассматривает технологию проектного

управления как приоритетную, делая упор на методологии проектного управления, регламентирующей порядок действий на каждой стадии ведения деятельности и возможность получения результата в условиях ограниченности ресурсов⁸. Таким образом, обоснованность проблемы противоречия развития физкультурно-образовательного пространства вузов его оптимизацией обуславливает актуальность темы.

На социально-педагогическом уровне актуальность исследования эффективного проектного управления развитием физкультурно-образовательного пространства вуза обусловлена поиском путей повышения его результативности. Ряд современных исследований отмечают низкий уровень физического здоровья. Так, более 50% выпускников общеобразовательных учреждений имеют два или более хронических заболеваний. Исходя из опыта российских высших образовательных учреждений, более половины студенческой молодежи распределяются в специальные медицинские группы по дисциплине «физическая культура». Таким образом, подтверждается позиция исследователей, что уровень физического здоровья молодых людей планомерно снижается в прямой зависимости от курса обучения⁹. Наравне с социальными проблемами, состоянием среды воспитания, генетическими параметрами, педагогическими условиями и прочими факторами ряд исследователей обращают внимание на недостаточную эффективность управления развитием физкультурно-образовательного пространства вузов.

На социальном уровне значимыми представляются выявление у участников проекта социальных и психологических барьеров реализации технологии управления и адаптация теории проектного управления к современным российским реалиям.

На практическом уровне немаловажным является фактор высокой конкуренции современных вузов в привлечении абитуриентов. Исходя из этого, перед учреждениями высшего образования стоит острая проблема совершенствования инструментария самоуправления, в том числе и управления физкультурно-образовательным пространством. В сложившейся ситуации низкая добровольная физкультурно-оздоровительная активность участников физкультурно-образовательного пространства вуза не только свидетельствует о слабой организационной составляющей, но и формирует отрицательный имидж вуза. Таким образом, общественное мнение студенческой молодежи об организации и управлении физкультурно-образовательным пространством вуза находится в сфере интересов высшего руководства вуза, а государственная политика оздоровления нации лишь усиливает данный интерес.

На методологическом уровне актуальность обусловлена недостаточной проработанностью

вопросов применения концепции проектного управления развитием физкультурно-образовательного пространства вуза. Практика проектного управления динамично расширяет сферу применения и требует комплексного использования различных средств, методов и инструментов.

В современной социологической литературе проблематика совершенствования управления развитием образовательного пространства вуза широко представлена как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Сегодня сформировалась практика рассмотрения общих проблем управления качеством образования. Актуализацией проблем совершенствования управления и оценки состояния системы образования России в различное время занимались многие исследователи (Н. В. Василенко, А. И. Голубева, А. Ю. Горчаков, Д. В. Денисов, Д. Н. Ермаченко, Р. В. Иванов, О. А. Куприн, Э. М. Коротков, Е. А. Омельченко, И. С. Семенова, Е. В. Яковлев и др.), которые отмечали необходимость комплексного подхода к изучению моделей управления образовательным пространством вуза, акцентируя внимание на диверсификации образования. Так, Э. М. Коротков подчеркивает «возрастающую потребность в индивидуальном выборе дисциплин, формировании собственной программы образования, развитии самостоятельной работы. Выбор дисциплин студентом способствует осмысленному подходу к формированию своей карьеры, мотивации образовательного процесса, изучению и осознанию особенностей профессиональной деятельности»¹⁰.

Социологический аспект условий совершенствования системы управления развитием образовательного пространства вуза рассматривается с позиции применения социологического анализа в процессе выбора оптимальной технологии управления (Г. Г. Еремеева, А. В. Кузнецов, О. С. Минаева, Э. М. Салихова и др.). Исследователи отмечают тесную взаимосвязь между технологиями управления и системой образования. Так, по мнению О. С. Минаевой, «высшее образование непосредственно вплетено в систему социального управления и является субъектно-объектным образованием не только по своей природе, но и по реальной роли в этой системе»¹¹.

Обособленной сферой изучения управления образовательным пространством вуза является практика модернизации и применения инноваций в условиях глобализации. Ряд ученых (С. А. Беляков, Н. В. Кабеева, С. Л. Кайфеджан, И. В. Митрофанова, В. Г. Новиков, Г. А. Чернышёва, Е. А. Шварцкопф и др.) указывают, что «с позиций управления модернизация образования не является особым процессом и реализуется в рамках обычного управления»¹². Данная позиция отражает правомерность применения управленческого теоретического и практическо-

го опыта в процессе управления развитием физкультурно-образовательного пространства вуза.

Непосредственно вопросам конструирования эффективного управления развитием физкультурно-образовательного пространства вуза посвящены работы многих исследователей (С. А. Акимов, Б. М. Антонов, М. Я. Виленский, П. А. Виноградов, Б. М. Гзовский, Т. А. Глазин, Г. В. Дробинин, Н. В. Жмарев, В. Ю. Козлов, С. С. Коровин, Е. А. Короткова, С. И. Крамской, В. П. Моченов, А. А. Нестерова, Т. А. Овечкина и др.) Так, С. И. Крамской подчеркивает, что «повышение эффективности социального управления процессом физического воспитания молодежи позволяет реализовывать целевые установки социальной политики РФ, направленной на укрепление здоровья нации, в первую очередь, молодежи, способствует социальной ориентированности государственного управления процессом физического воспитания студенческой молодежи»¹³. Ряд исследователей, в том числе С. С. Коровин и С. А. Акимов, рассматривают цель управления как оптимизацию процесса развития физкультурно-образовательного пространства вуза; упорядоченность системы взаимодействия его субъектов по овладению физической культурой¹⁴. Однако данные исследования носят более теоретико-методологический характер, поскольку не имеют достаточно данных относительно реализации успешного внедрения методик и технологий управления в образовательный процесс.

Несмотря на достаточно широкое внимание исследователей к технологии проектного управления в образовании, опыт реализации проектного управления в процессе развития физкультурно-образовательного пространства вуза практически не отражен в научной сфере, лишь несколько работ представляют отечественную практику (среди них труды С. А. Боженова, Т. Г. Волченковой, С. С. Жук, П. С. Селезнева, О. В. Скопина). Вместе с тем проблема проектного управления развитием физкультурно-образовательного пространства вуза требует дальнейшей теоретической доработки с целью перенесения полученного опыта в практическую сферу применения.

Таким образом, на данный момент практически отсутствуют научные работы, рассматривающие опыт управления проектом на всех его стадиях реализации, что особенно важно в условиях диверсифицированного вектора в образовании современной молодежи.

Примечания

- ¹ Беляков С. А. Модернизация образования в России : совершенствование управления. М. : МАКС Пресс, 2009. С. 179.
- ² См.: Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.

- ³ См.: Жеребятникова Г. В. Образовательное пространство вуза : современное осмысление понятия // Личность, семья и общество : вопросы педагогики и психологии : материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2012. С. 45–49.
- ⁴ См.: Шитлов Р. М. Открытое физкультурно-образовательное пространство как условие подготовки студентов факультета физической культуры к педагогической практике : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005.
- ⁵ См.: Бондырева И. Б., Яковлева А. В. Взаимодействие субъектов образовательного пространства // Науч. журнал НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2012. № 2. С. 18–25.
- ⁶ О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО) : указ Президента РФ от 24 марта 2014 г. № 172 // Российская газета : [сайт]. URL: <http://rg.ru/2014/03/26/gto-dok.html> (дата обращения: 24.02.2016).
- ⁷ См.: Новоточина Л. В. Управление физкультурно-оздоровительной деятельностью в образовательном учреждении инновационного типа : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005.
- ⁸ См.: Якимова М. Н. Проект как инструмент реализации государственной политики в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2017.
- ⁹ См.: Осипов А. Ю., Гольм Л. А., Михайлова С. А. Формирование здоровьесберегающих компетенций будущих специалистов средствами физического воспитания // Вестн. ЧГУ. 2012. № 2 (39). Т. 2. С. 178–181.
- ¹⁰ Коротков Э. М. Управление качеством образования : учеб. пособие для вузов. М. : Академический Проект, 2007. С. 20.
- ¹¹ Минаева О. С. Высшее образование в системе социального управления : дис. ... канд. социол. наук. М., 1997. С. 122
- ¹² Беляков С. А. Указ. соч. С. 55.
- ¹³ Крамской С. И. Социальное управление процессом физического воспитания студенческой молодежи (на материалах Белгородской области) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. С. 26.
- ¹⁴ См.: Коровин С. С., Акимов С. А. Методические основы управления физкультурным образованием в формировании физической культуры личности // Вестн. ОГУ. 2016. № 1. С. 27–31.

Образец для цитирования:

Гончарук Я. А. К вопросу обоснования физкультурно-образовательного пространства высшей школы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 32–35. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-32-35>

Cite this article as:

Goncharuk Ya. A. On the Problem of Physical Culture High School Educational Space Substantiation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 32–35 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-32-35>

УДК 316.346.32–053.9

Супружеская солидарность в позднем возрасте

М. Э. Елютина, Г. И. Болотов

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elutina133@mail.ru

Болотов Григорий Игоревич, аспирант кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gbolotoff@mail.ru

Статья посвящена важной и актуальной, но недостаточно изученной проблеме супружеских отношений в позднем возрасте, что важно для выработки новых эффективных стратегий социальной политики в ее геронтологическом измерении. Обсуждается общее состояние дел в области изучения супружеских отношений в возрастном аспекте. Статья основана на результатах эмпирического социологического проекта, посвященного изучению супружеской солидарности в позднем возрасте. Представлено понимание супружеской солидарности как особого рода феномена, обладающего своей структурой и динамикой. Показано, что супружеская солидарность в пожилых семьях включает позитивное мировоззрение, взаимные обязательства и устойчивую систему предписаний.

Ключевые слова: супружеская солидарность, супружеский габитус, позитивное мировоззрение, гигиенические рамки повседневных практик.

Marital Solidarity in Later Life

M. E. Elutina, G. I. Bolotov

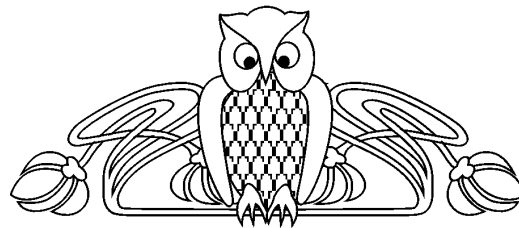
Marina E. Elutina, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, elutina133@mail.ru

Georgij I. Bolotov, <https://orcid.org/0000-0002-6829-1903>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, gbolotoff@mail

The article is devoted to an important and relevant but insufficiently studied problem of marital relations in later life, which is important for developing new effective strategies of social policy in its gerontological dimension. The article considers studying the age aspect of matrimonial relations. The paper is based on the empirical sociological study of marital solidarity in later life. Marital solidarity is defined as a special phenomenon that has its own structure and dynamics. It is shown that marital solidarity in elderly families includes: a positive worldview, mutual obligations and a stable system of prescriptions.

Keywords: marital solidarity, conjugal habitus, positive worldview, hygienic framework of everyday practices.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-36-39>

Актуальность выбранной темы непосредственным образом связана с необходимостью научной экспертизы качества структуры населения, с изменениями в социальном положении и структурных характеристиках старшей возрастной группы, значимость которой постоянно увеличивается в связи с ростом ее численности и формированием среди представителей этой группы широкого спектра социальных неравенств.

Обзор тенденций содержательных репрезентаций семьи в научном дискурсе показывает, что в отечественной социальной науке преобладают исследования семьи с точки зрения родительства и родства. Важными направлениями исследований являются: плюрализация современного родительства; контекстуальность родительских практик, вписанных в рамки стратификационной матрицы общества, различных национальных границ и гендерных порядков. Как правило, родительство рассматривается в сопряжении с асоциальным поведением членов семьи. В фокус внимания попадают семьи, в которых оба родителя или один из них злоупотребляют алкоголем или наркотиками, ведут асоциальный образ жизни, не выполняют своих обязанностей по содержанию и воспитанию детей, не уделяют им должного родительского внимания. В научном дискурсе достаточно много работ, так или иначе затрагивающих проблему такого семейного неблагополучия¹.

Активно обсуждается тема влияния социально-экономических процессов в обществе на семью, детально изучаются экономические проблемы семьи и разнообразные факторы, влияющие на уровень и качество ее жизни (финансовое положение семьи, проблема занятости супругов, получение государственных трансфертов поддержки, жилищные условия, низкодоходные семьи, вопросы социальной защиты семьи, зависимость удовлетворенности семейными отношениями от экономического положения семьи).

В постсоветский период возникло новое направление социологических исследований семьи – изучение экономического обмена в социальном институте семьи, а именно: сетевого межсемейного обмена экономическими ресурсами и продуктами, в том числе информационными и эмоциональными трансфертами; реципрокного обмена; различий обмена между городскими и сельскими семьями, между семьями разных поколений; культурных традиций

и кодов микросреды. Исследования объяснили «секрет» того, как семья борется с финансовым неблагополучием с помощью внутрисемейного и межсемейного бартера, а также практик одаривания, возникающих на почве ролевых ожиданий в отношениях родительства и родства².

Гораздо менее изучен институт супружества, который находится на периферии интереса социологов. Более того, нам не известны работы, направленные на исследования динамики супружеских отношений с учетом возрастной переменной. Хотя стало очевидным, что динамично меняющаяся геронтологическая ситуация требует смены направления вектора исследований в сторону переосмысления интересов и возможностей геронтологической группы в контексте конструирования супружеских стратегий и практик.

В ценностной структуре представителей старшего поколения супружество занимает одно из первых мест. Доминирующей ценностью становится само наличие близкого человека, возможность совместного с ним проживания, вовлеченность в общую деятельность, практики взаимной поддержки. Кроме того, несмотря на кажущуюся нерасторжимость брака пожилых супругов, за последние годы супружеских пар, решившихся на развод, становится все больше. Сейчас, по мнению экспертов, развод стал более приемлем с точки зрения общества, его легче добиться, если произошло отдаление супругов, утрачена связь между ними. Общественное мнение уже не осуждает развод, он стал нормой. В связи с этим исследовательский интерес представляют новые моменты как в прагматике супружеских отношений, так и в эмоциональном фоне отношений и духовных устремлениях супругов, а также зоны напряженностей в супружеских отношениях с целью использования адекватных социальных технологий помощи семье в возрастном измерении. Ряд наших работ посвящен изучению причин и социальных проекций супружеских конфликтов, в которые нередко вовлекаются взрослые дети, родственники, близкие друзья. Все это выводит из равновесия многих людей, сказывается на их здоровье и работоспособности³.

В данной статье речь пойдет не о дезорганизации супружеских отношений, итогом которой является развод, а об их стабильности и факторах, ее обуславливающих.

Супруги, прожившие долгую совместную жизнь, – это не просто со-живущие вместе, для них характерна структурная взаимосвязь жизней, которая определяется через семейную историю, рекуррентный ритм жизни. Это особый союз, который исключает процедуру постоянного тестирования супружеских отношений, а представляет комплекс неимперативных, переговорных взаимодействий. Продолжительность и интенсивность интеракций супругов обуслав-

ливают связанность и зависимость их жизней, поведения, психологии, что, в первую очередь, проявляется в матрице их семейных представлений. В семейных представлениях сконцентрирована своеобразная умственная жизнь семьи, солидарная система взглядов на повседневную жизнь: ее организацию, обустройство, практики межличностных отношений.

Эмпирическую базу данной статьи составили интервью с пожилыми супругами (60 лет и старше), имеющими опыт супружеской жизни от 25 и больше лет, собранные в г. Саратове в 2017–2018 гг. Было проведено 21 глубинное интервью. Рекрутинг информантов осуществлялся методом «снежного кома» – с помощью родственников и знакомых исследователей. Этот метод поиска участников исследования представляется необходимым в силу того, что тема исследования весьма деликатная.

Супружеские солидарности – разделяемые обоими супругами представления, которые создают основу штаба семейного управления, формирования «мотивов уступчивости» (М. Вебер), когда во главу угла ставится интерес семьи, когда подчиняются не кому-то конкретно, а установленным рациональным правилам. Благодаря им внутренняя свобода каждого супруга сосуществует с внешним проявлением ее ограничения. Семейные представления, конечно же, не являются исчерпывающим каталогом супружеских солидарностей, тем не менее, можно выделить следующие ключевые дискурсы супружеского нарратива.

1. *Дискурс допустимого и недопустимого* очерчивает границы возможных супружеских практик. Несомненно, что границы конструируются рефлексивными, рациональными, приватизированными установками супругов, располагающими различными ресурсами и жизненными шансами. Тем не менее, в устойчивых семьях вырабатывается разделяемое супругами представление о должном и проблемы решаются путем объединения усилий. По нашим данным, в таких семьях доминирует позитивное мировоззрение:

Р.: Как-то само собой сложилось, что какие бы ни были невзгоды, мы стараемся о плохом не думать. Приводим «аргумент удачи», то есть все наши мысли направлены на позитив, только хорошее. Мы даже мысли не допускаем о плохом. Мысль материальна: как думаешь, так и получается (муж., 67 лет).

Наши респонденты отмечали, что только позитивный настрой, эмоциональная твердость, уверенность в успехе позволяют супругам оправляться, вставать на ноги, возрождаться из пепла, восстанавливать привычную модель жизни после столкновения с разного рода травмирующими событиями:

Р.: Мой муж сломал шейку бедра. Ну, Вы знаете, как это опасно в этом возрасте. Про-

гнозы были не утешительные... Но мы не сдались, вместе боролись, не ныли и не плакались... Ну, вот, преодолели и это. Сейчас все нормально, даже ходит на рыбалку (жен., 72 года).

На наш взгляд, у пожилых людей сформировался определенный защитный механизм в контексте сложной социально-экономической ситуации – позитивное восприятие себя при игнорировании неблагоприятных данных о себе.

2. *Дискурс отношения к вещам, чистоты и опрятности.* Формируются определенные гигиенические рамки повседневных практик. Если есть проблемы со здоровьем, конструируется целый реестр особых предписаний с повышенными гигиеническими требованиями. Сюда же входят и смена белья, траектории использования вещей, требования к их качеству:

Р.: Я сама очень требовательна и к внешнему виду, и к тому, чтобы было все аккуратно расставлено, посуда вымыта, вещи в порядке, и мужа к этому приучила. Мы люди пожилые, надо особенно тщательно за собой следить. Да и вещи я покупаю, прежде всего смотрю, чтобы было удобно и безопасно. А в молодости на это не обращали внимание – лишь бы было красиво, модно (жен., 74 года).

В рассуждениях респондентов преобладает не экспрессивный подход к вещам, а их функциональность и полезность.

3. *Дискурс пищевого поведения* включает размышления о количестве, месте, типе приема пищи, о смыслах и значениях, которые супруги придают продуктам питания и технике приготовления пищи:

Р.: Мы, конечно, обращаем внимание на питание. Для нас важно не количество, а чтобы мы ели в одно и то же время. У нас устоявшийся ритм: мы знаем время завтрака, обеда и ужина и стараемся не выпасть из него, а также предпочитаем вареную, а не жареную пищу (жен., 69 лет).

Для наших респондентов оказалась весьма характерной упорядоченная временная структура распорядка дня «завтрак–обед–ужин». Вот такое членение ритмизирует повседневную жизнь пожилых людей, придает ей динамику. Супруги заранее обговаривают и структуру каждого блюда в течение дня. Респонденты указывали и на определенного рода ограничения на потребление пищи, изменения пищевых пристрастий, связанных не только с физическими недугами, но и с дефицитом денежных средств, вынуждающих покупать дешевые, питательные пищевые продукты.

4. *Дискурс заботы:* забота о себе, забота о близких, готовность к помощи и поддержке друг друга. Переориентация пожилых супругов на внутрисемейные отношения является, по нашему мнению, закономерным этапом социальной и психической жизни пожилого человека. Высказывания пожилых супругов фикси-

руют тот факт, что они вовлечены в проблемы близких, часто соотносят цели и планы повседневной жизни с событиями, происходящими в жизни молодого поколения. Респонденты с удовольствием рассказывают об успехах и достижениях детей и внуков, что, как мы полагаем, сохраняет перспективу личностного развития, способствует осознанию ценности своего «Я». В отношениях между собой супруги принимают кооперативный стиль взаимодействия:

Р.: Мы помогли и будем помогать и поддерживать друг друга. Где он, где я, мы понимаем друг друга без лишних слов. Мы сопереживаем, а молодежь нередко считает, что все наши недомогания случаются от того, что нам делать нечего (жен., 67 лет).

Пожилые супруги «впускают» в свое мироощущение возможные дисфункции привычного образа жизни, но формируют определенные стратегии реагирования на них.

5. *Дискурс нагрузки внутри семейной сети.* Принцип определения степени участия внутри семейной сети осмысливается в прагматических терминах: с точки зрения защиты интересов ее младших членов, а также интересов супругов. При этом забота о внуках, как правило, связана с традиционным гендерным разделением труда:

Р.: С внуками часто общаемся. Их к нам привозят на субботу и воскресенье. Жена старается что-нибудь вкусненькое им приготовить, а я – читаю, во что-нибудь играем или идем гулять в парк. А летом на рыбалку ходим, мастерим (муж., 70 лет).

Как правило, бабушки «хлопочут по дому», а дедушки организуют отдых и досуг внуков. Речь в данном случае идет об удачном сочетании внутрисемейных ролей, когда супруги воспринимают свою деятельность по воспитанию внуков как свободную от многих обязанностей и напряженных конфликтов, характерных для детско-родительских отношений.

Таким образом в устойчивых пожилых семьях складывается вполне определенный супружеский «габитус»: устойчивая система предписаний, позитивное мировоззрение, взаимные обязательства и эмоциональная поддержка. Супружеские отношения в полной мере реализуются как авторский проект, направленный на удовлетворение потребности в близких отношениях.

Примечания

¹ См.: Елютина М. Э, Климова С. В. Благополучие семьи : парадигма комплексного институционального подхода // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 19–26.

² См.: Штейнберг И. Е. Пожилые люди в контексте внутрисемейных отношений // Старость в современном российском обществе : интеробъективный и интер-

- субъективный контексты / под ред. М. Э. Елютиной. Саратов : Саратов. гос. техн. ун-т, 2010. С. 180–194.
- ³ См.: Елютина М. Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–93 ; Елютина М. Э., Исаева С. А. Причины развода в третьем возрасте // Социс. 2012. № 9. С. 91–99.

Образец для цитирования:

Елютина М. Э., Болотов Г. И. Супружеская солидарность в позднем возрасте // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 36–39. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-36-39>

Cite this article as:

Elutina M. E., Bolotov G. I. Marital Solidarity in Later Life. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 36–39 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-36-39>

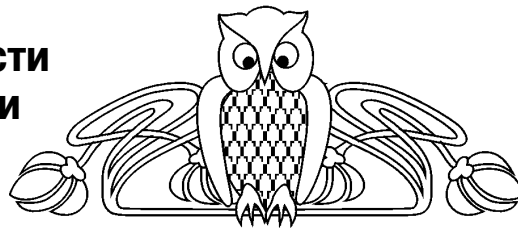

УДК 316.452

Гендерные и возрастные особенности политического поведения молодежи

А. А. Иудин, И. В. Привалов

Иудин Александр Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, iudin@fsn.unn.ru

Привалов Игорь Васильевич, аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Privalov.i@mail.ru

По результатам эмпирического исследования раскрыты половозрастные особенности политических установок россиян. Анализ показывает, что мужчин в целом отличают повышенная оппозиционность и строгая определенность в их политических воззрениях, в отличие от женщин, которые более лояльны к выборам и нынешней власти, их спектр мнений менее разнообразен и характеризуется неопределенностью. Средняя возрастная группа показывает наименьшее разнообразие в ответах, в большинстве случаев мало отличается от выборки и демонстрирует повышенный уровень аполитичности, находясь в фазе поиска и самоопределения. Зрелая возрастная группа политически активна, с довольно четко определенными электоральными предпочтениями, весьма консервативного толка. Группа самых юных по активности мало чем отличается от выборки в целом, однако их политические предпочтения часто полярны зрелым.

Ключевые слова: политическая активность, электоральное поведение, выборы, политические ориентации, лояльность, оппозиционность.

Gender- and Age-Sensitive Political Attitudes of Young People

A. A. Iudin, I. V. Privalov

Aleksandr A. Iudin, <https://orcid.org/0000-0003-1925-007X>, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia, iudin@fsn.unn.ru

Igor V. Privalov, <https://orcid.org/0000-0003-0322-8927>, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia, privalov.i@mail.ru

According to the results of empirical research, the article reveals the age and sexual characteristics of Russian people political attitudes. The analysis shows that men, in general, are characterized by increased opposition and strict certainty in their political views, unlike women, who are generally more loyal to the elections and the current government, and their arsenal of opinions is less diverse and characterized by uncertainty. The middle age group shows the poor diversity in the answers, in most cases they are not altogether different from the sample and reveals an increased level of apolitical behavior, being in the phase of search and

self-determination. The mature age group is politically active, with well-defined and very conservative electoral preferences. The group of the youngest differs little from the sample, but their political preferences are often polar to the mature ones.

Keywords: political activity, electoral behavior, election, political orientations, loyalty, opposition.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-40-46>

В современном российском обществе существует остроящая проблема участия молодежи в общественной жизни. Молодежь как специфическую социально-демографическую группу отличает множество противоречий. В качестве главного выступает сочетание инновационного потенциала и консервативности¹, что не может не отразиться на ее социальных и политических установках. Молодежь в России не является однородной группой, особенно в социально-политических вопросах. По достижении определенного возраста человек превращается в субъект политики, чему способствует политическая социализация, которая в нашей стране может сильно зависеть от различных факторов, в том числе и половозрастных. В статье делается попытка определения специфики политических установок молодых людей разного пола и разных возрастных групп.

В ходе исследования «Факторы формирования политического поведения»² анализу подвергнуты социально-политические воззрения мужчин и женщин, юношей и девушек трех возрастных групп: юные (17–20 лет) – 61,0%, молодые (21–30 лет) – 24,0% и зрелые. В числе зрелых в выборке были люди в возрасте 31–39 лет (6,8%), 40–49 лет (5,6%) и старше 50 лет (2,0%). Средний возраст представителей зрелой группы составляет 40,7 года. В число юных и молодых людей попали в основном представители студенческой молодежи, и это обстоятельство не может характеризоваться смещением выборки по двум причинам. Во-первых, сегодня основная масса молодых жителей городов после школы поступает в вузы, и, во-вторых, студенты являют собой наиболее рефлексивную в отношении политических воззрений часть молодых людей. Важным является и то обстоятельство, что целью данного исследования являлось выявление не столько политических установок молодежи, сколько половозрастных отличий в этих установках.

Результаты исследования в целом соответствуют реальному положению дел и мало отличаются как от данных ВЦИОМ, так и от ре-

альных итогов голосования на выборах 2016 г. депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва³. На выборах результаты голосования рассчитываются от числа явившихся. В прожективном опросе присутствуют варианты ответов «Не приду на выборы» и «Затрудняюсь ответить». Именно люди, выбравшие эти варианты ответов, имеют склонность по тем или иным причинам не ходить на выборы, и реальное голосование следует рассматривать без учета этих людей. В этом случае результаты распределения голосов на предполагаемых выборах в целом совпадают с реальными итогами голосования на думских выборах 2016 г. Так, победившая партия в действительности получила чуть больше 54% голосов, а в представленном проекте – 46%, что довольно точно совпадает с данными ВЦИОМ. Следует отметить, что проигнорировать выборы предполагают, прежде всего, молодые мужчины, а молодые женщины немного чаще сомневаются в своем выборе.

Жители России независимы в своих политических оценках и предпочтениях, и подавляющее большинство из них говорят о том, что им все равно, что думают окружающие об их политических предпочтениях, причем женщины немного чаще отмечают это. При очень невысокой явке

на выборах в Госдуму и средней явке на выборах президента молодые респонденты определенно выражают согласие с мнением, что люди должны активнее участвовать в политической жизни и текущих государственных делах, причем эта установка не зависит от пола. Так считают 53% молодых людей, примерно четверть (26%) держатся противоположного взгляда. Среди мужчин согласных с тезисом на 10% больше. Оказывая не самую массовую поддержку – 64% не считают себя их противниками, четверть респондентов затруднилось с ответом на этот вопрос. И снова мужчины показывают большую лояльность выборной процедуре, женщины здесь на 10% чаще не определены в своей оценке.

Мужчины в большей мере, в отличие от женщин, уверены в своих политических оценках и предпочтениях, чаще всего руководствуясь собственными наблюдениями. Они уверены в правильности своей политической позиции и не обращают внимания на мнение других и чаще женщин отмечают, что достаточно хорошо представляют происходящее в политике и текущих государственных делах, чаще женщин считают себя патриотами своей страны. И значительно чаще отмечают важность участия в выборах (табл. 1).

Таблица 1

Согласие с тезисами о выборах, %

Тезисы	Пол	17–20 лет	21–30 лет	31+ лет	Выборка
Все равно, что думают окружающие о политических предпочтениях респондента	муж.	87	83	91	88
	жен.	91	86	91	
Вопросы избирательной кампании, партии и политиков обсуждают в семье или кругу друзей	муж.	56	47	65	57
	жен.	58	62	54	
Знакомые респондента спрашивают совета о голосовании за партию или кандидата	муж.	24	21	22	20
	жен.	20	16	17	
Могут заявить о своих политических предпочтениях даже среди малознакомых людей	муж.	58	55	67	54
	жен.	53	40	50	
Достаточно хорошо представляют, что происходит в политике и текущих государственных делах	муж.	61	63	77	52
	жен.	38	49	58	
Люди должны активнее участвовать в политической жизни и текущих государственных делах	муж.	79	74	78	78
	жен.	77	80	62	
Для определения политической позиции нужно мнение экспертов	муж.	35	25	20	35
	жен.	43	32	16	
Для определения политической позиции нужны данные социологических опросов	муж.	25	16	11	25
	жен.	31	27	17	
Для определения политической позиции руководствуются собственными наблюдениями	муж.	88	85	95	84
	жен.	80	80	88	
Считают обязательным посещать выборы	муж.	49	51	75	53
	жен.	48	48	80	
Противники выборов органов власти	муж.	14	10	11	11
	жен.	12	5	8	
В целом устраивает жизнь, которую ведут сейчас	муж.	35	37	51	43
	жен.	46	40	55	
Считают, что через год будут жить лучше	муж.	31	34	35	38
	жен.	37	47	54	

Женщины для определения политической позиции в большей мере нуждаются в данных социологических опросов или мнении экспертов. Немного чаще обсуждают в семье или в кругу друзей вопросы избирательной кампании, партии и политиков. Женщин в большей мере устраивает сегодняшняя жизнь, они чаще считают, что через год будут жить лучше.

И власть, и оппозицию поддерживают относительно равные доли молодых избирателей – примерно по 33%, и около четверти населения не могут определиться в этом вопросе.

Чуть более разнообразной картина становится в гендерном аспекте: оппозиционность мужчин более выражена, они дают больше и отрицательных, и положительных оценок, что свидетельствует о том, что их позиция определеннее, чем у женщин. Мужчины более склонны к поддержке на выборах оппозиции, а женщины в большей мере готовы поддержать власть. Например, при оценке работы различных ветвей и уровней власти молодые люди более всего одобряют президента страны (42%). Однако данные ВЦИОМ на предвыборный период показывают значительно более высокий уровень поддержки В. Путина – 83%⁴. Расхождение в два раза может быть объяснено двумя обстоятельствами. Во-первых, использовалась разная шкала: ВЦИОМ применил бинарную шкалу «Одобрю», «Не одобряю». Респондент в этом случае не имеет возможности уйти от ответа в форме «затрудняюсь ответить». Даже неопределившихся в этом вопросе ВЦИОМ вынуждает принять какую-либо сторону, что и способствовало некоторому повышению доли одобрения. Во-вторых, в нашем исследовании основу выборки составили люди молодого и среднего возраста как наиболее радикальные и рефлексивные в политическом плане слои населения, а ВЦИОМ использовал поселенческую выборку, отражающую состав всего населения страны.

Уровень поддержки губернаторов и премьер-министра находится на одинаково низком уровне, их одобряют 21 и 18% соответственно. Примечательно, что люди склонны скорее не доверять им: баланс доверия здесь отрицательный, причем уровень недоверия премьер-министру выше – 50% против 41% у губернаторов.

Необходимо отметить высокую неопределенность населением оценок работы всех представителей власти, в том числе и президента, нелояльность к чиновникам федерального уровня. Молодые мужчины заметно реже женщин одобряют работу всех руководителей, представляющих федеральные и местные органы власти. Политические установки имеют не только гендерные характеристики, но и отличия в разных возрастных группах.

Итак, молодых мужчин отличает повышенная оппозиционность, и их политические установки являются более определенными по

сравнению с женщинами, которые отличаются большими сомнениями в этих вопросах и повышенной лояльностью по отношению к действующей власти. В этой связи несомненный интерес представляют отличия установок в разных возрастных группах.

Не следует думать, что мужчины и женщины являются собой более или менее монолитные группы. Среди мужчин заметно повышена доля оппозиционно настроенных избирателей, склонных голосовать за КПРФ и ЛДПР. В то же время их оппозиционность проявляется и в готовности голосовать за партии, имеющие либеральную репутацию: они чаще женщин готовы проголосовать за ПАРНАС, «Зелёных», «Гражданскую платформу» и Партию пенсионеров. Женщины, проявляя заметно повышенную лояльность к правящей партии (почти в два раза чаще готовы голосовать за «Единую Россию»), гораздо чаще мужчин готовы голосовать и за «ЯБЛОКО», демонстрируя оппозиционность несколько иного рода.

Необходимо отметить, что результаты нашего опроса в отношении партий с большим процентом голосов несколько ближе к данным прогнозных моделей и exit-полов ВЦИОМ⁵ и ФОМ⁶, нежели к официальным сводным данным результатов выборов по федеральному избирательному округу, предоставленному ЦИКом. Радикально от действительности отличается ситуация в блоке оппозиционных партий. Так, по результатам опроса партия «ЯБЛОКО» получила 12%, в действительности их доля составила меньше 2%. Схожая ситуация с ПАРНАСом и Партией Роста, в опросе их выбрали по 4%, а на реальных выборах за них голосовали в два раза реже. Уровень абсентеизма – сознательного бойкотирования выборов – отражает реальную картину. По данным нашего проекта, на выборы не пошли бы 32%, а с учетом затруднившийся в выборе (18%) доля не голосующих могла бы составить 50%, что коррелирует с действительным уровнем явки на выборах в Думу седьмого созыва – 48%.

Итак, готовность голосовать по партийным спискам в Государственную Думу за партию «Единая Россия» проявляют в основном женщины, однако это прежде всего юные (17–20 лет) женщины, причем с годами интерес к этой партии у женской части электората падает (табл. 2). У мужчин, напротив, интерес к «Единой России» с годами растет, хотя довольно умеренно: даже у зрелых избирателей готовность голосовать за эту партию не достигает среднего уровня по выборке.

Лояльность к федеральному партийному руководству у мужчин постепенно возрастает, но остается на сравнительно низком уровне, а у женщин интенсивно уменьшается. При этом и у мужчин, и у женщин нарастают оппозиционные партийные настроения: и те и другие с годами склонны во все большей мере доверять КПРФ

Таблица 2

Прожективное голосование в Государственную Думу, %

Партии	Пол	17–20 лет	21–30 лет	31+ лет	Выборка
Единая Россия	муж.	14	12	18	24
	жен.	32	23	13	
КПРФ	муж.	9	9	17	8
	жен.	6	6	13	
ЛДПР	муж.	7	3	9	5
	жен.	3	4	8	
ЯБЛОКО	муж.	8	4	1	6
	жен.	6	8	0	
ПАРНАС	муж.	6	4	2	2
	жен.	1	2	0	
Гражданская платформа	муж.	1	3	0	1
	жен.	0	1	4	
Гражданская сила	муж.	0	0	0	0
	жен.	0	0	4	
Зелёные	муж.	2	0	2	1
	жен.	1	1	4	
Коммунисты России	муж.	0	1	1	1
	жен.	1	0	8	
Партия Роста	муж.	2	2	0	2
	жен.	1	3	4	
Не придут на выборы	муж.	33	42	28	32
	жен.	30	34	8	
Затрудняются ответить	муж.	17	15	20	18
	жен.	18	15	33	

и ЛДПР. Коммунистической партии больше доверяют мужчины: во всех возрастных группах они проявляют готовность голосовать за КПРФ выше среднего выборочного уровня. Женщины преодолевают этот уровень только в зрелом возрасте, хотя и здесь их поддержка ниже, чем у мужчин. К остальным партиям уровень интереса у всех избирателей значительно ниже.

Юные мужчины демонстрируют несколько повышенный (выше среднего по выборке) интерес к ряду оппозиционных партий – ЛДПР, «ЯБЛОКО» и ПАРНАС. Последняя партия явно пользуется некоторым интересом молодежи. К «Единой России» их интерес ниже, чем в среднем по выборке. Намерения проигнорировать выборы и уровень затруднений с оценкой своей готовности голосовать находится у них приблизительно на среднем по выборке уровне. Представители этой группы находятся в поиске: их явно интересует политический процесс, но пока он им мало известен и не очень понятен.

Представители молодой возрастной группы (21–30 лет) дают пониженный уровень поддержки большинства партий, и при этом они чаще всех намерены проигнорировать выборы и реже

испытывают затруднения по поводу выбора партий. Эту возрастную группу отличает повышенный уровень аполитичности. Данная часть молодежи чаще отвергает все партии и редко является поддержкой известных парламентских партий. При этом их аполитичность имеет выраженный оттенок оппозиционности.

Представители зрелой возрастной группы умеренно лояльны к правящей партии, хотя и здесь повышен процент поддержки оппозиционных партий – КПРФ и ЛДПР. Женщины из этой группы склонны поддерживать сравнительно мало популярные партии – «Гражданскую платформу», «Гражданскую силу», «Зелёных», Партию Роста, и именно они склонны к поддержке партии «Коммунисты России». Характерная черта представителей этой возрастной группы состоит в том, что при наличии наиболее отрефлексированных установок они чаще других выражают сомнения в правоте своих воззрений, чаще других сомневаются в адекватности своего выбора.

Ряд партий – «Патриоты России», «Родина», Партия пенсионеров и «Справедливая Россия» – отсутствуют в данном списке в связи с тем, что

они характеризуются очень низким рейтингом у молодых избирателей – в пределах одного, редко двух процентов. Юные избиратели из данного списка партий различают только «Справедливую Россию», женщины зрелого возраста не склонны ее поддерживать совсем.

Снова следует обратить внимание, что результаты нашего опроса о выборе при голосовании за Президента России несколько ближе к данным прогнозных моделей и exit-полов ВЦИОМ и ФОМ, нежели к официальным сводным данным результатов выборов. Так, действующий президент В. В. Путин, по результатам опроса, набирает 60%, в действительности доля проголосовавших за него – 77%. Такой разрыв в результатах может быть обусловлен преобладанием в выборке людей молодого и среднего возрастов, которые голосуют за других кандидатов. Здесь мы также видим повышенную лояльность женщин к действующему президенту, а мужчины голосуют за Путина даже реже, чем в среднем по выборке. Кандидат, занявший второе место, П. Грудинин, по результатам нашего замера имеющий 18%, на реальных выборах получил 12%. Любопытен в данном контексте гендерный аспект при голосовании за этого кандидата. Мужчины почти в два раза чаще выражают свою поддержку Грудинину, чем женщины. Доля поддержки мужчин также выше, чем в среднем по выборке. И здесь находят свое подтверждение повышенная склонность мужчин к оппозиционности и повышенная лояль-

ность женщин действующей власти. Женщины показали и повышенную активность на выборах: они реже мужчин заявляли о своей неявке.

Распределение голосов за кандидатов К. Собчак и Г. Явлинского значительно расходится с реальными данными голосования: за них готовы были отдать голоса 8% (в основном женщины) и 5% (в основном мужчины) молодых респондентов соответственно, а по итогам голосования на пост президента они получили всего 1–2% голосов.

Процент бойкотирующих выборы по результатам опроса (33%) соотносится с реальной явкой – 68%. Женщины чаще говорили о своем игнорировании выборов, хотя это, очевидно, связано не с их оппозиционными настроениями, а, скорее, с наличием повседневных дел. Стоит отметить, что 5% все-таки пришли бы на выборы, но не стали голосовать и испортили бы бюллетень, и это поведение не имеет гендерной характеристики.

Оценивая свое участие в выборах президента страны, представители разных возрастных групп, мужчины и женщины по-разному осуществляли свой выбор. Представители молодых групп менее других поддерживали всех кандидатов и чаще других не ходили на эти выборы (табл. 3). Молодые избиратели характеризуются известной аполитичностью, и только они поддержали М. Сурайкина. Представители юных групп тоже были не особо активны, хотя игнорировали выборы реже молодых. Наиболее дисциплинированными избирателями вполне ожи-

Таблица 3

Распределение голосов на выборах Президента РФ, %

Кандидаты	Пол	17–20 лет	21–30 лет	31+ лет	Выборка
Грудинин Павел	муж.	18	12	17	11
	жен.	8	10	13	
Жириновский Владимир	муж.	7	2	4	3
	жен.	2	3	0	
Путин Владимир	муж.	18	23	53	36
	жен.	40	32	54	
Собчак Ксения	муж.	7	5	1	5
	жен.	5	6	8	
Сурайкин Максим	муж.	0	1	0	0
	жен.	0	0	0	
Титов Борис	муж.	5	3	2	2
	жен.	2	1	4	
Явлинский Григорий	муж.	5	5	0	3
	жен.	2	3	0	
Испортили бюллетень	муж.	3	5	5	5
	жен.	5	5	8	
Не ходили на выборы	муж.	35	41	15	33
	жен.	35	39	13	
Затрудняются ответить	муж.	2	1	1	1
	жен.	1	1	0	

даемо оказались представители зрелых групп, которые не ходили на выборы вдвое реже, чем в среднем по выборке. Представители зрелых групп оказали наиболее заметную поддержку В. В. Путину, особенно женщины. Заметно повышенный уровень голосования за этого кандидата продемонстрировали и юные женщины. У мужчин склонность поддерживать В. В. Путина нарастает по мере взросления.

Зрелые женщины, активно голосовавшие за ЛДПР, совсем не поддержали В. В. Жириновского: они соглашались с наличием оппозиционной партии в российском парламенте, но не желают видеть В. В. Жириновского в качестве Президента РФ. На этом посту его склонны видеть мужчины, прежде всего юные. Они более других голосовали за Собчак, Титова и Явлинского. Следует отметить, что Явлинский, как и партия «ЯБЛОКО», пользуется поддержкой, хотя и небольшой, прежде всего молодых и юных мужчин. Это показывает, что юные избиратели, особенно мужчины, находятся в поиске. Зрелые избиратели активно поддерживали КПрФ и столь же активно – П. Грудинина. У избирателей, поддерживавших КПрФ, Грудинин явно ассоциировался с этой партией: и партию, и Грудинина поддерживали мужчины, прежде всего зрелые, но и юные, и даже молодые мужчины голосовали за него более активно, чем в среднем по выборке.

Лояльность зрелых избирателей проявляется и в оценках деятельности власти: и зрелые мужчины, и зрелые женщины склонны одобрять работу президента и губернатора, они чаще считают, что дела в стране идут в правильном направлении, и на выборах они готовы поддержать власть, а не оппозицию. Однако при всей своей лояльности к власти они реже всех склонны одобрять работу премьер-министра, причем оценка его работы у женщин понижается по мере их взросления. Юные женщины более всех молодых избирателей склонны на выборах поддержи-

вать власть, а вот юные мужчины чаще готовы поддерживать оппозицию. Но дело здесь не в повышенной лояльности или оппозиционности: юные находятся в поиске, их оценки наиболее эмоциональны.

Зрелые избиратели, реже всех игнорирующие выборы, чаще считают обязательно посещать их. Они уверены в себе (особенно мужчины) и чаще всех говорят, что для определения политической позиции они руководствуются собственными наблюдениями (см. табл. 1). Такой же точки зрения придерживаются и юные мужчины, которые часто отмечают, что достаточно хорошо представляют происходящее в текущей политике. Мужчины могут заявить о своих политических предпочтениях даже среди малознакомых людей. Их знакомые нередко консультируются с ними по политическим вопросам.

Представление о том, что юные и отчасти молодые избиратели находятся в состоянии поиска, подтверждается их отношением к предвыборной информации. Так, в зоне очень высокого интереса молодых избирателей оказываются видеоролики, в которых критикуют или высмеивают разных кандидатов в Президенты РФ, в том числе и В. В. Путина (табл. 4). Зона повышенного интереса связана с выбором варианта ответа «Очень интересно». Характерно, что в зоне повышенного интереса оказываются, прежде всего, юные мужчины. У молодых мужчин уровень интереса заметно ниже, хотя часто тоже находится выше среднестатистического уровня. Юные женщины испытывают определенный интерес к видео- и фотоматериалам, однако их крайне редко привлекают материалы, критикующие или высмеивающие В. В. Путина, очевидно, их сдерживает собственная лояльность к федеральной власти. Материалы по поводу других кандидатов их все же интересуют, хотя очень высокий интерес они проявляют сравнительно редко – в отличие от юных и молодых мужчин.

Таблица 4

Предвыборная информация повышенного интереса, %

Виды информации	Пол	17–20 лет	21–30 лет	31+ лет	Выборка
Видеоролики, в которых критикуют или высмеивают кандидата в президенты В. Путина	муж.	23	14	7	9
	жен.	7	21	11	
Видеоролики, в которых критикуют или высмеивают других кандидатов в президенты	муж.	9	5	6	5
	жен.	10	0	6	
Рисунки, фотографии, постеры, критикующие или высмеивающие кандидата в президенты В. Путина	муж.	22	14	7	8
	жен.	7	4	10	
Рисунки, фотографии, постеры, критикующие или высмеивающие других кандидатов в президенты	муж.	9	7	5	6
	жен.	8	8	6	
Интернет-голосования за кандидатов в президенты	муж.	13	11	10	10
	жен.	11	4	10	
Интернет-обсуждения хода и вероятных результатов выборов	муж.	15	10	5	11
	жен.	9	4	13	

Зрелые и молодые мужчины чаще оказываются в зоне умеренного интереса, который определяется выбором варианта ответа на вопрос о предвыборных материалах: «Что-то интересно, что-то нет». Их интересуют преимущественно изобразительные, но не видеоматериалы – о Путине и других кандидатах. Такой избирательный интерес (что-то интересует, а что-то нет) характерен и для юных мужчин, и для юных женщин. Однако для юных (и отчасти молодых) мужчин интерес к этим материалам выше, особенно в той части, где они касаются В. Путина.

Итак, юные избиратели, особенно мужчины, находятся в состоянии политического поиска и самоопределения, молодые люди (21–30 лет) отличаются известной аполитичностью, а зрелые люди (старше 30 лет) имеют достаточно устойчивые взгляды и установки, предпочитают политическую определенность – как лояльную, так и оппозиционную. При этом лояльность к власти более свойственна женщинам, в том числе и юным.

Примечания

¹ См.: Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н. Парадоксы трансформации ценностных

ориентаций российской молодежи // Социс. 2012 № 6. С. 121–126.

- ² Исследование «Факторы формирования политического поведения» осуществлено методом онлайн-анкетирования в марте-апреле 2018 г. Выборка целевая, 817 респондентов, опрашивалась городская молодежь. Опрос осуществлялся силами студентов нижегородских вузов, привлекавших к опросу своих интернет-друзей, близких и родственников.
- ³ См.: Данные Протокола Центральной избирательной комиссии РФ о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва. URL: <http://old.cikrf.ru/opendata/vib16fedsvod.html> (дата обращения: 18.05.2018).
- ⁴ См.: Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий (Пресс-выпуск № 3552). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8877> (дата обращения: 18.05.2018).
- ⁵ См.: Выборы в Государственную Думу РФ : результаты экзитпола ВЦИОМ (Пресс-выпуск № 3202). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115870> (дата обращения: 13.09.2017).
- ⁶ См.: Выборы в Думу-2016 : результаты exit-poll ФОМ. URL: <http://fom.ru/Politika/12867> (дата обращения: 13.09.2017).

Образец для цитирования:

Иудин А. А., Привалов И. В. Гендерные и возрастные особенности политического поведения молодежи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 40–46. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-40-46>

Cite this article as:

Iudin A. A., Privalov I. V. Gender- and Age-Sensitive Political Attitudes of Young People. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 40–46 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-40-46>

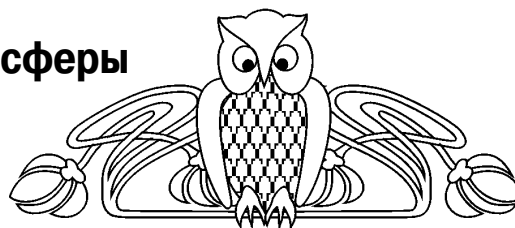

УДК 316.4

Анализ патологии социальной атмосферы в федеральных округах России

В. Н. Аргунова, С. В. Бояринцева

Аргунова Вера Николаевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и молодежной политики, Вятский государственный университет, Киров, v_argunova@mail.ru

Бояринцева Светлана Владимировна, исследователь, Независимый исследовательский центр, Самара, bisivi@mail.ru

Целью данной статьи является характеристика социальной атмосферы в федеральных округах России. Социальная атмосфера рассматривается как макросоциальное явление, обозначающее все духовно-эмоциональные процессы и явления в обществе. Она создает фон общественной жизни, влияющий не только на социальное поведение, но и на общественное и индивидуальное здоровье. Выдвигается гипотеза, что население различных территорий России по-разному реагирует на протекающие в стране процессы трансформации общественной структуры. Индекс нравственной аномалии общества позволяет объективно характеризовать состояние нравственности. Динамика индекса показывает зависимость от общественно-политических событий в стране. По его показателям округа разделены на четыре группы. Наиболее высокие показатели в Дальневосточном, Сибирском и Уральском округах. Уровень индекса значительно меньше средне-российского наблюдаются в Северо-Кавказском округе. Там население не реагировало на рыночные реформы. На снижение индекса повлияла война на Кавказе. На основе индексов агрессии и депрессии регионы условно отнесены к агрессивным (Сибирский, Северо-Кавказский, Москва, Санкт-Петербург) и депрессивным (Приволжский, Северо-Западный, Центральный, Южный, Дальневосточный, Уральский). Негативная алкогольная ситуация сложилась в шести округах и Санкт-Петербурге. Установлено наличие двух векторов возрастания неблагополучия социальной атмосферы: один направлен от центра на северо-запад, другой – от центра на восток. Парадоксально низкой является патология социальной атмосферы в Северо-Кавказском округе. Данные процессы объясняются трансформацией привычных социальных связей и отношений, вызванных системой индивидуалистических ценностей.

Ключевые слова: патология социальной атмосферы, индекс нравственной аномалии, индекс агрессии, индекс депрессии, индекс алкоголизма.

The Analysis of Social Atmosphere Pathology in Federal Districts of Russia

V. N. Argunova, S. V. Boyarintseva

Vera N. Argunova, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8065>, Vyatka State University, 36 Moskovskaya Str., Kirov 610000, Russia, v_argunova@mail.ru

Svetlana V. Boyarintseva, <https://orcid.org/0000-0001-9110-9076>, Center of Independent Research, 118 Alma-Ata Str., Samara 443106, Russia, bisivi@mail.ru

The purpose of this article is to characterize the social atmosphere in federal districts of Russia. The social atmosphere is seen as a macro-social phenomenon, denoting all spiritual and emotional processes and phenomena in society. It creates a background of social life, affecting not only social behavior, but also public and individual health. It is hypothesized that the population of different territories of Russia reacts differently on ongoing processes of country social structure transformation. To diagnose the state of the social atmosphere, quantitative methods are used: the index of the moral anomaly of the society, the index of aggression, the depression index, the alcoholism index, calculated by mathematical methods on the basis of state statistics. The scientific novelty consists in ascertaining the existence of the pathology of the social atmosphere in all federal districts of the country and the non-uniformity of its distribution over these regions. The index of the social moral anomaly allows to objectively characterize the state of morality. The dynamics of the index shows dependence on socio-political events in the country. According to these indicators, the districts are divided into four groups. The highest rates are observed in the Far Eastern, Siberian and Urals districts. The level of the index is much smaller than the average Russian level in the North Caucasus District. There, the population did not react to market reforms. The decline in the index was affected by the war in the Caucasus. On the basis of aggression and depression indices, the regions are conditionally assigned to be aggressive (Siberian, North Caucasian, Moscow, St. Petersburg) and depressive (Volga, North-West, Central, Southern, Far Eastern, Urals). A negative alcoholic situation developed in six districts and St. Petersburg. It is established that there are two vectors for increasing the disadvantage of the social atmosphere. One is directed from the center to the northwest, the other one is directed from the center to the east. The pathology of social atmosphere in the North Caucasus District is paradoxically low. These processes are explained by the transformation of habitual social ties and relationships caused by the system of individualistic values.

Keywords: pathology of social atmosphere, index of moral anomaly, aggression index, depression index, alcoholism index.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-47-52>

Жизнь социума представляет собой сложное переплетение материальных и духовных процессов и явлений. Значительное влияние на характер жизнедеятельности, общественное и индивидуальное здоровье оказывают духовные явления. Конец XX – начало XXI в. – это время радикальных трансформаций как в нашей стране, так и во всем мире. Происходят глобальная ломка социальных стереотипов, разрушение семейных ценностей, приводящие в конечном счете к утрате базового чувства безопасности. Катастрофы и кризисы в различных сферах жизни буквально обрушиваются на человека, становятся привычным

жизненным фоном. Разрушение социокультурных основ социальной системы приводит к утрате у человека базового чувства безопасности, что влечет за собой сбой в формировании и реализации других, более высоких социальных потребностей. В этой связи изучение характера социальной атмосферы, в которой живет российское общество, является важнейшей задачей. Наша страна занимает огромную территорию, и сравнение процессов, происходящих в ее различных округах, порой весьма трудоемко. Использование концепта «социальная атмосфера» и количественных методик ее измерения позволяет осуществить диагностику социальных процессов.

Изучение территориальной дифференциации патологии социальной атмосферы осуществляется с использованием индекса *нравственной аномалии общества* (НАО). Разработанная нами методика измерения индекса основана на математическом анализе данных государственной статистики¹, отражающих наиболее сильные аморальные явления. Индекс исчисляется как сумма числа убийств, самоубийств и отравлений алкоголем, деленная на общее число умерших от всех причин, выражаемый в процентах². Данная методика позволяет объективно характеризовать социальное самочувствие общества, духовное и физическое здоровье, а также состояние нравственности.

Для детального анализа особенностей неблагоприятия социальной атмосферы в разных округах используются частные индексы:

1) индекс агрессии, равный отношению числа убийств и покушений на убийство к общему количеству смертей в регионе;

2) индекс депрессии, представляющий собой отношение числа самоубийств к общему количеству смертей в регионе;

3) индекс отравлений алкоголем, понимаемый как отношение числа умерших от случайного отравления алкоголем к общему количеству смертей в регионе. Учитывая, что, по медицинским данным, около 90% госпитализированных с острыми отравлениями алкоголем больны алкоголизмом, данный индекс будем называть индексом алкоголизма.

Очевидно, что сумма частных индексов равняется индексу синдрома патологии социальной атмосферы.

Временные ряды индексов анализировались известными статистическими методами корреляционного и регрессионного анализа с привлечением необходимых описательных статистик. Корреляционный анализ использовался для оценки подобия рядов в различных субъектах Федерации со средним по России, а также для оценки значимости межсубъектных корреляций по принципу «каждый с каждым». Путём регрессионного анализа определялся вид аналитической зависимости между описательными статистиками временных рядов совокупности

индексов по максимуму коэффициента детерминации.

Социальная атмосфера представляет собой макросоциальное явление, обозначает весь спектр духовно-эмоциональных процессов и явлений, протекающих в больших социальных общностях. Подобно земной атмосфере она состоит из различных «газов», по-разному влияющих на жизнедеятельность человека и общества. «Излучателями» этих «газов» являются функционирующие в обществе ценности и нормы, научные, политические, религиозные, этические, эстетические идеи и концепции и прочие духовные конструкты. Каждое из названных духовных образований вызывает у человека разные эмоции, создавая общее ментально-эмоциональное поле. Индивидуальные и групповые духовно-эмоциональные реакции создают тот или иной фон общественной жизни, существенно влияющий на выбор форм индивидуального поведения и здоровье населения.

Рисунок 1 дает общее представление об эволюции индекса синдрома патологии в федеральных округах РФ.

Как видим, индекс синдрома заметно варьирует по федеральным округам страны. Во всех округах, кроме Северо-Кавказского, начиная с 1991 г. отчетливо прослеживается резкое возрастание социального неблагоприятия в разгар гайдаровских «реформ» с максимумами 1993–1995 гг. Диапазон максимумов – шестикратный: от 2,6% (Северо-Кавказский ФО) до 10,5% (Дальневосточный ФО). Минимумы индекса синдрома патологии (дефолт 1998 г.) с последующим подъёмом характерны для всех округов, исключая Северо-Кавказский. Максимумы 2000–2001 гг. сглажены. Кроме того, во всех округах наблюдается плавное снижение силы синдрома после 2001 г.

Траектории индексов по форме близки друг к другу, поэтому высока их взаимная корреляция: наименьшую корреляцию (от 0,69 до 0,86) с другими округами имеет Северо-Кавказский округ, остальные корреляции более 0,9. Тесная взаимосвязь между индексами синдрома свидетельствует о едином характере динамики патологии социальной атмосферы и синхронности её протекания во всех федеральных округах, независимо от географического положения.

На рис. 2 показано поле парных точек «среднее значение, размах» индекса в различных округах. Для сравнения на поле нанесены также точки, соответствующие обеим столицам и среднему по РФ. Среднее значение и размах выполняю качественно разные функции: среднее значение характеризует общий уровень синдрома патологии, а размах – его динамичность.

Статистическая связь между размахом и средним значением индекса нелинейная и математически описывается степенной функцией с очень высоким коэффициентом детерминации $R = 0.97$.

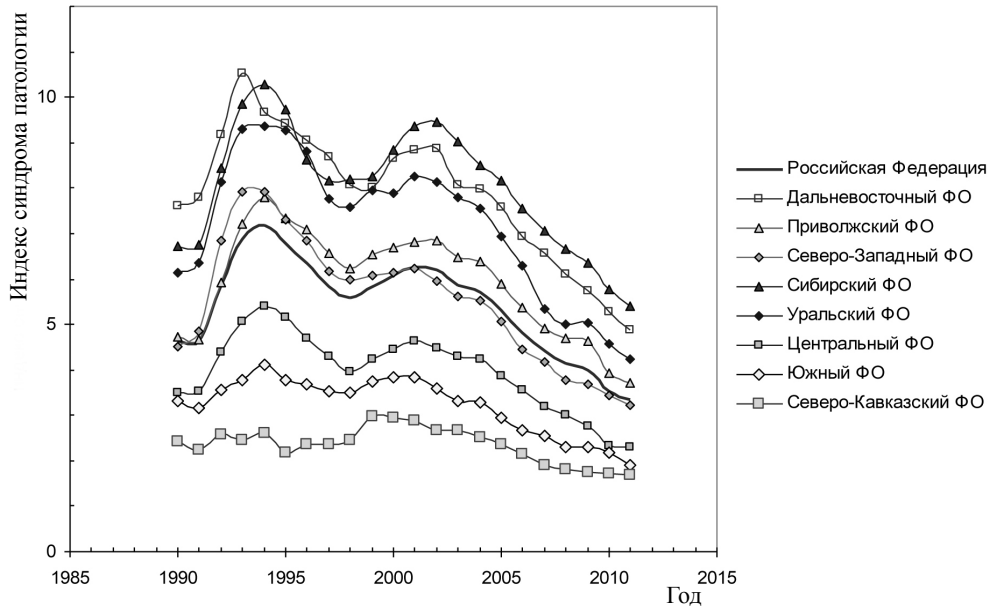

Рис. 1. Динамика индекса синдрома патологии социальной атмосферы в федеральных округах РФ

Рис. 2. Взаимосвязь между средним значением и размахом индекса синдрома патологии

Увеличение девиации индекса синдрома с ростом среднего значения, возможно, свидетельствует о том, что население регионов с более неблагоприятной социальной атмосферой острее реагирует на социально-экономические изменения, происходящие в стране.

На рис. 2 отчетливо прослеживается разделение округов на четыре группы с близкими средними значениями индекса. Формально такое разделение подтверждается результатами кла-

стерного анализа. Менее отчетливо оно выражено визуально (см. рис. 1).

В группу 1, где уровни индекса существенно выше среднероссийского, входят Дальневосточный, Сибирский и Уральский федеральные округа. Второе место, в порядке улучшения ситуации, с несколько меньшими значениями занимают Северо-Западный и Приволжский округа (группа 2). Уровни индекса в них близки к среднему по России. И, наконец, уровни индекса

синдрома, существенно меньше среднероссийского, наблюдаются в Центральном, Южном округах (группа 3) и особенно в Северо-Кавказском округе.

Северо-Кавказский округ занимает особое положение в РФ. На социальную атмосферу в нём события 1990–1994 гг. практически не повлияли, однако война на Кавказе и её последствия вызвали максимум смертности в 1999–2001 гг. Отсюда следует статистически обоснованное наличие диссонанса между уровнями социальной атмосферы в Северо-Кавказском округе и других округах России. В связи с этим он выделен в самостоятельную группу 4.

Построение и анализ зависимостей размаха частных индексов от их среднего значения показал, что все они, как и индекс синдрома, с высокой статистической надёжностью описываются степенными функциями. Коэффициенты детерминации между рассматриваемыми статистиками индексов также существенны: 0,98 – для индекса агрессии, 0,92 – для индекса депрессии и 0,97 – для индекса алкоголизма. Кроме того, имеет место вполне чёткое разделение округов на группы, но с иным, чем у синдрома, составом округов в группах.

Из-за больших осцилляций временных рядов индексов характеризовать их уровень одним только средним значением недостаточно, поскольку одному и тому же среднему могут соответствовать совершенно разные по динамике ряды. Необходим параметр, который бы не только определял уровень индекса одним числом, но и учитывал бы изменчивость наблюдавшихся

данных. При этом он должен выражаться в тех же единицах измерения, что и индекс. Исходя из сказанного, в качестве комплексного показателя патологии социальной атмосферы и её компонентов (агрессии, депрессии, алкоголизма) предлагается следующий статистический параметр:

$$\text{интенсивность} = \sqrt{(\text{среднее})^2 + (\text{размах})^2}.$$

Интенсивность имеет простой геометрический смысл: это длина вектора, соединяющего точку с координатами «среднее значение, размах» индекса с началом координат.

Из данного определения следует, что с ростом девиации индекса увеличивается и численное значение интенсивности. Для значений размахов индексов патологии компонентов, реализовавшихся в анализируемых рядах, «добавка» к среднему значению за счёт динамичности процессов составила от 14% (Северо-Кавказский округ) до 52% (г. Санкт-Петербург).

Результаты расчёта интенсивности индексов в анализируемых субъектах РФ представлены на рис. 3.

Приведённые данные позволяют условно выделить три группы субъектов РФ: агрессивные, депрессивные и алкоголизованные, хотя фактические уровни соответствующих показателей в них достаточно велики. К числу агрессивных были отнесены те субъекты, у которых интенсивность индекса агрессии выше, чем интенсивность индекса депрессии. В противном случае субъект считался депрессивным. Из данных рис. 3 следует, что агрессивными субъектами являются Сибирский и Северо-Кавказский

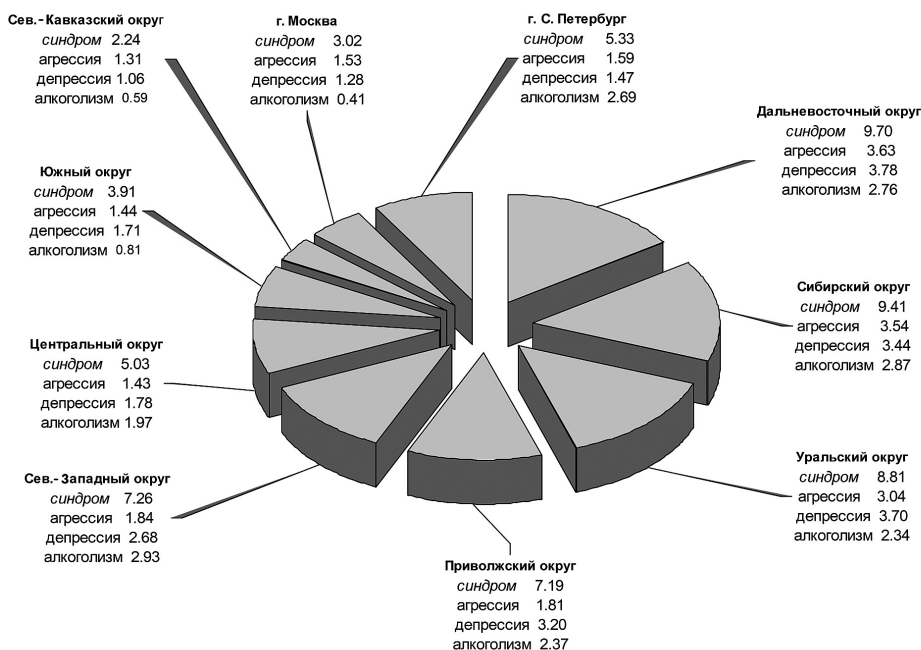

Рис. 3. Интенсивность патологии социальной атмосферы и её компонентов в субъектах РФ

округа, а также г.г. Москва и Санкт-Петербург. Население же большинства регионов и России в целом в рассматриваемый период пребывало в депрессивном состоянии.

Негативная алкогольная ситуация сложилась в шести округах и Санкт-Петербурге: в них соответствующий индекс превышает 2%. Острые отравления алкоголем менее всего распространены в Южном и Северо-Кавказском округах и Москве.

Полученные данные можно интерпретировать следующим образом.

Москва – родоначальница либеральных реформ – подобна гипотетическому «генератору импульса», создающему круговую волну патологии социальной атмосферы (рис. 4).

Благодаря современным средствам коммуникаций эта волна с большой скоростью распространяется по регионам, которые реагируют на сдвиг в системе моральных ценностей в со-

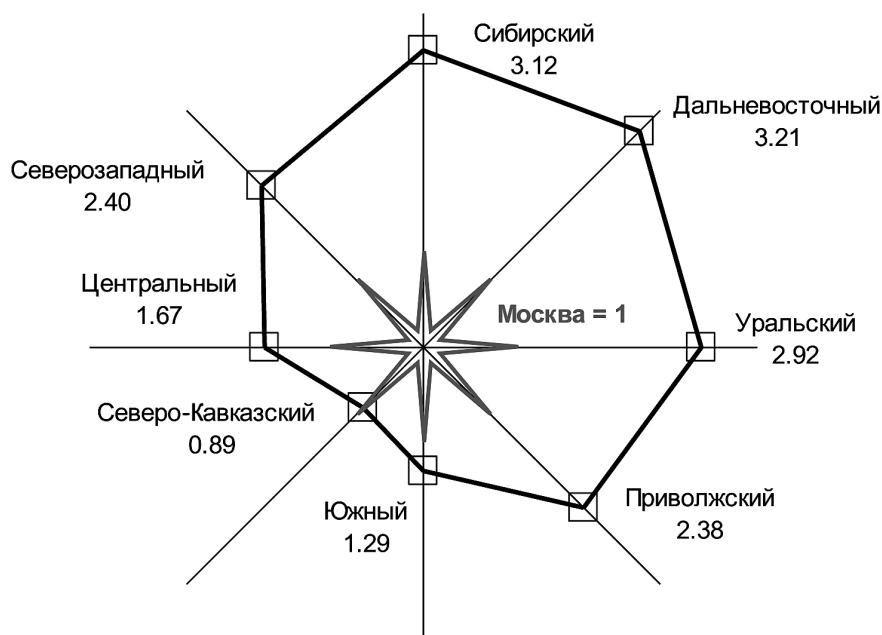

Рис. 4. Распространение патологии социальной атмосферы по федеральным округам РФ

ответствии со сложившейся у их жителей нравственно-эмоциональной обстановкой. По мере удаления округов от центра в западном, северном и восточном направлениях амплитуда волны существенно увеличивается (от 1,3 до 3,0 раз). В наиболее благоприятном положении находится Северо-Кавказский округ: в нём патология даже ниже, чем в Москве.

Неблагоприятную социальную атмосферу в северных и восточных регионах страны можно объяснить, по нашему мнению, ломкой сложившихся социальных связей и отношений. Суровые условия жизни развили в обществе коллективистские и солидарные связи, которые под напором рыночных преобразований и индивидуалистических ценностей стали разрушаться. Принцип «каждый сам за себя» вызывает неприятие, негативную эмоциональную реакцию, приводит к дезориентации социального поведения, находящего выражение в повышенной агрессивности. Кроме того, из-за закрытия промышленных предприятий началась активная внутренняя миграция жителей этих регионов в центральные районы, разрушая привычную повседневную жизнь. Одновременно в Дальний Восток влился большой миграционный поток из Китая, привнося свои

культурные нормы и ценности, трансформирующие сферу повседневной жизни и межличностных отношений.

Что касается Северного Кавказа, то там существуют прочные семейные и клановые «Мы-узлы», устойчивые к социальным переменам, идущим «сверху». В этом регионе в большей степени сохраняется привычный повседневный жизненный уклад, ценность семьи, поддерживающие нормальное социальное самочувствие.

Учитывая все вышеизложенное, приходим к следующим выводам. Динамика процессов, характеризующих патологию социальной атмосферы в Российской Федерации, синхронна во всех её субъектах вне зависимости от расстояния между ними. В то же время количественные оценки интенсивности патологии и её компонентов существенно зависят от географического положения региона. Констатировано наличие двух векторов возрастания неблагополучия социальной атмосферы в России: один из них направлен от центра на северо-запад, другой – от центра на восток. Парадоксально низкой является патология социальной атмосферы в Северо-Кавказском федеральном округе. По нашему мнению, главное объяснение данных процессов

связано с трансформацией привычных социальных связей и отношений, вызванных системой индивидуалистических ценностей. Вместе с тем причины колебания индекса нравственной аномалии общества в различных федеральных округах страны требуют самостоятельного глубокого анализа с учётом всей совокупности социально-экономических, политических и духовных факторов.

Примечания

- ¹ См.: Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения: 12.03.2018).
- ² См.: Аргунова В. Н., Бояринцева С. В. Методика количественного анализа социальной атмосферы // Вестн. НГГУ. Сер. Социальные науки. 2017. № 2 (46). С. 53–57.

Образец для цитирования:

Аргунова В. Н., Бояринцева С. В. Анализ патологии социальной атмосферы в федеральных округах России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 47–52. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-47-52>

Cite this article as:

Argunova V. N., Boyarintseva S. V. The Analysis of Social Atmosphere Pathology in Federal Districts of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 47–52 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-47-52>

УДК 316.332

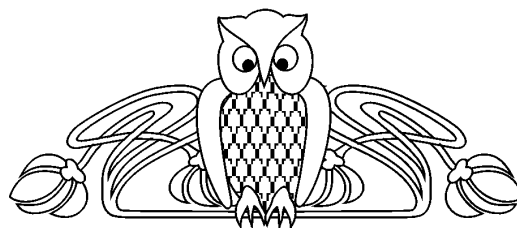
Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска

О. В. Шиняева, О. М. Слепова

Шиняева Ольга Викторовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Политология, социология и связи с общественностью», Ульяновский государственный технический университет, olses@rambler.ru

Слепова Ольга Михайловна, аспирант кафедры «Политология, социология и связи с общественностью», Ульяновский государственный технический университет, slepova15@yandex.ru

Стремительное развитие новых информационных и телекоммуникационных технологий приобретает характер глобальной информационной революции, которая оказывает возрастающее влияние на политику, экономику, управление, финансы, науку, культуру и другие сферы жизнедеятельности общества. Информатизация дает толчок интеграционным процессам в обществе, но в то же время усиливаются процессы поляризации населения. Возникает опасность формирования новой «информационной элиты», а также увеличения определенной страты людей, оказавшихся в маргинальном положении по отношению к информационно-компьютерным технологиям. Цель статьи – определить факторы риска и антириска информационно-цифрового неравенства населения, выявить социальные различия использования информационно-компьютерных технологий. Для реализации цели был использован комплекс материалов: теоретические положения зарубежных и отечественных социологов о сути информационного общества, новых критериях стратификации населения; статистические данные о развитии информационных технологий в российских регионах; результаты авторского социологического исследования. Основные методы обобщения и интерпретации данных: теоретическая интерпретация условий развития информационно-цифрового неравенства, статистический анализ цифровой готовности регионов, факторный анализ итогов опроса. В результате разработана факторная модель информационно-цифрового неравенства населения, в которой описана структура объективных факторов социального и регионального уровней, построена иерархия субъективных детерминант. Определено, что основными факторами риска, способствующими появлению информационно-цифрового неравенства, являются: недостаточно развитая отечественная инфраструктура; высокая стоимость интернет-услуг; слабая мотивация и готовность разных групп населения к использованию информационно-компьютерных технологий. К факторам антириска следует отнести готовность индивидов к освоению компьютерной грамотности, разработка федеральных и региональных программ по формированию компетенций населения в сфере информационных технологий. Установлены закономерности между состоянием ИКТ-инфраструктуры в географических сегментах и степенью освоения компьютерных технологий жителями; между уровнем дохода, образованием, местом проживания семей и характером их информационно-цифровой активности. Предложены новые функции для социальных институтов, традиционно реализующих задачи просвещения: выработка компенсаторных условий,

устраняющих компьютерную неграмотность в основных сферах экономики и домохозяйствах.

Ключевые слова: информационно-цифровое неравенство, объективные и субъективные факторы, социальные различия доступа к ИКТ, информационно-цифровая бедность.

Information Digital Inequality of Population: Risk and Anti-Risk Factors

O. V. Shinyayeva, O. M. Slepova

Olga V. Shinyayeva, <https://orcid.org/0000-0001-7852-7257>, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venetz Str., Ulyanovsk 432027, Russia, olses@rambler.ru

Olga M. Slepova, <https://orcid.org/0000-0002-8167-2970>, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venetz Str., Ulyanovsk 432027, Russia, slepova15@yandex.ru

The rapid development of new information and telecommunications technologies acquires the character a global information revolution exerting an increasing influence on politics, economics, management, finance, science, culture, and other spheres of society. Informatization gives impetus to integration processes in the society but at the same time, the processes of polarization of the population are intensifying. There is a danger of forming a new «information elite» as well as an increase in a certain stratum of people who are marginalized in relation to computer communication technologies. The purpose of the article is to identify risk and anti-risk factors of information and digital inequality of the population, to reveal social differences in the use of information and computer technologies. To do this, theoretical approaches of foreign and domestic sociologists on the essence of the information society, new criteria for stratification of the population, statistical data on the development of information technologies in Russian regions were used as well as the results of the author's sociological research. The basic methods of data generalization and interpretation: theoretical interpretation of the conditions for the development of information and digital inequality, statistical analysis of digital readiness of regions, factor analysis of survey results were implemented. As a result, the factor model of information digital inequality of the population is developed, in which the structure of objective factors of societal and regional levels is described, and hierarchy of subjective determinants is constructed. The main risk factors, contributing to the emergence of information digital inequality, are the following: insufficiently developed domestic infrastructure, high cost of internet services, weak motivation and readiness of various groups of the population to use information and computer technologies. The antirisk factors include: the willingness of individuals to learn computer literacy, the development of federal and regional programs to build the competencies of the population in the field of information technology. In conclusion, the regularities between the state of the ICT infrastructure in geographical segments and the degree of development of computer technologies by residents;

between the level of income, education, places of families' residences and the nature of their information and digital activities are established. The new functions for social institutions that traditionally realize the tasks of education: the development of compensatory conditions that eliminate computer illiteracy in the main sectors of the economy and households are proposed.

Keywords: information digital inequality, objective and subjective factors, social differences in access to ICT, information and digital backwardness.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61>

Актуальность исследования факторов риска информационно-цифрового неравенства в российском обществе обусловлена целым рядом причин. Во-первых, к концу второго десятилетия XXI в. россияне оказались в ситуации, когда информационно-цифровая активность и компетентность из элементов экономической деятельности превратились в важный критерий стратификации российского общества. Эта проблема не изучена как одна из главных составляющих риска для современного общества, причина конфликтов между различными социально-профессиональными группами, территориальными сегментами. Риск нового неравенства не изучен как проблема, имеющая значение для дезинтеграции усилий властных структур и социальных институтов¹.

Во-вторых, стремительное развитие цифровых и телекоммуникационных технологий приобретает характер глобальной информационной революции, которая оказывает возрастающее влияние на политику, экономику, управление, финансы, науку, культуру и другие сферы жизнедеятельности общества. Информатизация дает толчок технологическим процессам в национальном и международном масштабах, которые создают условия для формирования «информационной элиты» – определенной страты людей, владеющих специальными компетенциями и определяющих правила доступа к ним. Требуется тщательный анализ факторов, способствующих преодолению элитарности компьютерной грамотности и формированию ИКТ-компетенций в различных социальных сегментах.

В-третьих, в современной России процесс формирования информационно-цифрового неравенства накладывается на условия «крутой ломки институциональной системы общества, вытеснения норм и ценностей, существовавших на протяжении жизни нескольких поколений»². Реформирование в последние десятилетия проводилось без учета адресной социальной поддержки, что привело к деформации практик социально-профессиональной адаптации населения. Обращение к сформулированной проблеме позволит рассмотреть информационно-цифровое неравенство в комплексе с другими видами социальной стратификации, которые вызваны социально-экономическими, социокультурными, региональными факторами.

Цель данной статьи – определить факторы риска и антириска информационно-цифрового неравенства населения, выявить социальные различия использования информационно-компьютерных технологий.

Научная новизна исследования связана с применением социологического подхода к изучению нового вида неравенства. До сих пор доступность информационно-компьютерных технологий (ИКТ) и шансы в этой сфере разных социальных групп рассматривались в контексте технократического и экономического подходов. Применение социологического подхода позволит выявить факторы новой стратификационной системы, описать структуру объективных факторов макро- и мезоуровней, а также иерархию субъективных детерминант. Новизна связана также с попыткой установления закономерности между состоянием ИКТ-инфраструктуры в конкретных географических сегментах и степенью освоения компьютерных технологий жителями; между уровнем дохода, образованием и характером информационно-цифровой активности представителей выделенных сегментов.

По сравнению с экономическим, политическим и образовательным неравенством, *информационно-цифровой критерий социального неравенства* является относительно новым в научной литературе. В общем представлении термин «информационно-цифровое неравенство» описывает ситуацию нарастания различий в обществе между теми социальными группами, которые имеют доступ к современным цифровым технологиям коммуникации (прежде всего к Интернету), и теми, которые такой возможности не имеют. Новое неравенство тесно связано со способом организации общества, определяется динамикой внедрения цифровых технологий в различные сферы. К этому следует добавить преобразования цивилизационного характера, связанные с распространением информационных технологий в повседневной жизни населения (интернет-вещи, онлайн услуги, коммуникации в социальных сетях).

Исследование факторов информационно-цифрового неравенства требует учета результатов разных социологических отраслей (социологии профессиональных групп, экономической социологии, социологии инноваций и структурных изменений) и опоры на социологические теории устройства информационного общества. Проблему информационного общества впервые начал исследовать Н. Винер, американский математик и философ. Он еще в 1940-х гг. предсказал информационный раскол общества, который связывал с «потенциалами добра и зла», актуальными в наше время: компьютеры и безопасность, компьютеры и безработица, компьютеры и виртуальные сообщества, дистанционное управление, этические вопросы создания роботов, искусственный интеллект и информационное

неравенство. В попытке решить эти проблемы Винер определил «принципы справедливости», которым должно следовать общество. По его словам, «цель человека – процветать как вид информационно обрабатывающего организма»³. Для процветания человечества необходимо, чтобы грамотно внедрялись информационные технологии, значение и результаты которых могут оказать неоднозначное влияние на развитие общества.

М. Кастельс, описывая новые явления информационного общества, отметил, что «свободный обмен информацией будет способствовать преодолению нищеты и неравенства»⁴. Но «информационный рай» примет не всех; те, кто лишен знаний для такого обмена, начнут испытывать значительные экономические трудности. Такую взаимосвязь информационной доступности и экономики ученый назвал «информационной экономикой»: подключаясь к ней, люди получают дополнительную ценность, а будучи вне ее, теряют шансы обрести преимущества. Кастельс описал способ социального развития, который напрямую связан с цифровыми технологиями, – информационализм; при таком способе развития генераторы производительности – это производство, обработка информации, символическая коммуникация; знание и информация становятся двигателями прогресса.

Э. Харгитай, анализируя структуру информационного общества, отмечает, что деление граждан на «пользователей» и «не-пользователей» применимо как аналитический инструмент только на ранних этапах распространения информационно-компьютерных коммуникаций. В связи с этим ученый предложила два типа цифрового неравенства: неравенство первого порядка (first-order digital divide) – неравные шансы в доступе и пользовании; неравенство второго порядка (second-order digital divide) – различия в специфике использования Интернета, которые актуализируются на более поздних стадиях интернетизации⁵. Э. Харгитай в определении информационно-цифрового неравенства выделила пять характеристик для разделения населения: наличие технических средств, автономность доступа к мобильным устройствам, навыки пользования информационными технологиями, наличие социальной поддержки в освоении информационных технологий, личная мотивация использования информационных технологий.

Построение цифровой экономики и технологической инфраструктуры для интернетизации всех сфер жизни в России способствовало появлению отечественных исследований социальных последствий этого процесса. Л. И. Щербакова выявила две формы цифрового неравенства: «воспроизводственное неравенство» и «динамичное неравенство». «Для первой формы цифрового неравенства характерно проецирование на уже существующее неравенство: социаль-

ное, имущественное, межрегиональное. Вторая форма появляется в период углубления информационного разрыва параллельно с активной политикой по его сокращению»⁶. По мнению исследователя, информационно-цифровое неравенство усугубляется парадоксальным культурным противоречием: с одной стороны, индивид находится на пересечении множества информационных потоков; с другой стороны, он может не иметь доступа к новым каналам коммуникации, а значит, и к большим объемам информации.

Д. В. Пименова в своей работе «Информационное неравенство в современном российском обществе: социально-территориальный аспект» характеризует «цифровое расслоение» как различие в доступе к современным информационным технологиям для разных социальных слоев и групп. Она отмечает, что понятие «цифровое неравенство» является более узким, чем «информационное неравенство», поскольку первое отражает неравномерность развития лишь одного компонента информационного пространства – цифровой инфраструктуры. Автор фиксирует взаимосвязь между информационным неравенством и информационным пространством. «Информационное неравенство складывается и проявляется соответственно уровням информационного пространства. На макроуровне информационное неравенство выражается в неравенстве уровня информатизации стран и территорий. Мезоуровень информационного неравенства – это различия в уровне использования информационных технологий в организациях, городе и селе... Микроуровень – это информационное неравенство, существующее между индивидами»⁷.

Для интегральной оценки уровня развития информационно-цифрового пространства автор вводит индикатор состояния информационно-цифрового пространства. Данный индикатор включает следующие показатели: компьютерная оснащенность региона, информационная, экономическая, социальная инфраструктура.

По мнению К. И. Кузнецовой, основным препятствием на пути повсеместного использования информационных технологий широкими слоями и группами в России является плохо развитая отечественная телекоммуникационная инфраструктура⁸. В то время как многие страны при передаче информации перешли на использование оптоволоконных кабелей или спутниковых каналов, в России основной физической средой передачи данных остается телефонный кабель, качественные параметры которого в несколько раз ниже. Отсутствие отечественных производителей вычислительной техники и связанная с этим высокая цена на современные компьютеры, цифровые устройства, относительно высокая стоимость услуг интернет-провайдеров – условия, которые К. И. Кузнецова также относит к факторам риска объективного характера.

Недостаточное регулирование федеральными и региональными органами управления ценовой политики информационных технологий в Российской Федерации, отсутствие законодательной базы в данной области снижают эффективность осуществления государственной программы информатизации регионов России.

К перечисленным факторам следует добавить существенные различия в развитии материальной базы ИКТ в центре России и на периферии. Мы провели анализ статистических данных оснащения регионов России компьютерами и компьютерными технологиями. Для жителей отдаленных территорий их место проживания во многом предопределяет довольно низкие воз-

можности в сфере информатизации⁹. По уровню развития информационных и коммуникационных технологий среди регионов РФ на последнем месте находится Республика Дагестан – затраты предприятий и организация на ИКТ составляют всего 380 руб. в год на одного работника; объем инновационной продукции – 108,5 млн руб. Немного лучше ситуация в Чеченской Республике: затраты на ИКТ – 820 руб., объем инновационной продукции – 70,7 млн руб. (табл. 1). Затраты на внедрение ИКТ в Центральном федеральном округе почти в 2 раза выше, чем в Сибирском и Приволжском округах; почти в 3 раза выше, чем в Южном округе и почти в 8 раз выше затрат в Северо-Кавказском федеральном округе.

Таблица 1

Показатели развития ИКТ в округах и регионах РФ¹⁰

Округ, регион	Затраты на ИКТ на одного работника (тыс. руб.)	Число ПК на 100 работников (шт.)	
		всего	в т.ч. с доступом к Интернету
РФ	8,9	39	21
СКФО	1,72	33	15
ЮФО	4,84	37	18
ПФО	5,87	35	17
СФО	7,28	37	20
ДФО	8,11	39	19
УФО	10,83	37	18
СЗФО	11,86	43	22
ЦФО	13,09	45	26
Республика Дагестан	0,38	27	11
Чеченская Республика	0,82	25	10
Томская область	13,5	49	33
Красноярский край	13,76	40	21
Тюменская область	16,64	37	18
Ханты-Мансийский АО	18,13	36	17
г. Санкт-Петербург	21,25	50	29
Ямало-Ненецкий АО	27,64	30	14
г. Москва	28,41	66	43

Показателем «цифровой готовности» служит индекс информационного развития регионов. Методология построения индекса основывается на показателях, которые характеризуют три фактора цифрового развития (человеческий капитал, ИКТ-инфраструктура, экономическая среда), и показателей использования информационных технологий в шести сферах деятельности (государственное и муниципальное управление, бизнес, здравоохранение, образование, культура, использование ИКТ домохозяйствами и населением)¹¹.

Индекс позволяет оценить текущее состояние, выявляя при этом наиболее проблемные зоны в информатизации субъектов РФ. Индекс готовности регионов в разных федеральных округах значительно различается (табл. 2): значе-

ние индекса в Северо-Западном и Центральном федеральных округах составляет около 0,43, что соответствует среднему уровню; в Северо-Кавказском округе – всего 0,28 (низкий уровень).

Выявлена прямая зависимость между значением индекса информационного развития регионов и уровнем валового регионального продукта на душу населения (ВРП). В федеральных округах, где ВРП на душу населения больше, выше степень развития информационно-цифровой инфраструктуры. Серьезная проблема с информационной инфраструктурой зафиксирована в регионах Северо-Кавказского, Сибирского федеральных округов.

Невысокая степень мотивационной готовности разных групп населения к использованию

Таблица 2

Индекс готовности округов России к информационному обществу¹²

Федеральный округ РФ	Значение индекса	ВРП на душу населения, руб.
Северо-Западный	0,432	345 301,2
Центральный	0,429	420 102,4
Уральский	0,392	517 533,6
Дальневосточный	0,368	401 695,6
Приволжский	0,357	234 121,9
Сибирский	0,355	249 039,0
Южный	0,339	197 948,2
Северо-Кавказский	0,283	112 491,6

компьютерных технологий приводит к недооценке процесса информатизации. Низкий уровень компьютерной грамотности не позволяет обеспечить высокие темпы внедрения ИКТ в различные отрасли экономики и повседневную жизнь социальных групп. Немаловажным фактором, усугубляющим информационно-цифровое неравенство, является проблема языкового барьера, а именно противоречие между относительно высоким объемом программного обеспечения и сетевых ресурсов на английском языке и сравнительно небольшим числом людей, хорошо владеющих этим языком.

По опубликованным статистическим данным, средний показатель российских домохозяйств, имеющих доступ в Интернет, ниже соответствующего показателя европейских государств. Чтобы проверить эту ситуацию, а также выявить факторы, влияющие на информационно-цифровое неравенство в текущей жизни, мы провели собственное социологическое исследование «Информационно-цифровая активность жителей региона» (выборка – 1250 жителей городов и сельских поселений Ульяновской области в возрасте от 18 лет и старше).

Как показало исследование, приоритетным

источником информации для всех категорий населения в современных условиях является Интернет. Но использование интернет-технологий для получения информации различается в социальных сегментах: чем выше уровень дохода семьи, тем разнообразнее арсенал источников информации; наиболее разнообразный перечень источников наблюдается в семьях со средним уровнем дохода: активное использование Интернета (83%) дополняется традиционными СМИ (48%), а также домашней и публичной библиотеками (45%). Среди типов поселений наибольшим разнообразием источников информации отличается крупный город; а Интернет в качестве основного и часто единственного средства информации использует большинство жителей средних и малых городов (81%). В поселках и селах наблюдается самая низкая приверженность Интернету в получении информации (68%); при этом – более высокая востребованность публичных библиотек и СМИ (табл. 3). Информационно-цифровая активность в разных возрастных когортах также имеет свои особенности: парадокс состоит в том, что Интернет как источник информации в разных сферах более популярен у жителей среднего возраста (36–55 лет; 85%).

Таблица 3

Предпочтения населения в источниках информации, % от числа опрошенных

Какими источниками информации Вы пользуетесь?	Всего	Возраст			Экон. статус семьи					Место проживания		
		18–35	36–55	От 56	Бедные	Малобеспеченные	Средние	Выше среднего	Состоятельные	Крупный город	Средний, малый город	Поселок, село
Книжный магазин	18	19	19	17	1	16	21	17	39	24	13	9
Гос. телеканалы	46	37	55	45	41	56	41	40	44	49	48	31
Частные телеканалы	12	18	9	6	12	2	7	32	30	15	7	9
Публичная библиотека	37	31	31	50	25	36	43	30	33	35	38	45
Домашняя библиотека	34	25	33	44	30	31	45	16	19	37	24	35
Журналы, газеты	44	37	46	47	45	38	49	35	53	46	38	41
Радио	21	17	24	20	11	20	20	27	28	23	19	14
Интернет	77	77	85	63	54	79	83	77	64	76	81	68

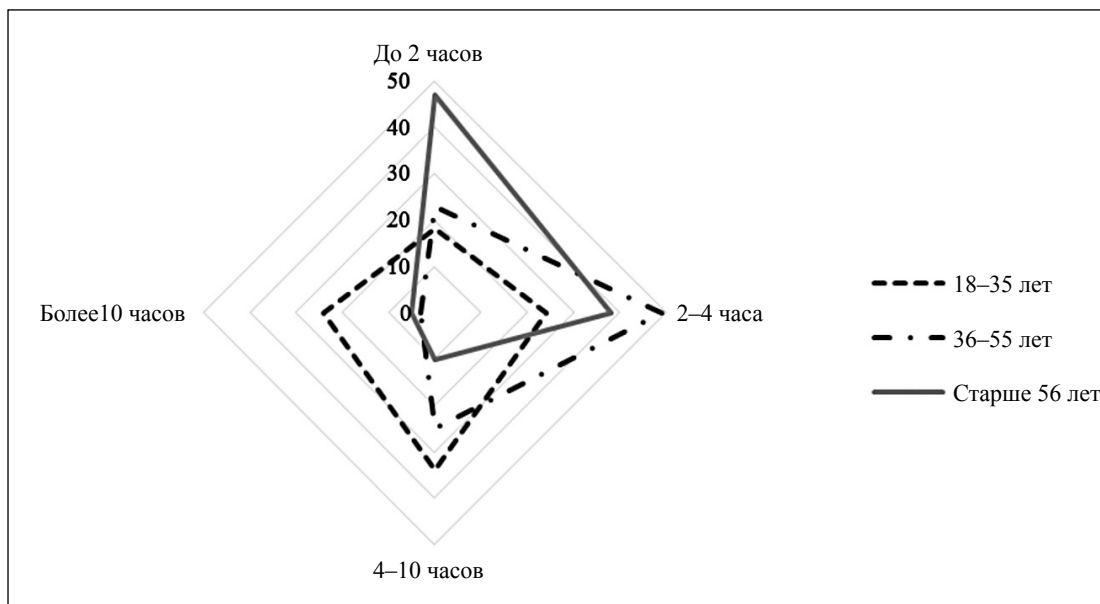
Возраст влияет на ежедневную цифровую активность населения: чем моложе человек, тем больше он «сидит» в Интернете (рисунок), но чаще не с целью получения новой информации, а для удовлетворения потребностей в коммуникации. Молодое поколение не расстается с мобильными устройствами и большую часть времени проводит в Сети: 34% населения от 18 до 35 лет тратят на Интернет 6–10 часов ежедневно. Жители 40–55 лет, как правило, используют Интернет от 2 до 4 часов в день; каждый второй житель старше 56 лет – до 2 часов. Полученные результаты подтверждают разный характер использования Интернета как по длительности, так и по реализуемым потребностям.

Главными устройствами, при помощи которых жители выходят в Интернет, являются мобильное устройство (в основном телефон, электронная книга и др.) – 65%; компьютеры (настольный – 57% и мобильный – 51%); теле-

визор (43%) (табл. 4). В век информационных технологий устройств для выхода в Сеть становится все больше, и жители активнее начинают ими пользоваться. Неудивителен тот факт, что на первое место вышли мобильные телефоны, так как именно с их помощью обеспечивается постоянный доступ во Всемирную паутину.

По сравнению с 2016 г., доля населения, выходящего в Интернет с мобильных устройств, увеличилась на четверть: 39% в 2016 г. и 65% в 2018 г. Данная тенденция обеспечена резким увеличением устройств с доступом в Интернет; особенно заметно увеличилась доля телевизоров (примерно на 40%). С каждым годом все предпочтительнее становится просмотр фильмов дома, на большом экране, а не в кинотеатре.

В ходе опроса нами выявлена следующая зависимость: чем выше уровень образования, тем меньше в семье доля стационарных компьютеров и больше различных мобильных устройств

Ежедневная интернет-активность в зависимости от возраста населения, % от числа опрошенных

Наличие в семье устройств доступа к Интернету, % от числа опрошенных

Таблица 4

Какие из следующих мобильных устройств для доступа к сети Интернет у Вас имеются?	Всего	Экон. статус семьи					Уров. образования			Место проживания		
		Бедные	Малообеспеченные	Средние	Выше среднего	Состоятельные	Начальное проф.	Среднее проф.	Высшее	Крупный город	Средний, малый город	Поселок, село
Настольный компьютер	57	59	61	62	25	54	60	57	53	58	58	51
Мобильный компьютер	51	64	43	38	56	90	45	46	63	56	45	44
Планшет	36	30	30	33	35	69	39	24	47	39	34	31
Мобильное устройство телефон	65	77	58	65	53	80	59	65	72	72	58	57
Игровая приставка	7	7	4	3	6	21	6	5	9	6	5	10
Телевизор	43	26	41	59	31	45	56	30	44	43	52	32
Ничего	2	8	2	0	0	0	3	2	0	1	4	2

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому их сумма превышает 100%.

(ноутбуков, телефонов и электронных книг). Это связано с тем, что при повышении уровня образования увеличивается количество работ, выполняемых дистанционно и регулярно, не только на рабочем месте. Жители с начальным профессиональным образованием используют компьютер с выходом в Интернет больше для личных целей, а не для работы.

Аналогично обстоит дело с экономическим статусом семьи как фактором информационно-цифровой активности: чем выше уровень дохода, тем больше в семье средств выхода в Интернет. Наиболее предпочтительными устройствами для этого являются ноутбуки и нетбуки. Телевизор с доступом в Сеть чаще используется в семьях со средним доходом. Наиболее значимыми факторами, оказывающими влияние на наличие средств выхода в Интернет, являются экономический статус семьи, уровень образования и компьютерной грамотности.

Как часто население пользуется Интернетом? Две трети взрослого населения делают это каждый день (табл. 5); в 2016 г. данная доля составляла чуть более половины взрослого населения (55%).

В первую очередь, на этот показатель влияет уровень компьютерной грамотности: чем он

выше, тем чаще востребован Интернет. Жители используют Интернет в основном для общения в социальных сетях (59%). Это характерно для всех категорий жителей, кроме ИТ-специалистов и состоятельных семей. Последнее обусловлено тем, что с появлением мессенджеров активные пользователи переключились на них, приложения более удобны для работы и личных коммуникаций.

Одновременно старшее поколение стало активнее использовать для общения Скайп. Это обусловлено желанием старшего поколения общаться со своими детьми и внуками, которые проживают в другом городе или же просто редко навещают своих родных. Весь спектр «базовых услуг» в интернет-пространстве (обмен письмами, общение в социальных сетях, онлайн-платежи, заказ билетов, продуктов, такси) используют лишь 13% от общего числа опрошенных. Чаще других данный показатель характерен для жителей с высоким (продвинутым) уровнем компьютерной грамотности, но даже в этом сегменте – это лишь каждый второй (49%) (табл. 6).

Владение основными информационно-компьютерными услугами «базового уровня» означает выход из сегмента «цифровой бедности». «Цифровыми бедными», по данным опроса, яв-

Таблица 5

Частота использования Интернета в жизни населения региона, % от числа опрошенных

Как часто Вы пользуетесь сетью Интернет (дома, на работе, в другом месте)?	Всего	Уровень компьютерной грамотности				Возраст		
		Очень низкий	Начальный	Средний	Продвинутый	18–35 лет	36–55 лет	От 56 лет
Каждый день или почти каждый день	68	14	56	78	85	84	63	55
Несколько раз в неделю	17	3	35	14	15	10	23	21
Несколько раз в месяц	9	31	7	8	0	6	10	11
1 раз в месяц или менее	3	16	1	0	0	0	1	7
Не пользуюсь	3	36	1	0	0	1	3	6

Таблица 6

Базовый уровень информационно-цифровой активности, % от числа опрошенных

Как Вы используете Интернет?	Всего	Возраст			Уровень компьютерной грамотности			
		18–35	36–55	От 56 лет	Очень низкий	Начальный	Средний	Продвинутый
Интернет-платежи за услуги, квартплату	43	45	48	31	0	37	43	64
Покупка в интернет-магазинах	39	49	40	19	2	33	40	60
Общение в социальных сетях	59	55	57	60	49	52	68	42
Заказ билетов	22	29	23	10	0	18	22	56
Заказ продуктов, такси через мобильные приложения	20	30	20	7	0	14	17	50
Обмен письмами по электронной почте	39	54	46	27	3	28	42	58
Просмотр видео, скачивание	51	55	50	46	40	50	51	51
Все из перечисленного	13	23	7	4	6	10	14	49
Средний уровень активности	39	45	41	29	13	33	40	54

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому их сумма превышает 100%.

ляются около 60%. Чаще других в группе риска находятся жители старше 56 лет (71%), а также жители с низким уровнем компьютерной грамотности (87%) и с начальным профессиональным образованием (72%). Кроме образования и компьютерной компетентности важным фактором информационно-цифрового неравенства является уровень дохода семьи: в малообеспеченных семьях статусу «цифровые бедные» соответствуют две трети (66%); в состоятельных семьях – около трети (37%).

Проблеме информационного неравенства уделяют внимание различные социальные институты и организации. Национальный комитет по информационным технологиям выступил с инициативой расширить число интернет-пользователей за счет пенсионеров путем снижения стоимости услуг и реализации проекта «Общественное достояние». Проблемой озадачены и производители цифровых услуг – региональные ИТ-сообщества и компании. Они считают, что вопрос решается развитием «облачных» сервисов, которые дадут возможность консолидировать ресурсы. Однако полученные нами данные свидетельствуют о том, что проблему информационно-цифрового неравенства не решить указаниями сверху. Оно активно функционирует и воспроизводится на микроуровне: в ежедневных практиках общения между индивидами; решении проблем граждан в сферах образования, здравоохранения, культуры, бизнеса.

Инновационный кластер Ульяновской области вошел в список российских территорий опережающего инновационного развития, выделенных Правительством РФ для дальнейшей поддержки. Однако создается впечатление, что для значительной части населения участие в региональных проектах «Умный регион», «Умный дом», «Сетевой город. Образование», «Региональная медицинская информационная система», «Электронное правительство», «Открытая наука» является далекой перспективой, не востребованной практикой. Наблюдаются реальное расслоение населения по степени освоения информационно-цифрового пространства и развитие такого феномена, как «цифровая бедность»; данные явления тормозят внедрение информационно-компьютерных технологий в конкретных территориальных границах.

Итак, анализ научных положений и результатов авторского исследования позволил выявить следующие *факторы риска* в становлении нового вида неравенства: отсутствие гибкой ценовой политики в сфере доступа к цифровым услугам; слабая реализация федеральных и региональных программ компьютерной грамотности в конкретных социально-демографических сегментах; невысокий интерес граждан к ИКТ и потребность в создании новых инструментов коммуникаций; низкий уровень владения компьютерными компетенциями и мотивации к их развитию.

Новизна и значимость зафиксированного состояния связана с необходимостью создания механизма перехода России к информационному обществу, преодоления ситуации, наблюдаемой в настоящее время, – цифровое неравенство воспроизводит само себя и усугубляет экономические, образовательные, территориальные формы неравенства. Обозначенную тенденцию подтвердили результаты эмпирического анализа материалов, собранных в ходе исследования.

Преодоление информационного неравенства остро необходимо и возможно посредством просвещения, обучения и стимулирования социальных групп, повышения личной мотивационной готовности индивидов к самообразованию и освоению онлайн-пространства. В новых условиях социальные институты, традиционно выполняющие функции просвещения, должны взять на себя задачу формирования новой информационной культуры и выработки компенсаторных условий, усиливающих *факторы антириска* путем ликвидации компьютерной неграмотности и пассивности. К таким социальным институтам относятся институты основного и дополнительного образования, публичных библиотек, средств массовых коммуникаций.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-411-730009 «Информационно-цифровое неравенство и способы его преодоления в регионе»).

Примечание

- 1 См.: Никулина Н. Ю., Гудакова Е. В. Риски современного информационного общества // Молодой ученый. 2015. № 1. С. 361–363.
- 2 Беляева Л. А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социс. 2001. № 6. С. 45.
- 3 Манжуева О. М. Информационная этика Норберта Винера // Вестн. БГУ. 2013. № 6. С. 23.
- 4 Castells M. Information Age : Economy, Society and Culture : in 3 vols. Oxford : Blackwell Publishers, 1996–1998. Vol. 1. P. 32
- 5 См.: Hargittai E. Second-Level Digital Divide : Mapping Differences in People's Online Skills // First Monday. 2002. Vol. 7, № 4. URL: <https://www.learntechlib.org/p/95767/> (дата обращения: 25.11.2018).
- 6 Щербакова Л. Н. Социальное неравенство как препятствие на пути становления информационного общества // Вестн. ВУиТ. 2013. № 2 (28). С. 178.
- 7 Игнатов В. С., Пименова Д. В. Информационное пространство. Структура и функции // Изв. вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-prostranstvo-struktura-i-funktsii> (дата обращения: 24.11.2018).
- 8 См.: Кузнецова К. И. Цифровое неравенство как сложный и динамичный феномен // Новые контуры соци-

альной реальности : материалы междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2017. С. 181.

под ред. Т. В. Ершовой, Ю. Е. Хохлова, С. Б. Шапошника. М., 2015. С. 42.

- ⁹ См.: Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2013–2014 гг. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации /

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 43.

Образец для цитирования:

Шиняева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61>

Cite this article as:

Shinyayeva O. V., Slepova O. M. Information Digital Inequality of Population: Risk and Anti-Risk Factors. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 53–61 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61>

УДК 283/289–316.6

Социальный портрет дагестанских протестантов (по результатам социологического исследования)

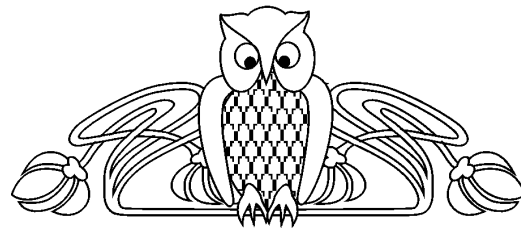
О. Б. Халидова, М. М. Шахбанова

Халидова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Новой и Новейшей истории Дагестана, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, o.khalidova2011@mail.ru

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социологии, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, madina2405@mail.ru

Одним из ярких проявлений религиозной составляющей постсоветского времени в России стало так называемое *евангельское пробуждение*, идеологами которого стали последователи протестантов. Усиление позиций протестантизма на постсоветском пространстве ярко обнаружило себя и в религиозно-общественной жизни национальных регионов Российской Федерации, в частности в Республике Дагестан. Последовавший кризис постсоветского общества спровоцировал «наплыв» западных миссионеров с целью создания здесь устойчивых общин. «Вторжение» проповедников «слова о Христе» в поликонфессиональное пространство дагестанского общества, где ислам на протяжении многих веков оставался единственно «правильной» религией для коренных народностей с четкими укоренившимися в обществе установками и правилами, было воспринято неоднозначно, если не сказать негативно. В настоящей статье раскрывается социальный портрет протестанта в современном дагестанском обществе, его социально-демографическая специфика. Социологическое измерение религиозного самочувствия последователей протестантских общин показывает их приверженность к прозелитической и миссионерской деятельности, ориентированность на распространение своего вероучения среди носителей иного. Результаты исследования демонстрируют позитивную оценку дагестанскими протестантами прозелитизма с мотивацией его ненасильственного, мирного и добровольного распространения, неприятие агрессии при одновременном игнорировании возможности обострения межрелигиозных и межнациональных отношений (52,4%). Установлено, что миссионерский и социальный успех протестантского вероучения сделал его последователей частью религиозного общества постсоветского дагестанского общества при одновременном существовании в массовом сознании дагестанцев их негативного восприятия, которым чуждо восточное православное сознание. Выявлено, что опрошенные имеют различные точки зрения на распространение своего вероучения среди исповедующих другие религиозные учения, а также механизмы его использования. С одной стороны, провозглашение принципов свободы выбора того или иного религиозного мировоззрения, с другой, установка на подчеркивание исключительности своего вероучения с мотивацией его «совершенности и правильности» дает нам право сделать вывод о противоречивости в суждениях респондентов.

Ключевые слова: Дагестан, веротерпимость, миссионерская деятельность, религия, протестанты, протестантские общины, прозелитизм.

Social Portrait of Dagestan Protestants (By the Results of Sociological Research)

O. B. Khalidova, M. M. Shakhbanova

Olga B. Khalidova, <https://orcid.org/0000-0002-3454-9427>, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of RAS, 75 Yaragskogo Str., Makhachkala 367030, Russia, o.khalidova2011@mail.ru

Madina M. Shakhbanova, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of RAS, 75 Yaragskogo Str., Makhachkala 367030, Russia, madina2405@mail.ru

The so-called «evangelical awakening» was one of the brightest manifestations of the religious component of the post-Soviet period in Russia. The followers of Protestantism were ideologists of this phenomenon. Strengthening the position of Protestantism in the post-Soviet space clearly revealed itself in the religious and social life of the Russian Federation national regions, particularly in the Republic of Dagestan. The subsequent crisis of the post-Soviet society provoked an «invasion» of Western missionaries. Their purpose was to create sustainable communities. The «invasion» of the preachers «words about Christ» in the poly-confessional space of the Dagestan society was perceived ambiguously, if not negatively. Islam was practiced in this region for many centuries and remained the only «correct» religion with clearly established social attitudes and rules for indigenous people. The social portraits of Protestants in modern Dagestan society and their socio-demographic specifics are revealed in this article. Their adherence to proselytism and missionary activities and focus on the distribution of their religious beliefs among different carriers by sociological dimension of religious well-being followers of Protestant communities are demonstrated. The results of research showed a positive evaluation of proselytism by Dagestan Protestants with the motivation of its non-violent, peaceful and voluntary dissemination, opposition to aggression, ignoring the possibility of aggravation of inter-religious and inter-ethnic relations. It was found that the followers of Protestantism began to be a part of the religious community of post-Soviet Dagestan society by means of missionary and social success of Protestantism with simultaneous existence of negative perception of Eastern Orthodox consciousness as an alien concept. It is revealed that the respondents have different points of view on the propagation of their doctrine among other religious teachings, as well as the mechanisms for using it. On the one hand, declaring the principles of a particular religion free choice are presented, on the other hand, emphasizing the exclusiveness of one's doctrine with the motivation for its «perfection and correctness» gives the right to conclude that respondents are contradictory in their judgments.

Keywords: Dagestan, tolerance, missionary activity, religion, Protestants, Protestant communities, proselytism.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-62-67>

Кардинальное изменение роли религии и религиозных объединений в жизни общества является одним из проявлений трансформации российского общества в постсоветский период. Наблюдающееся усиление значимости конфессионального фактора, проникновение его во все социальные сферы, стремление высших духовных лиц поставить под свой контроль сферу образования и т. д. вызывают неприятие в современном обществе по целому ряду причин, среди которых следует отметить утрату накопленного в прежние годы, во-первых, принципов веротерпимости, во-вторых, толерантности к инакомыслящим.

Подобного рода преобразования не прошли бесследно и в религиозной составляющей нашего общества, что нашло отражение в росте количества самоидентифицирующихся как верующие, увеличение численности религиозных объединений. Все это позволило им не только активизировать свою деятельность в обществе, но и стать важным элементом социальной структуры российского общества. На данный факт совершенно справедливо указывают отечественные исследователи, отмечающие, что «показатели религиозной ситуации за последние десятилетия демонстрируют нам высокий уровень религиозной самоидентификации россиян»¹.

В ситуации роста количества религиозных организаций и значимости религии в современном российском обществе частью религиозной картины, впрочем, как и гражданской жизни, общественно-политических дискуссий становятся не только последователи авраамических религий (ислама и православия), но и представители различных направлений протестантизма. Динамика роста последних в России с 1990 по 2015 г. показывает нам увеличение в 3,5 раза: с 1455 по 4053².

Стремительный рост протестантских общин в современном обществе постсоветского пространства, а также появление новых (нетрадиционных) религиозных течений определило тем самым повышенный интерес к ним.

Усиление позиций протестантизма на постсоветском пространстве ярко проявилось и в религиозно-общественной жизни российских регионов, в том числе и в Республике Дагестан, где ислам на протяжении многих веков оставался единственно «правильной» религией для этнических дагестанцев с четко укоренившимися в обществе религиозными установками и правилами. Возможно, подобное можно объяснить с позиций присущего протестантам космополитизма. Как и остальные мировые и национальные вероучения, он не признает вероисповедных, религиозно-национальных или каких-либо иных ограничений для миссионерской деятельности.

Индивидуальный подход и внимание к каждому конкретно взятому человеку не только психологически располагает индивида, впервые побывавшего на молитвенных собраниях протестантов, но и вынуждает вернуться сюда вновь.

Такая деятельность приводит к возникновению личных контактов и преследует цель сблизить людей, соответственно, как правило, первая встреча получает свое продолжение.

Разумеется, в поликонфессиональной среде, к числу которых относится и Дагестан, где ислам и православие имеют глубокие корни и тесные межрелигиозные контакты, прозелитическая деятельность протестантских проповедников неизбежно обусловила обострение религиозной ситуации в дагестанском обществе, хотя и в латентной форме. Кроме того, в отличие от православия, успехи протестантов связаны с наличием у них опыта и постоянного настроя на проповедь Евангелия.

Если рассматривать протестантские общины Дагестана с точки зрения их религиозной формы, то можно выделить ряд специфических черт, характерных большинству направлений протестантизма, их вероучению, нравственным принципам, организации, психологии и образу жизни. На наш взгляд, одними из таких специфических черт являются, во-первых, чрезмерное подчеркивание истинности избранного пути спасения, во-вторых, отрицание иерархического принципа управления, деление на «клир» и «мир», в-третьих, большая, по сравнению с христианскими церквями, роль религиозных лидеров (пасторов), в-четвертых, стремление к интенсивной прозелитической и миссионерской деятельности. Одной из особенностей протестантов Дагестана является и то, что они функционируют в основном в городах. Последние с точки зрения масштаба, разнообразия социальной среды и скрытности поля деятельности протестантских проповедников, наличия большей доли молодежи становятся удобным местом для миссионерской проповеди и религиозно-воспитательной работы. Подтверждает вышеуказанный тезис тот факт, что протестантские общины «Осанна» и Адвентисты седьмого дня имеют большой контингент и интенсивность посещаемости именно среди молодого поколения.

Вместе с тем переход в иное вероучение имеет негативные тенденции, обусловленные большей частью мировоззренческой неустойчивостью, что демонстрируется динамикой влившихся за последние годы в ряды протестантов. Для большего понимания психологии adeptов и определения причин, побудивших людей придти именно сюда, мы имели беседы с некоторыми представителями протестантов. Причины оказались весьма разнообразны и порой даже интересны. Среди них и сновидения с определенным смысловым содержанием, ставшие толчком для многих обратиться к христианской вере. Были и такие, которые шли туда, думая, что это психологический центр, и оставались там. Третью группу, в основном это молодежь, составили просто обычные зеваки, пришедшие ради так называемой тусовки. Однако в большинстве своем каждый новообращенный пришел в протестантскую церковь с грузом

идейных, религиозных, социально-политических воззрений, со своим жизненным опытом, интересами, потребностями, а следовательно, чаяниями и надеждами, обращенными к общине и союзу единоверцев.

Как показывает наше включенное наблюдение, большинство верующих читают газеты, даже иногда светскую литературу, смотрят телевизор, интересуются кино, театром, не выступают против инаковерующих. Многие из них пассивно относятся к религиозному воспитанию детей, хотя усматривают в нем определенное преимущество. В основе социальной миссии, по утверждению протестантов, лежит совершенный образ жизни верующего, признаки которого должны проявиться через его общественную, семейную, духовную жизнь, отразиться в его быте, нравах и поведении. Тезис о том, что «семьи верующих должны являть собой образец семейных отношений, где царят любовь, забота, чуткость, где не должно быть разводов, где дети должны воспитываться трудолюбивыми и честными», неоднократно звучал в проповедях молитвенных собраниях одной из многочисленных по численности протестантских адептов республики церкви «Осанна». Иными словами, последователи этого вероучения придерживаются позиции, что должна быть гармония между духовным и физическим совершенством, ибо здоровые духовно и физически верующие смогут исполнить возложенную на них миссию по спасению человечества. Аналогичного мнения придерживаются и последователи течения Адвентистов седьмого дня, акцентирующие большое внимание на важности системы воспитания и установок здорового образа жизни. В своих проповедях все протестантские общины много говорят о вреде вина и курения, а адвентисты седьмого дня дополняют данный тезис еще одним существенным утверждением о вреде употребления чая, кофе и свинины.

В протестантских общинах Дагестана широко применяется комплекс идейных установок религиозного воздействия, формирующих в сознании устойчивую религиозную доминанту, воспитывающую «христианский характер». Важными условиями воспитания «христианского характера» являются ежедневные «молитвенная практика» и «изучение Священного Писания», регулярное посещение молитвенных собраний и постоянное общение с верующими вне молитвенного дома.

В 2016 г. авторами был проведен социологический опрос по изучению факторов формирования веротерпимости в современном дагестанском обществе, состояния протестантских и неопротестантских общин и их отношения к прозелитизму. Анкета была обсуждена на заседании Отдела социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Опросом были охвачены протестантские общины, являющиеся в настоящее время наиболее многочисленными

с точки зрения количества действующих религиозных объединений из всех протестантских в современном российском религиозном пространстве. Социологическое исследование проведено в форме интервью.

При изучении типа религиозности протестантов была использована классификация Н. П. Алексеева, подразделяющая подгруппы «верующих» и «неверующих» на активных и пассивных, «колеблющихся» – на последовательных и непоследовательных. Для выявления религиозной активности дагестанских протестантов авторы опираются на предложенную Ф. Н. Ильясовым методику измерения религиозности, по мнению которого «более надежной и менее трудоемкой является процедура опроса, при которой необходимо задавать только 2 прямых вопроса: один измеряет признак “вера”, другой – “отношение к религиозной (атеистической) деятельности”. Иными словами, по горизонтали размещают значения показателя “участие в религиозной (атеистической) деятельности”, по вертикали – “вера” и пересечение этих строк показывает определенные типы религиозности»³. В некоторых случаях авторы исследования использовали метод включенного наблюдения для глубокого изучения мотивов перехода носителей исламского и православного вероучений в ряды протестантских общин (баптистов, пятидесятников, адвентистов и т. д.). $N = 165$.

По результатам нашего исследования, по типу религиозности опрошенных представителей протестантских общин в республике можно отнести к двум подгруппам: «убежденно верующие» (65,1%) и «верующие» (34,9%). Из 47,6% опрошенных самоидентифицирующихся «пятидесятниками», доля «убежденно верующих» составляет 41,5% и «верующих» 59,1%; далее 41,3% респондентов являются последователями вероучения Адвентистов седьмого дня, среди них 43,9% «убежденно верующих» и 36,4% «верующих»; 3,2% опрошенных являются баптистами, по подгруппам среди них 2,4% «убежденно верующих» и 4,5% «верующих».

При изучении протестантских общин в Дагестане, в котором доминируют два вероучения – ислам и православие, возникает вопрос: «Как выглядит социально-демографический портрет протестанта?». По результатам нашего исследования, 26,8% мужчин и 73,2% женщин по типу религиозности отнесли себя к «убежденно верующим», к подгруппе «верующих» 31,8% мужчин и 68,2% женщин, что позволяет делать вывод о том, что среди женщин больше доля обозначающих свое отношение к религии. По отношению к религии 65,1% опрошенных являются «убежденно верующими» и 34,9% «верующими». По возрасту «убежденно верующих» 9,8% опрошенных «до 20 лет», 19,5% «от 20 до 30 лет», 17,1% «от 30 до 40 лет», по 14,6% «от 40 до 50 лет» и «от 50 до 60 лет» и 22,0% «от 60 лет и выше»; к подгруппе «верующих» себя отнесли 31,8% «от 20 до

30 лет», 18,2% «от 30 до 40 лет», 31,8% «от 40 до 50 лет», 13,6% «от 50 до 60 лет». По образовательному признаку 22,0% со средним, 24,4% средним специальным, 53,7% высшим и незаконченным высшим образованием являются «убежденно верующими»; 27,3% со средним, 18,2% средним специальным, 54,5% высшим и незаконченным высшим отнесли себя к подгруппе «верующих». По социальному положению 12,2% рабочих, 22,0% служащих, по 9,8% студентов, учащихся и предпринимателей, 34,1% пенсионеров, 4,9% домохозяек, 7,3% безработных по типу религиозности относятся к «убежденно верующим»; 31,8% рабочих, 36,4% служащих, 9,1% студентов, 18,2% пенсионеров и 4,5% домохозяек по типу религиозности являются «верующими». По национальному признаку 7,3% аварцев, 7,3% кумыков, по 9,8% лакцев и лезгин, 46,3% русских позиционируют себя как «убежденно верующие»; по 13,6% аварцев и лезгин, 4,5% даргинцев, 4,5% кумыков, 22,7% лакцев и 31,8% русских – как «верующие».

Одной из характерных черт рассматриваемых нами протестантских общин является их полинациональный состав. В этой связи для нас особый интерес представляют носители мусульманского вероисповедания, принявшие иное вероучение. Согласно полученным результатам исследования, в общине пятидесятников 4 аварца, 1 даргинец, 4 кумыка, 3 лакца, 3 лезгина, 8 русских; 9 респондентов отметили вариант ответа «другое», несмотря на то, что были перечислены основные протестантские течения. Имели место быть и варианты ответов, когда от руки дописывали слово «протестант» (2 чел.) или «христианин» (2 чел.). Средний показатель по всему массиву составил 49,2%. К общине адвентистов себя отнес 1 аварец, 6 лакцев, 3 лезгин, 14 русских; к баптистам причислили себя 2 представителя русской национальности. Следует отметить, что многие опрошенные не захотели обозначить свою национальную принадлежность с мотивацией свободы вероисповедания.

Отмечая тот факт, что в поликонфессиональном Дагестане, где ислам и православие имеют достаточно сильные позиции, протестантским миссионерам и пасторам вести активную религиозную жизнь довольно непросто. Руководитель одной из протестантских общин отмечал, что в период нового возрождения их деятельности, в 1990-х – начале 2000-х гг., часто в их адрес поступали угрозы, наблюдались попытки сорвать богослужения и даже «насилно заставить верующих адептов отказаться от Иисуса»⁴. Существование религиозной интолерантности и определенных действий со стороны отдельных представителей традиционных вероисповеданий вполне можно объяснить на волне исламского возрождения, которое пыталось закрепить свое положение и статус в религиозном пространстве Дагестана. Кроме того, внутри Духовного управления мусульман Дагестана также шли жесто-

ченые споры за власть и влияние на умы людей, что в конечном итоге привело в одно время к расколу внутри данной организации по этническому признаку⁵. Но в настоящее время существовавшее ранее в открытой форме негативное отношение к протестантским общинам ушло в прошлое, и, по словам духовных настоятелей, «подобные выходы случаются довольно редко, но они имеют место быть»⁶. Также следует учесть наличие исторически в массовом сознании дагестанских народов принципов веротерпимости⁷.

В связи с вышесказанным для анализа религиозного самочувствия последователей изучаемых нами протестантских общин и выявления свободы вероисповедания на территории Дагестана опрошенным был задан вопрос, позволяющий установить существование свободы вероисповедания: «Есть ли у вас возможность на территории Дагестана свободно придерживаться своего религиозного учения?».

По результатам нашего исследования, каждый второй опрошенный по всему массиву отметил возможность придерживаться своего религиозного учения при наличии «вести проповеди среди последователей своего вероучения»; второе ранговое место занимает суждение, что они имеют «возможность в полной мере придерживаться основ своего вероучения». При этом каждый пятый респондент по всему массиву отмечает, что сталкивается с нападками со стороны отдельных лиц другого вероучения. Противоположной позиции – «наше вероучение и религиозная организация подвергаются преследованию со стороны неофициальных, нетрадиционных мусульманских религиозных течений» – придерживается каждый восьмой опрошенный по всему массиву. Статистически незначимая доля опрошенных выбрала суждение «наше вероучение и религиозная организация подвергаются преследованию со стороны официальной православной церкви» и «наше вероучение и религиозная организация подвергаются преследованию со стороны официального мусульманского управления».

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что носители протестантского учения в современном дагестанском обществе не испытывают на себе негативного отношения со стороны представителей иного вероисповедания, соответственно, и чувства ущемленности. Однако в процессе личного общения с прихожанами церквей авторами сделан вывод о том, что не всегда прихожане протестантских общин находят поддержку и понимание со стороны ближнего окружения (родных и близких) за посещение протестантской церкви. И большей частью, можно даже сказать, подвергаются остракизму неопиты, перешедшие из ислама в протестантизм.

При составлении анкеты социологического опроса мы исходили из предположения, что специфической чертой протестантов в Дагестане

является их ориентированность на прозелитизм и миссионерскую деятельность. Подспудно данный процесс наблюдался в дагестанском обществе в 90-х гг. XX в., ибо последователи протестантских общин вели активную религиозную деятельность на улицах, ходили по домам и раздавали литературу религиозного содержания, но в настоящее время она несколько спала, видимо, из-за боязни такими методами и средствами распространять свое учение. В связи с этим обстоятельством в исследовании не менее важным является изучение тенденций распространения прозелитизма на территории Дагестана, поэтому протестантам был задан вопрос: «Допустимо ли распространение своей религиозной веры среди людей, не исповедующих ваше религиозное учение?». По всему массиву опрошенных превалирует позитивное отношение к прозелитизму с мотивацией «если это делается разумными и мирными доводами» (52,4%); по типу религиозности доминирует подгруппа «убежденно верующих» (61,0%) в противовес 36,4% «верующим». На второй позиции располагается суждение «если эти люди мне близки», разделяемое каждым третьим опрошенным как по всему массиву, так и по подгруппам «убежденно верующих» и «верующих». Обращает на себя внимание позиция, допускающая навязывание своего вероучения «всем без исключения» (27,0%), среди них 29,3% «убежденно верующих» и 22,7% «верующих». При этом суждение «это может ухудшить отношения между людьми разных вероучений» отмечено статистически небольшой долей опрошенных (по 1,6%), что свидетельствует о наличии в установках протестантов в латентной форме ориентированности на распространение своего вероучения среди последователей иных религий. По возрастному признаку позитивно прозелитизм с мотивацией «если эти люди мне близки» оценивают в когорте «от 60 лет и выше» (66,7%), 38,5% – «от 40 до 50 лет», по 33,3% – «от 20 до 30 лет» и «от 50 до 60 лет» и меньше всего отметивших в подгруппе «до 20 лет» (20,0%); при этом 80,0% опрошенных «до 20 лет», 40,0% «от 20 до 30 лет» ближе позиция о прозелитической деятельности среди всех людей без исключения. С возрастом увеличивается доля придерживающихся суждения «если это делается разумными и мирными доводами» – 55,6% «от 60 лет и выше», 38,5% «от 40 до 50 лет», 33,3% «от 20 до 30 лет», 77,8% «от 50 до 60 лет» и 90,9% «от 30 до 40 лет». При этом негативную оценку прозелитизма с мотивацией «возможного ухудшения «отношений между людьми разных вероучений» демонстрирует каждый девятый опрошенный в подгруппе «от 50 до 60 лет». Таким образом, можно сделать вывод о том, что опрошенные независимо от типа религиозности и возраста ориентированы на положительное отношение к прозелитизму, причем доля усматривающих возможные негативные последствия прозелитической деятельности в форме ухудшения межрелигиозных и межнациональных

отношений респондентами во внимание практически не принимается.

С целью установления динамики распространения иного вероучения среди последователей различных вероисповеданий респондентам был задан вопрос: «Каковы пути распространения основ другой религии среди последователей иного вероучения?». О последовательности религиозных установок опрошенных свидетельствует доминирование, причем с очень большим отрывом от иных суждений, позиции «добровольный» (92,1% по всему массиву), по подгруппам: 90,2% «убежденно верующих» и 95,5% «верующих»; возможность распространения своего вероучения «предложением денег, льгот» допускают 1,6% респондентов, 4,8% допускают «навязывание и угрозы», но обращает на себя внимание, что опрошенные независимо от типа религиозности не допускают насильственного метода приобщения исповедуемого вероучения среди последователей иных религий, и данный вариант ответа никем не был отмечен. На наш взгляд, наличие такой позиции в массовом сознании опрошенных показывает существование толерантных установок и веротерпимости, которая была характерна дагестанскому обществу практически на всех этапах его исторического развития. Данный тезис подтверждается и в личных беседах с руководителями общин, выражающих мнение о существовании толерантного отношения руководства республики по отношению к ним.

Вместе с тем результаты нашего исследования показывают наличие в массовом сознании противоречивого культового поведения, что подтверждается ответами на вопрос: «Проповедуете ли вы ваше религиозное учение среди людей, не исповедующих вашу религию?». По результатам нашего исследования, 66,7% дали положительный ответ, в противовес 9,5%, ответивших отрицательно, и 20,6% затруднились выразить свою позицию. Обращает на себя внимание позиция «убежденно верующих» (75,6%), распространяющих свое вероучение среди последователей иной религии, такой же позиции придерживаются 50,0% опрошенных из подмассива «верующих»; 7,3% «убежденно верующих» и 13,6% «верующих» не проповедуют своего вероучения среди последователей иных религий; при этом 12,2% «убежденно верующих» и 36,4% «верующих» затруднились с ответом.

Таким образом, по результатам двух вопросов можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, опрошенные позитивно оценивают прозелитизм только при условии ненасильственного и мирного его распространения, а также путем добровольного распространения, но, с другой стороны, для респондентов характерно вести проповеди среди исповедующих другое учение, не думая о негативных последствиях своих действий.

В начале 90-х гг. XX в. в связи с активизацией миссионерской деятельности местных про-

тестантских организаций были случаи, когда они появлялись в сельской местности республики. Например, в с. Ташкапур Левашинского района, где преобладающее место занимает исламская религия и в с. Бухнач и Цнак Табасаранского района – пятидесятники, в с. Терекли-Мектеб Ногайского района – баптисты, в с. Кочубей Тарумовского района – адвентисты, есть предположение, что Свидетели Иеговы вели активную проповедническую деятельность в с. Хунзах Хунзахского района⁸. Разумеется, такая активность со стороны христианских миссионеров вполне ожидаемо провоцировала межрелигиозную напряженность в Дагестане. В связи с этим представляется важным установить позитивную/негативную роль протестантских миссионеров в современном дагестанском обществе на сегодняшний день. В ответах на вопрос «Играет ли положительную роль в установлении стабильности и согласия в Дагестане деятельность прозелитов?» больше половины опрошенных (61,9%) затруднились выразить свое мнение, 31,7% усматривают в их деятельности положительную роль в формировании принципов межрелигиозного согласия и стабильности в республике, и статистически незначимая доля опрошенных оценивают прозелитическую деятельность отрицательно (4,8%). По подмассивам в подгруппах «убежденно верующих» (58,5%) и «верующих» (68,2%) затруднились с ответом; положительно деятельность прозелитов охарактеризовали 34,1% в подгруппе «убежденно верующих» и 27,3% «верующих»; отрицательного утверждения придерживается статистически небольшая доля в подгруппах «убежденно верующих» и «верующих» – 4,9 и 4,5% соответственно.

Для выяснения мотивации и религиозного поведения опрошенных им был задан вопрос: «Какова цель привлечения вами в свои ряды людей, исповедующих другое религиозное учение?». Результаты нашего исследования показывают, что 58,7% опрошенных ближе суждение «целенаправленно мы никого не привлекаем в свои ряды, кто хочет, тот может принять наше религиозное учение», дополненное существенным уточнением, в котором можно усмотреть, если можно так выразиться, «изъяны» в других вероучениях, – «мое вероучение учит людей добру и сочувствию больше, чем другие религиозные учения» (27,0%). По подгруппам первое суждение разделяют 61,0% самоидентифици-

рующихся как «убежденно верующие» и 54,5% «верующих», а второе ближе 26,8% «убежденно верующих» и 27,3% «верующих». О противопоставлении и существовании религиозной интолерантности свидетельствует позиция, выраженная в установках 17,5% опрошенных по всему массиву, а также 14,6% «убежденно верующих» и 22,7% «верующих», считающих свое вероучение «более совершенным и правильным по сравнению с другими религиозными учениями». Статистически небольшая доля в подгруппе «убежденно верующих» (2,4%) проповедь мотивируют стремлением «увеличить число последователей своего вероучения».

Таким образом, мы можем констатировать, что опрошенные имеют различные точки зрения на распространение своего вероучения среди исповедующих другие религиозные учения, а также механизмы его использования. Однако для респондентов характерна противоречивость: с одной стороны – провозглашение принципов свободы выбора того или иного религиозного мировоззрения, с другой – установка на подчеркивание исключительности своего вероучения с мотивацией его «совершенности и правильности».

Примечания

- 1 Каргина И. Г. Самоидентификация верующих : социальная мотивация // Социс. 2004. № 1. С. 45.
- 2 См.: Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Советском союзе и в России. 1985–1997 гг. М., 2010. С. 178–179.
- 3 Ильясов Ф. Н. Религиозное сознание и поведение // Социс. 1987. № 3. С. 51.
- 4 Ушакова Н. Протестанты в Дагестане // Молодежь Дагестана. 2004. 12 марта. С. 10.
- 5 См.: Шахбанова М. М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016.
- 6 Интервью О. Б. Халидовой с пастором церкви «Осанна» Н. Я. Чумаковым, январь 2016.
- 7 См.: Шахбанова М. М. Проблема веротерпимости в Республике Дагестан : состояние и тенденции // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. С. 68.
- 8 См.: ЦГА РД (Центральный Государственный архив Республики Дагестан). Ф. р-1585. Оп. 3. Д. 25. Л. 35.

Образец для цитирования:

Халидова О. Б., Шахбанова М. М. Социальный портрет дагестанских протестантов (по результатам социологического исследования) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 62–67. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-62-67>

Cite this article as:

Khalidova O. B., Shakhbanova M. M. Social Portrait of Dagestan Protestants (By the Results of Sociological Research). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 62–67 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-62-67>

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.334.2

Влияние новых цифровых технологий на потребительское поведение: региональный аспект

И. А. Понукалин

Понукалин Илья Алексеевич, аспирант кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, altair0505@mail.ru

В статье анализируются различные аспекты влияния новых цифровых технологий на потребительское поведение. Формулируется необходимость социологической интерпретации и осмысления цифровой реальности как масштабного социально-экономического явления, поиска социальных детерминант потребительского поведения в этих условиях. Аргументируется, что цифровые технологии – перспективные инструменты социального конструирования потребительского поведения. Имея техническое воплощение, и, в тоже время, являясь социальным объектом, цифровые технологии изменяют привычные формы потребительского поведения, способствуют появлению практик нового типа. Всего за несколько лет произошел как количественный рост потребителей, ориентированных на покупки через Интернет, так и качественные изменения, выразившиеся в трансформации повседневных потребительских практик. В ходе авторского исследования прослеживается, что вне зависимости от места покупки, будь то магазин или интернет, траектория пути все равно выстраивается через цифровые медиа. Современному человеку все чаще выбор товаров или услуг помогают осуществить его девайсы, предоставляя возможности навигации по бескрайнему интернет-пространству. Артикулируется, что в ходе своего присутствия Интернет-пользователи генерируют «цифровые следы». Их автоматическая фиксация позволяет аналитикам и маркетологам выстраивать профили потребителей, например, для создания контекстной рекламы и дальнейшего конструирования необходимых моделей потребительского поведения. Выявляется, что подобное влияние потребителями чаще всего не осознается. Нет особых тревог и по поводу публичности своей приватной жизни или утечки персональных данных, попадающих в Сеть. Выявлено, что основным сегментом потребителей крупных городских торговых сетей становятся представители молодого поколения – миллениалы, неразрывно связанные с персональными смартфонами, помогающими им в поиске товаров.

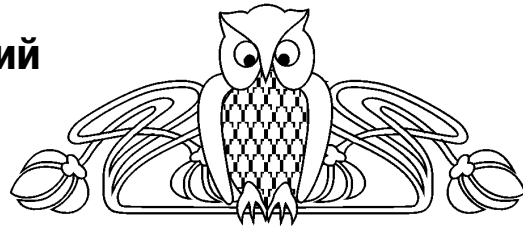
Ключевые слова: цифровые технологии, потребительское поведение, Интернет, новые медиа, онлайн-торговля.

The Impact of New Digital Technologies on Consumer Behavior: A Regional Perspective

I. A. Ponukalin

Ilya A. Ponukalin, <https://orcid.org/0000-0002-6010-1976>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, altair0505@mail.ru

The article analyzes various aspects of new digital technologies impact on consumer behavior. The necessity of sociological inter-

pretation and understanding of digital reality as a large-scale socio-economic phenomenon, and the search for social determinants of consumer behavior in these conditions are formulated. It is argued that digital technologies are promising tools for consumer behavior social construction. Having a technical embodiment, and, at the same time, being a social object, digital technologies change the usual forms of consumer behavior, and contribute to emerging a new type of practices. In the course of a few years, there has been both a quantitative growth of online shopping consumers and qualitative changes, expressed in the transformation of everyday consumer practices. The author's research shows that regardless of the place of purchase, whether it is a store or the Internet, the pathway is still built through digital media. Contemporary people are increasingly choosing products or services to help implement the devices, providing the ability to navigate the vast Internet space. It is articulated that in the course of their presence, Internet users generate "digital traces". Their automatic fixation allows analysts and marketers to build consumer profiles, for example, to create contextual advertising and further design of the necessary models of consumer behavior. It is revealed that such influence is often not realized by consumers. There are no special concerns about the publicity of their private lives or the leakage of the of personal data into the network. It is revealed that the representatives of the younger generation – Millennials present the main segment of large urban retail chains consumers and are inextricably linked with personal smartphones that help them in the search for goods.

Keywords: digital technology, consumer behavior, Internet, new media, online trading.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-68-73>

Еще до появления эпохи массового Интернета, в 60 гг. XX в., Ж. Бодрийяр в своем известном труде «Система вещей» предлагал взгляд на потребление как на «виртуальную целостность вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связанный дискурс»¹. Немногим позже в обществе зарождается новый тип взаимосвязи элементов в соответствии с сетевым принципом построения социальных структур. Сетевая структура открыта и неограничена, имеет тенденцию к расширению благодаря коммуникациям. И этот новый тип общества, по мнению М. Кастельса, формируется под влиянием потоков информации².

Согласно М. Кастельсу, многие социальные институты приобретают сетевой характер, им вводятся и дискутируются понятия «сетевая экономика», «сетевое предприятие». Взаимосвязь между знанием и информацией, составляющими

основу экономики, революционные прорывы в сфере информационных технологий порождают новую экономическую систему. Дальнейшее развитие коммуникативных технологий, появление не просто сетевых структур, но и глобальной сети Интернет, способствует конструированию новых форм социального поведения, так называемого «виртуального экономического поведения»³.

Идет время и на смену уже привычным для понимания парадигмам информатизации и экономики знаний приходит новое понятие цифровой реальности и цифровой экономики с такими ее проявлениями, как блокчейн-технологии, криптоиндустрии, онлайн или электронная торговля. Сам термин «виртуальная реальность», под которым можно понимать симуляцию реальности, постепенно утрачивает свою актуальность. На это указывают современные исследователи: цифровая проекция реальности уже никуда не отсылает, ее невозможно покинуть. Смартфоны обеспечивают почти бесперебойный доступ в Сеть, а если человек находится в офлайне, push-уведомления мягко привлекут внимание и сконструируют необходимость погружения в онлайн. Сама парадигма онлайн и офлайн пространства устаревает, и на ее смену приходит идея «общества синхронизации»⁴ или общества «дополненной реальности», которую интерпретируют как физическую, дополненную цифровой информацией благодаря постоянному подключению к массивам данных, циркулирующих по просторам Интернета. Такая трактовка также вступает в противоречие с дихотомическим разделением на «реальное» и «виртуальное»⁵.

По мнению исследователей, оцифрованный мир имеет принципиальные отличия от других сообществ, для него характерны⁶:

- высокие скорости передачи информации и знаний;
- гигантские объемы запоминающих устройств;
- стремительные возможности поиска и распознавания данных в различных базах;
- глобальные масштабы передачи и распространения социальной и персонально-значимой информации.

Российское общество сегодня, являясь частью глобального миропорядка, также подвержено влиянию тенденций цифровизации. О цифровой экономике в России активно заговорили после сделанного Президентом РФ 12 декабря 2016 г. Послания Федеральному Собранию. Далее, 25 апреля 2017 г. в Минкомсвязи был разработан вариант программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Как свидетельствуют аналитики, масштабы цифровой экономики будут неизменно расширяться по сравнению с экономикой материальной. Какое влияние продукты цифровой экономики оказывают по повседневному потребительскому поведению россиян и есть ли региональная спе-

цифика? Насколько плотно вошла в нашу жизнь интернет-торговля, какие социальные эффекты порождает, с какими возможными рисками сталкиваются жители российских регионов? Данные вопросы, с нашей точки зрения, представляются актуальными и попадают в поле нашего исследовательского внимания. Этот комплекс социальных показателей может быть получен благодаря синтезу количественных и качественных методов социологического исследования.

В период с мая 2016 г. по сентябрь 2018 г. нами было проведено комплексное социологическое исследование на тему «Влияние новых цифровых технологий на потребительское поведение россиян».

Актуальность исследования продиктована рядом наблюдаемых противоречий: с одной стороны, возрастает значение новых цифровых технологий на общемировом уровне, с другой стороны, очевиден недостаток исследований, выявляющих специфику воздействий новых цифровых медиа вне контекста конкретных рекламных и маркетинговых компаний. И если цифровые технологии – это и средства, с помощью которых осуществляется большая часть рекламных и маркетинговых коммуникаций, оказывающих влияние на потребительское поведение, и средства, создающие пространство реализации потребительского поведения (онлайн торговля), то и они сами становятся сообщением, способным конструировать идентичность пользователей и сообществ. С одной стороны, цифровые технологии это одновременно и средство воздействия, и способ измерить порождаемый экономический эффект, с другой – конструируя требуемое экономическое поведение, цифровые технологии сами порождают социальные эффекты, на сегодняшний день еще малоизученные.

В настоящее время данные обстоятельства напоминают ситуацию, сложившуюся в 30–50-е гг. XX в. Тогда кардинальные изменения в средствах массовой информации побудили П. Лазарсфельда и его коллег обратить внимание на изучение социальных эффектов, производимых радио и телевидением – новых медиа того времени. Что и повлекло за собой формирование методологического разворота социологии второй половины XX в. На сегодняшний день появление новых (уже для нашей современности) медиа, которые распознаются как цифровые технологии, вытесняет те, что казались новыми ранее. Тогда снова возникает необходимость пристального их изучения методами социологического аппарата, а возможно, и пересмотра инструментария, применяемого в социологии. И сейчас активно ведутся обсуждения по поводу перспектив и рисков использования массивов частной и открытой информации, размещенной в сети Интернет; о репрезентативности, возможностях и ограничениях онлайн-опросов. Несмотря на это, исследователи констатируют, что новые медиа

уже становятся фактором методологических инноваций в социологии.

Когда возникает разговор о новых медиа, то чаще всего под ними подразумеваются интернет-технологии. Согласно мнению современных исследователей, к новым медиа, наряду с сайтами, также можно причислить и практически все современные гаджеты и дивайсы, такие как смартфон, роботизированный пылесос, «умный» холодильник⁷.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты двух авторских опросов: 1) анкетный опрос «Влияние цифровых технологий на потребительское поведение» ($n = 640$) проводился среди посетителей ТРЦ и ритейлов г. Саратова (2017 г.); 2) онлайн опрос – среди пользователей соцсетей «ВКонтакте» ($n = 350$), «Фейсбук» ($n = 330$) и «Одноклассники» ($n = 340$), проводился в июне–августе 2018 г.; а также результаты, полученные в ходе фокус-групп, проведенных среди студентов старших курсов вузов г. Саратова (2018 г.). Далее представлены некоторые выводы по исследованию.

Как показало исследование, большая часть посетителей ТРЦ и ритейлов г. Саратова (68,1% респондентов) – активная интернет-аудитория – люди, которые хотя бы раз за сутки выходят в Сеть. Большинство из них склонны воспринимать Интернет как источник информации (78%), как средство связи (76%), как источник развлечения (69%). Было выявлено, что около 33% респондентов использовали Интернет для заказа товаров/услуг не менее одного раза в месяц, 12% делают это регулярно – не менее одного раза в неделю.

Электронную торговлю как неизменный маркер цифровой экономики можно рассматривать в качестве современного феномена, возникающего в условиях глобализации благодаря развитию цифровых технологий. Всего за несколько лет произошел как количественный рост потребителей, ориентированных на покупки через Интернет, так и качественные изменения, выразившиеся в трансформации повседневных практик многих людей по всему миру. Имея техническое воплощение и в то же время являясь социальным феноменом, электронная торговля изменяет привычные формы потребительского поведения, способствуя появлению практик нового типа.

На сегодняшний день электронная торговля – это быстро развивающаяся ветвь коммерции, таящая в себе возможности для развития российского рынка. Она медленно, но все увереннее набирает обороты. Так, согласно масштабным исследованиям, выявляющим индикаторы развития цифровой экономики в России, на сегодняшний день доступ к Интернету имеют 75% домашних хозяйств (от общего числа домашних хозяйств россиян). Среди них использование Интернета населением для заказа товаров (услуг) на 2016 г. для России составляло 30,2%. В про-

центах от общей численности населения для заказа товаров или услуг используют Интернет 23,0% россиян (в возрасте 15–72 лет)⁸.

Хотя еще всего пару лет назад интернет-шopping исследователи относили к инновационной практике, признаком которой является ее распространение не более чем среди 16% референтного населения⁹.

Дж. Ритцер отмечал, что приобретение товаров или услуг через Интернет связано с материальной и нематериальной стороной потребления. К миру материального относимы компьютеры, ноутбуки, смартфоны. Последовательность, алгоритм самого процесса потребления как в реальном, так и в виртуальном пространстве схож. Мы сначала выбираем товар, потом оплачиваем его, получаем к нему доступ и используем. Но реализация первых двух этапов этого процесса все чаще оказывается виртуальной. И здесь Дж. Ритцер видит скрытую угрозу дематериализации материальных средств потребления¹⁰. Речь идет о вытеснении реальных торговых сервисов – гипермаркетов, торговых центров.

Станем ли мы свидетелями вытеснения офлайн торговли, угасания таких популярных форматов и средств потребления, как ТРЦ, молы и ритейлы? Однозначного ответа быть не может, но очевидным представляется тот факт, что новые цифровые технологии, меняя пространство повседневности, оказывают существенное влияние как на деятельность торговых сервисов, так и на потребительские практики и привычки. С нашей точки зрения, в настоящее время наблюдается тенденция к аккумуляции средств потребления в реальности (офлайн) и виртуальном пространстве (онлайн), их сочетанию друг с другом, и, как следствие, возникающий эффект синергии оказывает активизирующее воздействие на потребительское поведение¹¹.

Согласно Всемирной торговой организации, «электронная торговля» представляет собой специфическую форму торговли, новый способ покупки, продажи и распределения товаров и услуг, регулируемых признанными на международном уровне правилами, такими как «Генеральное соглашение о торговле услугами» (ГАТС), «Генеральное соглашение по тарифам и торговле» (ГАТТ), «Соглашение по торговле объектами интеллектуальной собственности» (ТРИПС)¹².

Появление первых систем и ресурсов электронной торговли связаны с распространением и востребованностью автоматизированных технологий продажи авиабилетов, проведения банковских операций посредством пластиковых карт. Сегодня, по мнению аналитиков, практически все группы товаров и услуг могут быть в той или иной степени переведены в формат электронной торговли: запчасти к автомобилям, габаритная бытовая техника и билеты на мероприятия, книги, парфюмерия и предметы иску-

ства (можно сказать, все, что представлено в традиционном ритейле).

Проведенное исследование позволило выявить следующие тенденции. В настоящее время, независимо от того, где осуществляется потребительское поведение – в магазине или через Интернет, сама траектория пути к покупке выстраивается через цифровые медиа, и это очевидно для большинства категорий товаров и услуг. Как правило, прежде чем совершить покупку, потребителями осуществляется сбор информации через Интернет, а именно: выбор магазина (на это указали 38% респондентов – посетителей ТРЦ), сравнение цен (29%), поиск информации об альтернативных товарах и/или акциях на них (25%), просмотр отзывов и комментариев представителей различных сообществ (16%). В подобных практиках играют роль и мобильные приложения, оказывающие влияние на поведение покупателей в ритейле, конструируя их предпочтения (у 58% респондентов в смартфонах установлено не менее двух приложений различных брендов).

В обмен на дисконт, скидки и бонусы 89% респондентов готовы делиться своей персональной информацией с торговыми сетями. Чаще всего это происходит при заполнении анкет для получения бонусной карты. Далее, на электронное устройство потребителя поступают сообщения о различных акциях и новинках, призванные вызывать покупательскую активность. *Я всегда жду информации по смс о скидках, сразу иду в магазин за покупкой. Это же выгодно!* (жен., 20 лет). При этом над вероятностью какой-либо угрозы или риска от утечки персональных данных респонденты не задумываются.

Конвергенция реальности и виртуальности, о которых говорил Ж. Бодрийяр в 60-х гг., сегодня проявляется в сближении мира онлайн и офлайн торговли. Это ситуация вызова в большей степени для традиционных ритейлеров, чем для онлайн-магазинов, преимуществ которых обусловлены цифровой средой. Она включает в себя инструменты для мониторинга потребительского поведения, более тонкие и быстрые, чем те, которыми пользуются традиционные торговые сервисы. Подобные инструменты позволяют «прочитать» поведение потребителей на индивидуальном уровне, причем как на осознанном, так и неосознанном (чему способствуют инструменты нейрo-экономики, нейромаркетинга), и сводить большие массивы данных (Big Data) в режиме реального времени. Это данные, которые накопились в цифровой среде как некий косвенный продукт повседневных коммуникативных практик и «цифровых» взаимодействий (digital by-product data)¹³.

Данные, генерируемые интернет-пользователями в ходе их присутствия и цифрового взаимодействия, – это так называемые цифровые следы: посещение страниц и профилей людей в соцсетях, статусы и комментарии, оставляемые в соцсетях, выбор и просмотр определен-

ных сайтов. Подобные сведения, автоматически фиксируясь цифровым способом, позволяют аналитикам и маркетологам использовать их для построения профиля потребителей и создания контекстной рекламы.

Когда я ищу информацию о нужном мне товаре, вот стоит только набрать в поисковик что-нибудь, тут же появляются окошки с рекламой, и материалы на эту тему. Мне кажется, иногда, там за экраном прямо мысли мои читают. И это помогает, кстати, время экономит.... (муж., 21 год). Так в интернет-среде прослеживается и контролируется траектория пути от замысла к покупке – от первого взгляда человека на монитор и прикосновения его руки к девайсу, через выявление потребительских вкусов и предпочтений к дематериализованной оплате через банковские системы.

Здесь уместно обратиться к идеям Б. Латура, который обнаруживает существенное отличие между проводником и посредником. Свойства проводника тождественны что на входе, что на выходе. Иное дело с посредником, который способен менять сигнал. Согласно Б. Латуре, слову «посредничество» вполне можно приписывать значение «деятельность посредника». Благодаря вторжению самого посредника, из-за производимых им коррекций уже сложно понять заранее, что будет получено на выходе. В этом смысле, с нашей точки зрения, цифровые устройства – не проводники, а, как черные ящики, – посредники, способные конструировать, добавлять или менять что-то по своему усмотрению, преобразуя тем самым реальность¹⁴.

Из высказываний участников фокус-групп: *Мне нравится, когда мой гаджет дает мне советы по какой дороге лучше ехать, например, ... или в каком магазине лучше цена. Вообще люблю разговаривать с Сири...* (муж., 20 лет); *В последнее время в Интернете появляются ресурсы, которые сами сравнивают, где что лучше купить, где акции какие... уже не надо самой по разным сайтам время тратить долго...* (жен., 20 лет). Состояние здоровья и физическую форму тоже контролируют гаджеты: *... мой «умный» браслет следит за моим весом и калориями, сообщает мне о моих тренировках, сколько шагов прошла, ну и .... прямо в рот заглядывает!!!* (жен., 20 лет).

Как показало наше исследование, большая часть посетителей ТРЦ и ритейлов г. Саратова предпочитают расплачиваться по банковской карте (81%) или через приложение, превращающее мобильное устройство в «электронный кошелек». Высказывание участника фокус-групп: *Я сразу обратил внимание на то, как некоторые покупатели расплачивались просто прикладывая телефон к устройству для пластиковых карт. Это выглядело как-то модно, успешно... Я установил себе такое же приложение. Очень удобно! Теперь на меня обращают внимание...*

(муж., 23 года). О влиянии референтных групп на поведение потребителей говорил еще Р. Мертон: люди, «формируя свое поведение и оценки, часто ориентируются на иные группы, чем их собственная, членами которых они не являются»¹⁵. *Расплачиваться по карте или телефоном очень удобно... я почти не имею наличных денег в кошельке... правда, с карты как-то очень быстро они разлетаются... их не так жалко тратить что ли, чем наличку* (жен., 19 лет).

Сегодня именно в интернет-среде сосредоточены основные инструменты продвижения товаров и услуг и конструирования нужных способов потребительского поведения. Инструментами социального конструирования поведения потребителей являются ставшие уже традиционными рекламные коммуникации в Интернете (например, контекстная реклама Яндекс-Директ или Google-Adwords), коммуникации в соцсетях – SMM-продвижение (Social Media Marketing), обсуждения и комментарии в блогах по типу «сарафанного радио». С нашей точки зрения, перспективными инструментами социального конструирования становятся сами цифровые технологии – все чаще выбор помогают осуществить девайсы, предоставляя возможности навигации по бескрайнему интернет-пространству. Умные девайсы, отслеживая потребности, вкусы, предпочтения, физические и социально-ролевые характеристики своего владельца, помогают ему принимать оптимальное решение, анализируя большое количество информации.

Согласно данным, полученным в ходе онлайн опроса, пользователи различных социальных сетей постоянно (по нескольку раз в неделю) выкладывают с мобильных устройств фото- и видеоконтент, обновляют информацию о себе, своей геолокации (86% респондентов), тем самым демонстрируя свою повседневность и конструируя публичную автобиографию. Например, походы в кафе и рестораны становятся фотографическими мастер-классами: 75% респондентов предпочитают выкладывать фото- и/или видеофиксацию процесса потребления пищи, дизайн гастрономических блюд, особенности сервировки стола.

Потребление новых медиа происходит практически ежедневно. Как указывают участники фокус-групп, ритуалы проверки утренней почты, сообщений в социальных сетях и просмотр новостных лент становятся практически гигиенической процедурой: *...если я с утра почти не проверила или, там в соцсетях ничего не сообщила, почтала – как будто зубы не почистила* (жен., 21 год). При этом особых тревог по поводу своей приватной жизни или утечки персональных данных, попадающих в Сеть, респонденты не испытывают. Так, в безопасности своего присутствия в социальных сетях уверены до 90% респондентов. Интересную трактовку цифровизации предлагает Я. Бюка-

нан, утверждая, что кредитная карта и номер социального страхования скажут гораздо больше о личности и месте проживания их владельца, чем его цвет кожи или сведения о том, в какую школу он ходил, и все это потому, что наша телесность – «плоть и кровь», в цифровом измерении и культурном значении, была заменена бестелесным цифровым «профилем»¹⁶.

В основном о слиянии с гаджетом говорит молодое поколение, так называемые миллениалы, digital natives: по данным нашего регионального исследования, среди активной интернет-аудитории – людей, которые хотя бы раз за сутки выходят в Сеть (а это 68,1% респондентов), 91% – молодое поколение в возрасте от 16 до 30 лет. Среди них большинство тех, кто практически не расстается со своим смартфоном (70%): *Я все время нахожусь в своем смартфоне, у меня в нем вся жизнь* (муж., 23 года). Согласно статистическим данным, собранным специалистами ВШЭ за 2016 г., Интернетом пользуются каждый день или почти каждый день 88,9% респондентов-россиян возрастной группы от 15 до 24 лет¹⁷. Как считает В. Радаев, при исследовании отрасли торговли самое любопытное происходит вне ее самой, и в настоящее время интерес – к поколенческому сдвигу, или поколенческому перелому, который наблюдается в самых разных проявлениях¹⁸.

С нашей точки зрения, основным сегментом потребителей крупных торговых сетей постепенно становятся городские миллениалы (в России это люди, родившиеся в 1984–2004 гг.) неразрывно связанные со своими персональными гаджетами-посредниками, облегчающими им поиск и выбор товаров, а порой и определяющими выбор. Именно среди представителей этой возрастной группы в смартфонах установлено большее количество мобильных приложений (78%). По поводу потребительских практик молодое поколение активно взаимодействует не только между собой, но и с брендами в социальных сетях, мессенджерах и приложениях. Например, нами установлено, что большее доверие к бренду возникает при условии, если некоторые знакомые по социальным сетям подписаны на страницу продавца. *Когда я просматриваю новые подписки моих друзей, я обращаю внимание на марки, тоже начинаю ими интересоваться, отзывы читаю, потом заказываю, ... хочется быть в тренде!* (жен., 21 год).

Таким образом, большинство западных и российских исследований, посвященных проблематике поведения потребителей в ситуации усиления влияния цифровых технологий, носит прикладной маркетинговый характер и направлено на повышение прибыльности и рационализации коммерческой деятельности. Нами формулируется необходимость социологической интерпретации и осмысления цифровой реальности как масштабного социально-

экономического явления, поиск социальных детерминант потребительского поведения в этих условиях.

В настоящее время независимо от того, где осуществляется потребительское поведение – в магазине или через Интернет, сама траектория пути к покупке выстраивается через цифровые медиа, и это относится к большинству категорий товаров и услуг. Деление на реальный и виртуальный мир уже перестает быть дихотомией мира физического присутствия и мира, порожденного Интернетом. Цифровые технологии кардинально преобразовывают ландшафты повседневности человека, порождают новые социальные практики во многих областях жизнедеятельности, конструируют новые модели экономического поведения. В большей степени именно молодое поколение подвержено влиянию и погружено в конструируемое с помощью цифровых технологий пространство.

Примечания

- 1 Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1999. С. 213.
- 2 См.: Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
- 3 См.: Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 492–506.
- 4 См.: Моисеев В. Н. Общество синхронизации : человек и его цифровой профайл // Обсерватория культуры. 2014. № 5. С. 109–113.
- 5 См.: Кислова О. Н., Николаевская А. М. Концепция дополненной реальности : от технологии к социологии // Вісн. ХНУ ім. В. Н. Каразіна. Сер. Соціологічні дослідження сучасного суспільства : методологія, теорія, методи. 2016. Вип. 3. С. 49–54.
- 6 См.: Ракитов А. И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки. 2016. № 6. С. 33–47.
- 7 См.: Стинс О., Ван Фухт Д. Новые медиа // Вестн. ВолГУ. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2008. Вып. 7. С. 98–106.
- 8 См.: Цифровая экономика : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьяненко [и др.] ; НИУ «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2018.
- 9 См.: Фирсова Н. Ю. Предикторы инновационных потребительских практик : освоение интернет-шопинга в российских домохозяйствах // Экономическая социология. 2013. Т. 14, № 4. С. 27–57.
- 10 См.: Ritzer G. Exploration in the Sociology of Consumption. L. : Sage, 2001 P. 146–159.
- 11 См.: Понукалин И. А. Влияние новых цифровых технологий на поведение потребителей торгово-развлекательных центров : социологический анализ // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 47–50. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-47-50
- 12 См.: Рубанов В. А. Электронная торговля : состояние, проблемы и перспективы (социологический анализ) // Актуальные социологические исследования. 2011. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/8588/1/pages%20from%20ph&ss_2011-1.%2072-77pdf.pdf (дата обращения: 14.03.2018).
- 13 См.: Beer D. Digital by-product data and the social sciences. URL: <http://www.york.ac.uk/media/sociology/documents/courses/modules/Digital%20data%20and%20the%20social%20sciences.pdf> (дата обращения: 21.07.2018).
- 14 См.: Латуш Б. Берлинский ключ, или Как делать слова с помощью вещей // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 157–170.
- 15 Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, Хранитель, 2006. С. 429.
- 16 См.: Deleuze and New Technology / ed. M. Poster, D. Savat. Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2009.
- 17 См.: Цифровая экономика : краткий статистический сборник.
- 18 См.: Розничная торговля в России. 28 сентября 2017. Москва // Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/2016/10/19/ru-event-5425> (дата обращения: 27.08.2018).

Образец для цитирования:

Понукалин И. А. Влияние новых цифровых технологий на потребительское поведение: региональный аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 68–73. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-68-73>

Cite this article as:

Ponukalin I. A. The Impact of New Digital Technologies on Consumer Behavior: A Regional Perspective. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 68–73 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-68-73>

УДК 316.375

Духовное здоровье дагестанской учащейся молодежи: социологический анализ рисков и угроз

М. З. Казиева

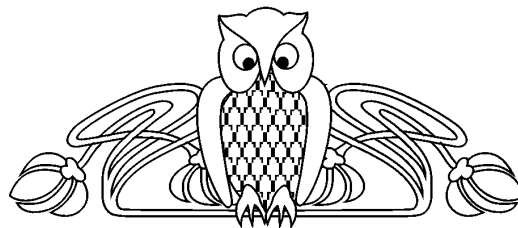
Казиева Мадина Запировна, аспирант кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала, daisy0209@mail.ru

В настоящее время изучение рисков и угроз для сферы духовного здоровья молодежи относится к числу тех социальных проблем, актуальность которых просто не может вызывать сомнения. Социологическое исследование духовного здоровья российского общества невозможно без изучения духовного здоровья молодежи как особой социально-демографической группы. Учащаяся молодежь относится к той категории населения, здоровье которой (и духовное здоровье в том числе) неразрывно связано с понятием «риск». Выбранный нами объект эмпирического исследования неслучаен, поскольку именно молодежь является основным ресурсом общества, определяющим духовно-нравственный потенциал и отражающим перспективы и траектории развития общества. По результатам нашего исследования установлено, что проявлением духовной деятельности дагестанской молодежи, лежащей в основании формирования ее духовного здоровья, является производство социальных и культурных норм, потребностей, т. е. того, что именуется духовными ценностями ценностно-ориентационного пространства. Установлено, что удовлетворение материальных потребностей является мотивацией для опрошенной молодежи к активизации деятельности, угрожающей ее духовному здоровью. Сегодняшней дагестанской молодежи свойственно скорее отвержение традиционного опыта, нежели его усвоение. Сложные социально-политические и экономические условия макросреды развития российского общества способствуют возникновению в ценностном сознании дагестанской молодежи двух разновекторных тенденций: актуализации материальных ценностей и стремлению к новым формам мировоззрения. Допущение дагестанской учащейся молодежью поступков с целью улучшения своих материальных потребностей, которые в цивилизованном обществе осуждаются и наказываются, свидетельствует о глубоком духовно-нравственном кризисе, примате материального над духовным. В целом, мы пришли к выводу о том, что в условиях общества риска составляющей современной духовной жизни дагестанской молодежи стал некоторый отход от традиционных ценностей дагестанского общества и имплементация западных жизненных ценностей и норм.

Ключевые слова: духовное здоровье, дагестанская молодежь, духовные ценности, материальные ценности, риск, учащаяся молодежь.

Spiritual Health of Dagestan Student Youth: Sociological Analysis of Risks and Threats

M. Z. Kazieva

Madina Z. Kazieva, <https://orcid.org/0000-0002-4277-7673>, Dagestan State Technical University, 70 I. Shamil Ave., Makhachkala 367030, Russia, daisy0209@mail.ru

At present, the study of risks and threats in youth spiritual health sphere is one of those social problems, the relevance of which simply cannot be questioned. A sociological study of the Russian society's spiritual health is impossible without studying the spiritual health of youth as a special socio-demographic group. Student youth refers to that category of the population whose health (and spiritual health as well) is inextricably linked with the notion of «risk». The purpose of the empirical research is chosen not accidentally, since it is the youth that is the main resource of society that determines the spiritual and moral potential and reflects the prospects and trajectories of the society development. According to the research results, it has been established that the manifestation of Dagestan youth spiritual activity lies at the basis of the formation of its spiritual health, is the production of social and cultural norms, needs, that is what is called the spiritual values of the values-oriented society. The research results show that satisfaction of material needs is a motivation for the young respondents to intensify activities threatening their spiritual health. At present, Dagestan youth tends to reject the traditional experience rather than its assimilation. The complex socio-political and economic conditions of the development of Russian society contribute to emerging two different trends in the value consciousness of Dagestan youth: the actualization of material values and the pursuit for new forms of worldview. The admission of Dagestan young people's actions to improve their material needs, which are condemned and punished in a civilized society, reveals a deep spiritual and moral crisis, the primacy of the material over the spiritual. It is concluded, that in the conditions of a risk society, the departure from the traditional values of Dagestan society and the implementation of Western values and norms became the component of contemporary Dagestan youth spiritual life. In other words, the process of adopting and implementing Western values and norms of material consumption in the practical activities of youth presents a serious threat to spiritual health.

Keywords: spiritual health, Dagestan youth, spiritual values, material values, risk, students of youth.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-74-81>

Социальные риски той или иной степени выраженности существуют в любом обществе и являются атрибутом всякого социального развития. На данном этапе функционирования общества (так называемого общества неопределенности и риска) разного рода риски стали угрожать нормальному существованию социума, поскольку оказались доведенными до крайней степени выраженности. Причем это риски и угрозы не только природно-экологического, производственно-техногенного характера, но, прежде всего, социального и духовного. Источни-

ком, порождающим риски и угрозы духовному существованию (в том числе и духовному здоровью) молодежи является кризис в социализационно-институциональной сфере российского общества. Поэтому исследование рисков снижения духовного здоровья дагестанской учащейся молодежи необходимо осуществлять в ракурсе изучения кризиса институтов духовной жизни, для которых сегодня характерен невысокий уровень эффективности.

Многие социологи исходят из того, что причиной кризисного состояния институтов духовной жизни, рисков и угроз духовной социализации молодежи выступает деформация духовных измерений общества, утрата способности к поиску и рефлексии глубинных смыслов социального бытия¹.

Отталкиваясь от базового вывода о духовном неблагополучии российского общества как следствия и трансформации российского общества и основного фактора кризиса его культуры здоровья, следует отметить, что в научных исследованиях, так или иначе связанных с духовной составляющей здоровья молодежи, выделяется несколько подходов. Так, одни подходы акцентируют внимание исследователей на влиянии социально-экономических факторов, другие – психосоциальных и объясняющие риски в сфере физического, психосоциального и духовно-нравственного здоровья, третьи – на значимости социокультурных факторов и институтов духовной жизни в формировании и динамике социального и духовного здоровья различных групп населения (социокультурный подход)².

Анализируя духовную жизнь личности, С. В. Соколов называет такие негативные тенденции духовной жизни социума, как все возрастающая тенденция социально-экономического неравенства, разрушение жестких границ между нормой и ненормальным, стремительная погоня молодого поколения за европейским образом жизни, усиливающий духовный кризис. А когда в обществе разрушаются общественные идеалы, то рушатся и социальные и духовные нормы как средства социальной регуляции поведения индивида и группы, что становится источником различных социальных дисфункций и социальных рисков в эпоху господства плюрализма. Именно фактор плюрализации в сфере социальных норм и ценностей стал фактором масштабного кризиса, охватившего прежде всего духовную сферу³.

Глубокий социокультурный кризис как результат постсоветского периода развития России и деформации институтов духовной жизни выразился в формировании пространной зоны духовных рисков в сфере ценностей, потребностей и норм, которые в совокупности стали рисками снижения духовного здоровья молодежи: свойственное современному российскому обществу превалирование материальных ценностей над духовными привело к потере большинством

молодых людей смысла жизни и понижению психосоматического и духовного здоровья⁴. По мнению О. А. Митрошенкова, одной из угроз формированию здоровой духовности является неэффективность института государства проводимой им политики и низкая ее корреляция с декларируемыми целями модернизации России; засилье безвкусицы, пошлости и потребительства в СМИ; недоступность многих социокультурных и духовных благ для большей части населения, а также «утверждение в качестве культурных норм вульгарных образцов, формирующих неразвитые потребности и вкусы населения, особенно молодежи»⁵.

Эмпирической базой исследования является авторский социологический опрос по теме «Духовное здоровье дагестанской учащейся молодежи», проведенный в 2017 г. в Ботлихском, Буйнакском, Дербентском, Карабудахкентском, Казбековском, Кизлярском районах, гг. Махачкала, Хасавюрт, Каспийск Республики Дагестан. $N = 936$. По образовательному признаку: 9-й класс – 43,0%, 10-й класс – 24,9%, 11-й класс – 32,1%; по возрасту: до 15 лет – 35,1%, 16 лет – 19,5%, 17 лет – 14,1%; по гендерному признаку: юноши в возрасте 15–17 лет – 47,2%, девушки в возрасте 15–17 лет – 52,8%; по отношению к религии: 96,9% верующие, 3,1% неверующие.

Рассуждая о социологическом анализе рисков и угроз духовному здоровью дагестанской учащейся молодежи, стоит упомянуть позицию М. Дуглас, говорящей о том, что попытки изучения риска (в том числе и риска духовному здоровью) молодежи без отслеживания и принятия во внимание ее социокультурной специфики являются тщетными⁶.

Отечественные социологи акцентируют внимание на нравственных основаниях риска как необходимого элемента любого выбора. Иначе говоря, отличительной особенностью социокультурного подхода к выявлению рисков и угроз духовному здоровью учащейся молодежи является признание того факта, что риск социально конструируем, и его оценка зависит от ценностных ориентаций, что актуализирует вопросы риска в сфере духовной жизни⁷. Духовная жизнь молодого поколения, будучи сложным, целостным активно-творческим процессом деятельности молодых людей, направлена на освоение и преобразование ими мира, созидания, сохранения, обогащения и освоения культуры. В ходе данного процесса у учащейся молодежи удовлетворяются, продуцируются, развиваются специфические человеческие социальные нормы, ценности и потребности. Духовная жизнь молодежи определяется как способ воспроизводства молодежью ценностей культуры, который опирается на материальные практики и определяет их. Взаимосвязь как материальной, так и духовной жизни общества детерминирована главным связующим началом – человеком, поскольку

именно он выступает субъектом и материальной, и духовной жизни.

Зависимость духовной жизни от материальной никак нельзя назвать абсолютной, и об этом красноречиво говорит относительная самостоятельность разумных форм общественного сознания. Так, по мнению М. А. Магомадова, множество различных явлений в социальной, культурной, научной, духовно-нравственной и иных сферах жизни не представляется возможным интерпретировать лишь из материальной жизнедеятельности. К примеру, программы ядерного вооружения или клонирование учеными живых организмов, требующие огромных финансовых затрат, никак не обусловлены актуальными материальными потребностями общества. Все это свидетельствует о проблеме глобального характера, связанной с переходом к постиндустриальному (информационному) обществу. В этой проблеме современные ученые гуманитарных направлений (культурологи, социальные философы, социологи и др.) видят, с одной стороны, трансформацию духовной жизни общества, а с другой – нравственно-психологическую, культурную и духовную трансформацию человека, что неизбежно ведет к рискам в области духовного здоровья. Нравственно-психологическая и духовная трансформация приводит к массовым нарушениям психики различных слоев населения, и прежде всего молодежи как особо уязвимой группы. Результатом трансформации личности молодого человека является склонность к девиациям и аддиктивному поведению, социальной агрессии, безысходности и социальной апатии, культу потребления, неадекватному восприятию окружающей действительности, преобладанию материального над духовным⁸.

В ходе реформирования в духовной сфере российского общества нельзя не заметить ряда негативных аспектов деятельности СМИ, так или иначе являющихся угрозой для формирования духовного здоровья учащейся молодежи. Согласно результатам социологических исследований Центра социологии молодежи ИСПИ РАН, тенденции трансформационных изменений ценностных ориентаций современной молодежи в условиях неопределенности и кризиса духовной жизни заключаются в следующем: во-первых, для процесса формирования ценностной структуры молодежного сознания характерно противоборство двух пластов – традиционного (духовно-нравственного) и современного (прагматично-потребительского), причем отмечается тенденция движения по направлению к современным ценностям в противовес традиционным; во-вторых, изменения структуры ценностных ориентаций учащейся молодежи отражают процесс рационализации и прагматизации молодежного сознания. Это связано с тем, что в молодежных ценностных ориентациях явно обнаруживаются противоречия между рацио-

нально-прагматичными и духовно-нравственными ценностями, что, безусловно, является отражением кризисных явлений духовной жизни⁹ и, как следствие, становится причиной слабого развития духовного здоровья молодежи.

Здоровье стало важнейшим инструментом достижения прагматических целей, и среди квалификационных признаков концепта здоровья у современных россиян исследователи выделяют здоровье как ценность, но ценность инструментального порядка, когда здоровье интерпретируется как понятие экономическое («здоров буду и денег добуду»), прагматически заряженное (22,1%); здоровье как условие успешной и хорошей жизни (5,2%); здоровье как духовная составляющая – «жадность – здоровью недруг» (5,2%); здоровье как физическая составляющая (7,8%); здоровье как гармоничный идеал – «в здоровом теле здоровый дух» (3,0%); здоровье как отсутствие болезни (1,3%)¹⁰.

На своеобразие единства молодежи Дагестана разрушительно действуют современные процессы глобализации, которые стирают всю национальную специфику духовного становления и способствуют порождению национального нигилизма¹¹. Сегоднешней дагестанской молодежи свойственно скорее отвержение традиционного опыта, нежели его усвоение.

Развитость или неразвитость принципов духовного здоровья у дагестанской учащейся молодежи показывает допустимость тех или иных поступков с целью получения материальной выгоды и улучшения своего материального состояния. Поэтому для нас важным является установление соотношения духовных и материальных ценностей, а также существующих в молодежной среде современного дагестанского общества духовных тенденций и рамок, за пределы которых опрошенные не будут выходить ни при каких условиях.

Так, согласно нашим исследованиям, результаты ответов на вопрос «Если Вам представится возможность получения материальной выгоды, что для Вас будет более приемлемым из нижеперечисленных вариантов?» показывают следующую не очень приглядную картину. В частности, больше половины опрошенных допускают возможность «перепродажи товаров» (61,1%), в 2 раза меньше доля готовых с целью получения материальной выгоды заключить «брак по расчету» (32,3%), причем по гендерному признаку больших отличий не выявлено (31,7% юношей и 32,8% девушек). Каждый восьмой опрошенный по всему массиву (11,8%) готов на «физическую близость за плату», причем среди юношей их доля почти в 2 раза больше (14,4%) по сравнению с девушками (8,6%). Отсюда можно сделать вывод о том, что, несмотря на тяжелое материальное положение и неудовлетворенность им, дагестанские респонденты-девушки, по сравнению с юношами, демонстрируют отрицательное

отношение к возможности «вступления в физическую близость за плату». Далее, 12,0% среди юношей и 5,6% опрошенных девушек принимают взятку, и статистически небольшая доля респондентов отметила суждения «кража, воровство» и «мошенничество» (по 5,5%). В данном аспекте следует отметить, что такие противоправные действия, как взятничество, кража, мошенничество, являются уголовно-наказуемыми поступками, за которые придется нести ответственность. Кроме того, среди юношей, по сравнению с девушками, почти в 2 раза больше доля допускающих возможность получения взятки с целью улучшения своего материального благополучия. Как известно, ни одно религиозное учение (и мусульманство в особенности) не допускает и не поощряет вышеприведенные поступки для получения материальной выгоды, более того, некоторые из них считаются смертным грехом. Так, в православной аскетике им соответствуют восемь главных греховных страстей: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость.

В этой связи интересным для нас является анализ результатов опроса на данный вопрос по отношению к религии. Так, 32,0% верующей и 26,7% неверующей молодежи допускают вступление в брак по расчету; в то время как 60,0% верующих и 80,0% неверующих могут заняться перепродажей товаров; на физическую близость за плату готовы пойти 12,0% верующих, а таковых среди неверующих почти в 2 раза меньше (6,7%); 8,5% верующих и в полтора раза больше неверующих (13,3%) могут получить взятку, 5,4% верующих и 6,7% неверующих могут допустить кражу. Однако при этом каждый третий самоидентифицирующийся как неверующий принимает мошенничество против статистически небольшой доли верующих (4,4%).

В контексте сказанного выше заметим, что в исламской религии для категории населения, занятой торговлей, не установлен четкий критерий, по которому жестко определена наценка на товар, но при этом сформирована позиция, что торговая сделка должна быть произведена по обоюдному согласию. На первый взгляд такое либеральное отношение в торговой сфере не свидетельствует о допустимости в мусульманстве установления не соответствующей реальной стоимости продаваемой продукции цены, ибо в исламе порицается спекуляция, т. е. когда создается искусственный дефицит товара с целью его перепродажи, а также монополизация рынка.

В условиях возрастания социально-экономической неопределенности молодые люди с различным уровнем религиозности могут быть уязвимы в сфере духовного здоровья, поскольку религия как особая область сознания, мировоззрения и мироощущения неизбежно оказывает определенное воздействие на образ жизни мо-

лодежи, на все области духовного производства, культурные традиции, на всю многообразную социальную среду, на поведение современной молодежи¹².

Таким образом, удовлетворение материальных потребностей для опрошенной молодежи является мотивацией к активизации деятельности, угрожающей ее духовному здоровью. Свидетельством обеднения духовной сферы жизни современной дагестанской молодежи, утраты ею нравственных устоев становится тот факт, что опрошенная молодежь в определенной мере позитивно настроена к перепродаже товаров, которая может перейти в спекуляцию, браку по расчету, проституции, взяткам, воровству и мошенничеству. Также обращает на себя внимание, что духовно-моральный статус девушек заметно выше, по сравнению с мужской частью опрошенного массива учащейся молодежи. Иными словами, наличие в массовом сознании дагестанской молодежи тенденций, допускающих определенное асоциальное поведение, свидетельствует о том, что в духовной сфере современного дагестанского общества происходят очень сложные и противоречивые процессы, что подтверждает неблагоприятный рискогенный климат в данной области.

На своеобразие единства молодежи Дагестана разрушительно действуют современные процессы глобализации, которые стирают всю национальную специфику духовного становления и способствуют порождению национального нигилизма. Сегодняшней дагестанской молодежи свойственно скорее отвержение традиционного опыта, нежели его усвоение. И даже тенденции религиозного возрождения в Дагестане, ориентация молодого поколения следовать исламским нормам поведения вряд ли сможет кардинально поменять ситуацию в данной сфере. Вместе с тем, по нашему мнению, культивирование общечеловеческих ценностей сможет выполнить позитивную роль в формировании духовного здоровья современной дагестанской молодежи. Одним из важнейших микросоциальных факторов, обеспечивающих активность молодежи в реализации проводимых реформ, становлении экономически сильной и политически стабильной России является социально-психологический настрой, готовность действовать в соответствии с определенными общественными установками и ценностными ориентациями. Ценности, ценностное сознание может быть как ускорителем проводимых преобразований, так и его тормозом. Поэтому весьма значимой и актуальной предстает задача исследования ценностного содержания деятельности молодежи¹³.

Проблема ценностей имеет многоплановый и многоуровневый характер. С одной стороны, к ним относят все то, что имеет значимый характер, – все результаты и продукты материальной, духовной деятельности. С другой стороны, цен-

ностями считают определенные духовные образования: идеалы, цели, представления о должном, прекрасном и истинном. Следовательно, надо различать ценности, которые могут быть материальными благами, обладать полезностью, удовлетворять жизненно необходимые потребности, выражать интересы, и ценности, которые суть продукты, результаты духовного производства, определенные духовно-идеальные образования, выражающие отношение индивида (группы, общества) к окружающему миру и являющиеся ориентирами поведения молодых людей¹⁴.

Если обратиться к нашему исследованию, то на вопрос «Что для Вас является наиболее важным в Вашей жизни?» получены следующие результаты: важными для опрошенных являются несколько параметров, среди которых по всему массиву доминируют «семья» (94,1%), «здоровье» (77,7%), «религия» (72,5%), «друзья» (63,6%), «учеба» (59,3%); 25,2% респондентов указали на значимость «общения», «удовлетворения духовных потребностей» (по 19,8%), а также «удовлетворение материальных потребностей» (19,5%); для статистически небольшой доли опрошенных важны «культурный досуг» (7,1%) и «общественное признание» (6,4%).

Это, на наш взгляд, можно считать показательным результатом, поскольку учащаяся молодежь Республики Дагестан видит взаимосвязь между семьей, здоровьем, религией, друзьями и учебой. При этом общественное признание занимает последнее место, из чего можно умозаключить, что молодежь, так или иначе нацеленная на удовлетворение материальных потребностей, не отдает себе отчета в том, что материальное благополучие не может быть оторвано от общественного признания. Более того, самой благородной традицией, особо чтимой в Дагестане, является существование межнационального согласия, позитивной межэтнической коммуникации и стабильности в обществе. И то, что молодежь ставит важность общения наряду с удовлетворением материальных потребностей, указывает на противоречивость, амбивалентность и некоторую степень инфантильности нормативного духовного сознания молодежи.

По месту проживания существенных отличий между позициями сельской и городской молодежи в определении наиболее важных в их жизни ценностей не установлено: так, 93,5% сельчан и 95,1% горожан важным считают «семью»; фактор «здоровье» отмечен 74,9% городской молодежи, доля таковых заметно больше среди сельской молодежи (81,6%). Маркер «религия» значим для 82,7% опрошенных в сельской местности, в городе доля отметивших его существенно ниже (65,1%). Важность иметь друзей подчеркивается 67,6% сельской и 60,8% городской молодежи; также, по сравнению с городской молодежью (51,4%), 70,3% опрошенно-

го сельского подмассива ориентированы на «учебу». Далее, одна четвертая часть горожан и одна пятая часть сельчан указали на значимость общения; также обращает на себя внимание позиция опрошенных в отношении «удовлетворения материальных потребностей» (23,9% городской и заметно меньшая часть сельской молодежи – 13,5%), на необходимость «удовлетворения духовных потребностей» указали 22,0% в городе и 16,8% в селе.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что для учащейся дагестанской молодежи при определении важной для себя системы ценностей заметные отличия не характерны, но вместе с тем такие различия проявляют себя при анализе полученного эмпирического материала по отношению к религии и месту проживания. Ценность индикатора «семья» для дагестанской молодежи не теряет своей значимости и по-прежнему остается одной из существенных традиционных ценностей, в отношении которой в массовом сознании имеется полное единогласие независимо от места проживания, пола, отношения к религии и возраста. Кроме того, индикатор «религия» выступает одним из значимых параметров жизненных ориентиров дагестанской молодежи, что вполне объяснимо на фоне усиления роли исламского вероучения в современном дагестанском обществе.

Несмотря на значимость нематериальных ценностей, нельзя сбрасывать со счетов важность материального компонента: исследователи отмечают существенный сдвиг ценностных ориентиров современной молодежи в сторону прагматизма. Поэтому материальное благополучие, ориентация на обеспеченную жизнь нельзя осуждать, хотя их гипертрофия тоже способствует духовному оскудению, при том что молодежь отмечает значимость денег, богатства и роскоши: деятельность, ориентированная на достижение материального благосостояния, утратила моральное осуждение, а сами деньги стали мощным регулятором не только экономического поведения, но и духовно-нравственных отношений¹⁵.

Далее в нашем исследовании респондентам был задан вопрос «Какие отрицательные явления (пороки) среди учащейся молодежи в дагестанском обществе тревожат Вас более всего?», позволяющий выявить существующие в массовом сознании молодых дагестанцев ценностные установки. Полученные данные показывают, что больше половины опрошенных волнуют проблемы наркомании (79,9%), алкоголизма (63,3%), хамство, грубость в отношении представителей старшего поколения (61,7%), плохое воспитание (61,5%), проституция (54,4%), воровство, кражи личного (государственного) имущества (54,9%); однако не менее актуальны и существование вражды и неприязни к людям другой национальности (44,2%), падение морали и нравственно-

сти (38,3%), вражда и неприязнь к людям иного вероисповедания (36,9%), неуважение личности (33,0%), страсть к деньгам, обогащению (25,5%), отсутствие личной безопасности (в общественных местах, на улице) и уклонение от службы в армии (по 10,7%). Можно сказать, что морально-нравственный кризис приобретает характер своеобразной личной потери на фоне ослабления таких качеств, как человечность, милосердие, доброта, знание общечеловеческих моральных принципов, истории и традиций своего народа и т. д. Иными словами, моральный «облик» дагестанского общества, впрочем, как и качество межличностных взаимоотношений, выступают своего рода «болевыми точками» массового сознания дагестанской учащейся молодежи.

На вопрос «Какие поступки и поведение лично для Вас являются недопустимыми и не могут быть оправданы?» большая часть дагестанских респондентов придерживается отрицательного отношения практически ко всем перечисленным вариантам ответов. При этом первую пятерку составляют самоубийство (60,1%), проституция (59,8%), сексуальные связи с человеком своего пола (58,4%), употребление наркотиков (53,1%) и добрачные сексуальные связи (44,5%), которые негативно воспринимаются общественным сознанием. Следующую пятерку, которая не менее значима для опрошенных, составляют пьянство (43,3%), политическое убийство (39,3%), измена Родине (37,5%), публичное проявление неприязни к представителям иных национальностей (34,1%), курение (30,7%); третья пятерка включает в себя обогащение за счет других (28,6%), нарушение законов (26,4%), дача/получение взятки (21,1%), покупка краденых вещей (18,6%), уклонение от службы в армии (10,7 %); при этом невысокий уровень осуждения имеют наличие деловой необязательности (8,9%) и безбилетный проезд в транспорте (8,6%).

Ранее в ответе на вопрос «Какие отрицательные явления (пороки) среди учащейся молодежи в дагестанском обществе тревожат Вас более всего?» отмечали позицию «проституция», и в ответах на вопрос «Какие поступки и поведение лично для Вас являются недопустимыми и не могут быть оправданы?» 54,6% опрошенной сельской молодежи и 63,5% городской отмечают неприемлемость для себя «проституции», которое дополняется суждением «сексуальные связи с человеком своего пола» (56,2% сельской молодежи и 60,0% в городе). На недопустимость курения указывает 39,5% сельской и заметно меньшая доля городской молодежи (24,3%); также 43,8% сельчан и 45,1% горожан не принимают «добрачные сексуальные связи». Результаты опроса позволяют сделать вывод о более высоком правосознании сельской молодежи по сравнению с городской, которая не поощряет «нарушение законов» – 35,1 и 20,0% соответственно. При этом 38,4% городской мо-

лодежи подчеркивает неприемлемость для себя «публичного проявления неприязни к представителям иных национальностей» против 28,1% сельчан.

Если посмотреть на результаты данного опроса в возрастном разрезе, то в определении практически всех поступков между поколениями 15–16 лет и 17–18 лет разницы не выявлено, зато в определении недопустимости для себя «политического убийства» и «измены Родине» можно отметить отличия: доля осуждающих «политическое убийство» в возрасте 15–16 лет составляет 42,5% против 34,1% 17–18-летних; измену Родине осуждают 54,6% опрошенных в возрасте 15–16 лет и 50,6% 17–18-летних. Иными словами, результаты нашего исследования не свидетельствуют о наличии в современном дагестанском обществе возрастной преемственности морально-нравственных установок. Кроме того, мы исходим из предположения, что материальное положение респондента в существенной степени определяет степень принятия моральных норм: материальное положение не принимающих многие морально-нравственные нормы, значительно выше, хотя в нашем исследовании каждый второй опрошенный по всему массиву уровень материального благосостояния своей семьи оценивает как «хорошее, мы можем себе позволить все необходимое» (40,5%) и каждый третий считает его средним – «мы можем себе позволить покупку многих вещей, но покупка действительно дорогих вещей (машина, квартира, дом и т. д.) вызывает затруднения» (39,3%). Более того, мы допускаем возможность более легкой формы адаптации в новых условиях для категорий людей, у которых низкие, по сравнению с другими, морально-нравственные нормы и стандарты поведения.

Таким образом, сопоставление двух вопросов «Какие отрицательные явления (пороки) среди учащейся молодежи в дагестанском обществе тревожат Вас более всего?» и «Какие поступки и поведение лично для Вас являются недопустимыми и не могут быть оправданы?» показывает, что опрошенные ни в коей мере не приемлют, более того, и не оправдают поступки, наличие которых в современном дагестанском обществе вызывают у них тревогу, что свидетельствует о формировании в установках дагестанской учащейся молодежи понятий «духовное здоровье» и «духовно здоровый человек». Если результаты ответов на первый вопрос показывают факторы ухудшения духовного здоровья, то второй вопрос свидетельствует о возможном поведении дагестанской учащейся молодежи.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что на довольно низких позициях находятся нормы и правила поведения, характеризующие отношения человека с властью и законом. Как показывают результаты нашего исследования, многие поступки, среди которых можно отметить взяточничество, нарушение законов, укло-

нение от службы в армии и т. д., опрошенными в той или иной степени не осуждаются, более того, даже не вошли в десятку недопустимых моральных норм. Но при этом можно констатировать существование неизменной интолерантности в установках дагестанской молодежи к поступкам, которые традиционно относят к аморальным (самоубийство, проституция, сексуальные связи с человеком своего пола, употребление наркотиков и добрачные сексуальные связи). То есть вышеперечисленные поступки не теряют общественного порицания и по-прежнему находятся в морально-нравственной сфере и, следовательно, регулируются посредством моральных норм. В целом в структуре ценностного сознания современной учащейся молодежи преобладают ценности, носящие преимущественно индивидуалистический, дифференцирующий характер. Они связаны с достижением лично значимых целей, при этом ценности интегративного характера утратили свои доминирующие позиции.

Результаты авторского исследования фиксируют изменения в ценностных предпочтениях: растет значимость индивидуальных ориентаций, для одних – это отдых и развлечения, для других – красивая и комфортная жизнь, для третьих – собственное благополучие и карьера, для четвертых главными остаются ценности благополучия своей семьи, здоровья, хорошей (оплачиваемой) работы. Эти выводы подтверждают тенденцию к росту идеологического и мировоззренческого плюрализма, многовариантность, «мозаичность» и фрагментарность молодежного мировоззрения. Усиливаются позиции тех, для кого важнейшими становятся ценности собственности и имущественного положения, реализуемые сквозь призму утилитаризма, индивидуальных предпочтений и устремлений.

Все это позволяет нам сделать вывод о том, что в условиях общества риска составляющей современной духовной жизни дагестанской молодежи стал некоторый отход от традиционных ценностей дагестанского общества и имплементация западных жизненных ценностей и норм. Иными словами, серьезной угрозой духовному здоровью стал процесс перенимания и претворения в практической жизнедеятельности молодежи западных ценностей и норм материального потребления. В обществе риска старые ценности и нормы в сознании молодежи подвергаются сомнению, утрачивают свою стабильность, основной смысл духовной социализации перемещается с простого усвоения социально-культурных ценностей и норм на поиск установок и способов деятельности, соответствующих меняющимся общественным условиям и нормативам.

Таким образом, в ценностном сознании дагестанской молодежи можно выделить следующие характеристики: 1) амбивалентность, сочетание противоположных и противоречивых оценок; 2) нестабильность, изменчивость; 3) эклектич-

ность, сочетание элементов различных ценностей; 4) отсутствие выраженного интереса к политике и властным отношениям, стойкая политическая индифферентность; 5) «приниженность» духовных идеалов, доминирование прагматических установок; 6) ориентации на гедонистические ценности, получение гедонистических наслаждений; 7) преобладание инструментальных ценностей над терминальными.

Многие прежние ценности заменяются «новыми», некоторые из традиционных перемещаются на периферию ценностного сознания, хотя по-прежнему играют значительную роль в мотивационно-ценностной структуре определенной части молодежи. Ее установки и поведение – лишь в большей или меньшей степени адекватная реакция на происходящие изменения в современном российском, в том числе и дагестанском, обществе, опирающиеся на собственные представления о значимости тех или иных ценностей и их роли в самореализации.

Кроме того, имеет место слабое влияние российской общественности на формирование у молодежи здоровых потребностей и укоренение высоких духовных ценностей в сознании и поведении.

Примечания

- 1 См.: Арсланов В. Постмодернизм и русский «третий путь»: tetium datur российской культуры XX века. М.: Культурная революция, 2007. С. 178–182.
- 2 См.: Везрманн Р., Хелемяэ Е. Оценка здоровья мужчинами и женщинами в России, Эстонии, Литве и Финляндии // Социс. 2016. № 7. С. 109–118; Рагимова О. А. Динамика социального здоровья подрастающего поколения // Изв. Сарат. ун-та. Нов. Сер. Сер. Социология. Политология. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 20–23.
- 3 См.: Соколов С. В. Проблемы развития мира в условиях глобализации // Россия и проблемы глобализации: материалы III регион. науч. конф. (Н. Новгород, 15 апреля 2002 г.). Н. Новгород: НКИ, 2002. С. 87; Бауман З. Социология постмодернизма. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 1991. С. 16; Filyushkina D. V., Volkov Yu. G. Spiritual lumpenization of the Russian society in the circumstances of globalization // Middle East Journal of Scientific Research. 2014. Т. 21, № 3. С. 449–452.
- 4 См.: Вавилова И. Н. К вопросу о духовно-нравственном развитии личности // Армия и общество. 2013. № 1 (33). С. 1–6.
- 5 Митрошенков О. А. Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социс. 2005. № 11. С. 39.
- 6 Цит. по: Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. С. 23.
- 7 См.: Шахбанова М. М. Язык как признак этнической самоидентификации // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. Вып. 2. С. 289–294; Ее же. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андо-цезской группы). Махачка-

- ла : АЛЕФ, 2012 ; *Ее же*. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андо-цезских народов Дагестана : дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2012 ; *Ее же*. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016.
- ⁸ См.: Магомадов М. А. Отражение закономерностей духовной жизни общества // Вестн. СГУ. 2007. № 48. С. 27–31 ; Янковская О. В. Противоречия техногенного общества и их отражение на духовных ценностях молодежи // Вестн. КГУ. 2008. № 4. С. 275–278.
- ⁹ См.: Власова В. Н., Щербакова Л. И., Самыгин С. И. Система ценностных ориентаций молодежи как отражение кризиса духовной жизни общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2. С. 22–26.
- ¹⁰ См.: Петкау А. Ю. Паремиологический портрет концепта здоровье в постсоветскую эпоху // Вестн. НовГУ. 2014. № 77. С. 92–93.
- ¹¹ См.: Ибрагимова П. А. СМИ и культурные традиции Дагестана // Вестн. НГГУ. 2012. № 1 (2). С. 313.
- ¹² См.: Юсупова Г. И., Гаджимурадова А. К. Роль религии в межкультурном и межцивилизационном диалоге Запада и Востока // Вестн. ДНЦ РАН. 2012. № 47. С. 100–109.
- ¹³ См.: Ибрагимова П. А. Указ. соч. С. 313–314.
- ¹⁴ См.: Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи : диагностика и тенденции изменений // Социс. 2008. № 2. С. 83.
- ¹⁵ См.: Самсонова Е. А., Ефимова Е. Ю. Молодежь Тулы : ценностные ориентации и реалии повседневной жизни // Социс. 2007. № 11. С. 113.

Образец для цитирования:

Казиева М. З. Духовное здоровье дагестанской учащейся молодежи: социологический анализ рисков и угроз // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 74–81. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-74-81>

Cite this article as:

Kazieva M. Z. Spiritual Health of Dagestan Student Youth: Sociological Analysis of Risks and Threats. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 74–81 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-74-81>

УДК 316.4.05

Финансовая организация как специфический объект социологического исследования

П. Ю. Кулагина

Кулагина Полина Юрьевна, аспирант кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kulaginapyu@mail.ru

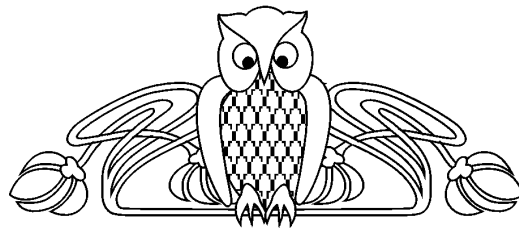
Выход России из социально-экономического кризиса определяет необходимость перехода финансовых организаций к устойчивому целевому развитию. Обеспечение данного развития предполагает уточнение изменения сущностных черт финансовой организации, рассмотрение социально-трудового конфликта как условия реализации данного развития. Поэтому сегодня важно не только уточнить трансформацию сущности финансовой организации, но и выявить роль социально-трудовых конфликтов как социальной предпосылки ее развития, доказать, что конфликты представляют собой неотъемлемую часть социально-трудовых отношений данной организации, предпосылку ее динамичного развития. Цель работы – определить специфику финансовой организации как социальной системы, в результате анализа теоретических научных традиций уточнить социально-трудовые активы развития финансовой организации. Методологическая основа исследования – функциональный методологический подход, определяющий трактовку организации как социальной системы, имеющей специфическую структуру, элементы, факторы развития, каждый из которых выполняет определенную функцию. В результате исследования раскрыты основные социально-трудовые активы финансовой организации: социальные ресурсы (состав работников, владеющих специфическим финансово-профессиональным потенциалом); финансовые ресурсы (депозиты, технологии, информационные потоки). Сделан вывод, что финансовая организация – это социальная система, оказывающая услуги по осуществлению денежного кругооборота, кредитования, реализации ценных бумаг. Ее развитие определяет постепенную модернизацию социально-трудовых принципов, переход к формированию инновационных факторов организационного развития. Процесс развития финансовой организации неизбежно формирует условия социально-трудовых конфликтов. Нельзя абстрагироваться, негативно относиться или механически административно подавлять данные конфликты. Важно систематически диагностировать социально-трудовую среду, выявлять факторы обострения конфликтов, реализовывать программы их сглаживания и разрешения.

Ключевые слова: финансовая организация, социально-трудовой конфликт, социальные активы.

Financial Organization as Specific Object of the Sociological Research

P. Yu. Kulagina

Polina Yu. Kulagina, <https://orcid.org/0000-0003-0438-370X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, kulaginapyu@mail.ru

Russia's exit from social and economic crisis defines the need of the financial organizations' transition to sustainable target development. Ensuring this development involves clarifying the changes in the essential characteristics of the financial organization and considering social and labor conflicts as a condition for the implementation of this development. Therefore, today it is important not only to clarify the transformation of the financial organization essence, but also to identify the role of social and labor conflicts as a social prerequisite for its development, to prove that conflicts are an integral part of the social and labor relations of the organization, a prerequisite for its dynamic development. The investigation purpose is to determine the specifics of the financial organization as a social system and, on the basis of theoretical scientific traditions results analysis, to clarify the social and labor assets of the financial organization. The methodological basis of the research is a functional methodological approach determining the interpretation of the organization as a social system with its specific structure, elements, development factors, each of which performs a specific function. The investigation results are: the main social and labor assets of a financial organization, the social resources (the composition of employees with specific financial and professional potential), the financial resources (deposits, technologies, information flows) are disclosed. The conclusion: a financial organization is a social system that provides services for the implementation of monetary circulation, lending, sale of securities. Its development determines the gradual modernization of social and labor principles, the transition to the formation of innovative factors of organizational development. The process of financial organization development inevitably creates the conditions for social and labor conflicts. It is impossible to ignore negative or mechanical administrative means to suppress these conflicts. It is important to systematically diagnose the social and labor environment, identify the factors of aggravation of conflicts and to realize the programs for their smoothing and resolution.

Keywords: financial organization, social and labor conflict, social assets.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-82-86>

В условиях выхода России из социально-экономического кризиса, развития российского рынка инновационных, информационных, образовательных услуг трансформируются организационные системы, обновляется деятельность всего комплекса хозяйственных организаций, в том числе и финансового типа. В современных финансовых организациях не только постоянно возрастают практики использования цифровых информационных ресурсов, совершенствуется их номенклатура, но и изменяется состав, модернизируются деятельные функции субъектов труда, осуществляется слияние и поглощение мелких и средних социальных структур крупными. В результате обновляются не только процессы функционирования финансовых организацион-

ных систем, но и их сущностное проявление. Последнее приводит к необходимости уточнения новых характеристик и сущностных черт современных финансовых организаций. В результате анализа теоретических научных традиций важно уточнить активы развития финансовой организации. Для достижения данных целей необходимо решить как минимум три исследовательские задачи: выявить и проанализировать различные социологические концепции, рассматривающие содержание современной организации в целом, а также организационных структур финансового типа; обозначить преимущества и недостатки рассматриваемых теорий; определить актуальные черты современной финансовой организации, уточнить технологические и социальные тенденции их развития. В научных источниках существует ряд теоретических разработок по данной проблематике. Разделим данные теоретические доктрины на несколько групп: междисциплинарные концепции теории организации; социокультурные парадигмы финансовой организации; организационные концепции социологии конфликтов. Рассмотрим базовые методологические подходы.

В рамках междисциплинарного методологического подхода (общих концепций теории организации) представляются принципы формирования любой современной организации как комплекса социальных субъектов. Т. Парсонс констатирует, что всякий тип организации представляет собой социальную систему, организованную и нацеленную на достижение ранее определенных целей. Достижение целей, с одной стороны, является признаком любой микро- и макроорганизации, с другой стороны, «исполнением одной из функций еще более широкой системы, а именно – общества»¹. Современная организация любого типа – это система, которая имеет определенное структурное проявление. Она представляет собой сознательно регулируемый социальный комплекс с жестко определенными границами, которые функционируют на относительно постоянной основе для достижения общей цели или целей². То есть организация неизбежно является компонентом общих систем и характеризуется социальной структурой. Поэтому содержание любой организации социально. Ведь организация – это универсальный комплекс, связанный с подготовкой и непосредственной деятельностью субъектов, направленной на оптимизацию взаимодействия машин, использование сырьевых ресурсов, реализацию технологий. В этой связи необходимо подчеркнуть, что главное в социально-экономической системе – не технологии, не машины, не сырье и даже не техника, а рабочая сила, социальные принципы функционирования организации. По сути, современная организация – это не машины, а прежде всего социально-трудовые отношения людей³.

Таким образом, на уровне междисциплинарной концепции организации представлены ее общие принципы как социального комплекса. Обосновано, что современная организация представляет собой социальный комплекс, определенным образом организованный, а также нацеленный на достижение формальных целей, решение специфических профессиональных задач. Тип организации как раз и определяется исходя из специфики поставленных целей и задач. В данном контексте финансовая организация – это организация, где ставятся финансовые цели, достижение которых осуществляется с помощью финансовых инструментов, работников, владеющих финансовым профессиональным потенциалом. Она является социальным комплексом, так как представляет собой совокупность социальных субъектов (работников), имеет определенную социальную структуру, представляет собой сознательно регулируемый саморазвивающийся социальный комплекс.

Данные разработки имеют существенные недостатки. Во-первых, исследователи пытаются организацию отождествить с механистической моделью формального социального комплекса. Здесь человек представляется в виде индивидуализированного трудового субъекта с формально закрепленными признаками, мотивами, интересами, стремлениями, нуждами, ограничениями. Между тем всякий субъект организации выступает как личность, поведение которой сложно, а порой и невозможно формализовать. Во-вторых, отсутствует анализ социокультурной составляющей сущности финансовой организации, не раскрываются особенности ее организационной культуры.

Данные недостатки преодолеваются в рамках социокультурных парадигм финансовой организации. В рамках социокультурных концепций доказывается, что финансовая организация, прежде всего, характеризуется особой деловой организационной культурой. Последняя, с одной стороны, может рассматриваться как проявление сущности финансовой организации, с другой – характеризоваться как набор «структурных социальных компонентов»⁴. Исследователи выделяют формы финансовых организаций (банки, небанковские кредитные организации, инвестиционные компании, кредитные союзы) и соответствующие им типы организационной культуры. В данном контексте финансовые организации, как и соответствующие им культурные определенности, формируются по двум критериям: 1) специфика трудовых функций работников; 2) характер движения и воспроизводства человеческого капитала. Подчеркивается, что финансовая организация объединяет в себе людей, имеющих специфический профессионально-трудовой человеческий капитал, выполняющих деловые функции, связанные с оборотом денежных средств. Данные люди работают в сфере фи-

нансовых потоков и имеют особенную «систему ценностей, норм и правил»⁵.

Несложно заметить, что характеристика финансовой организации через концепцию культуры имеет практический и теоретический смысл. В рамках данных характеристик должны уточняться специфика человеческих потребностей и способностей, рассматриваться последовательность и осмысленность трудовых действий акторов. Формирование организационной культуры в современной финансовой организации и становление ее как таковой – идентичные процессы. Ведь освоение работниками ценностей и норм организации, формирование определенного набора финансовых принципов поведения не только является условием развития их человеческого капитала, но и определяет социальную финансовую устойчивость деятельности организации, ее социальную структурированность и социальную интеграцию. По сути, если финансовая культура работников равноценна и соответствует аккумулированному ими опыту финансовой деятельности, то можно описать, а также условно систематизировать содержание данной финансовой организации, определить ее социальную устойчивость, уровень социальной интеграции и потенциальную способность к трудовой адаптации.

Теоретические социально-культурологические концепции представляют два типа социальных проблем трудовых групп финансовой организации «вне зависимости от их размеров: 1) проблемы выживания, роста и адаптации к внешним условиям; 2) проблемы внутренней интеграции, которой определяются рутинное функционирование и способность к адаптации»⁶. Данный подход позволяет рассматривать финансовую организацию как структурное подразделение финансовой отрасли, которая объединяет людей, реализующих собственный финансовый человеческий капитал, разделяющих определенный набор ценностей, норм, трудовых принципов. Финансовая организация здесь – это социально-культурная система, объединяющая работников, осуществляющих поведенческие финансовые функции и одновременно являющихся представителями финансовых культурных ориентаций, действующих исходя из финансовых деловых ценностных понятий и представлений. Данные люди идентично отвечают на трудовые запросы и вопросы. Они отличаются меркантильным стилем ценностной ориентации. Последнее можно выявить в результате их ответов на типовые вопросы: что представляет твоя трудовая организация? кто ты? как ты воспринимаешь окружающий мир? как ты относишься к другим людям? как ты ведешь себя, действуешь, используешь свое рабочее и свободное время, социальное пространство? В ответах на представленные вопросы чаще всего прозвучат ответы, где будут превалировать выгода, прибыль,

оптимальные формы распределения прибыли, денежные потребности и интересы.

Представленные разработки социокультурных парадигм имеют недостатки. Во-первых, в рамках данного подхода существенно сужается сущность финансовой организации до социокультурной составляющей работников данных организаций, их профессионального потенциала. Остается вне анализа целевая ориентация организационных структур, специфика трудового взаимодействия работников. Во-вторых, исследователи не представляют специфики противоречий функционирования финансовой организации, не раскрывают предпосылок проявления социальных конфликтов ее функционирования.

Рассмотрим организационные концепции социологии конфликтов. Функционализм в рамках теории организационного конфликта представляет собой наиболее распространенный подход, где рассматриваются современные социальные организации различных форм и видов. В рамках рассмотрения конфликтного проявления организационных процессов, с одной стороны, интерпретируется тип организации, с другой – рассматривается специфика социального процесса, характеризующего сущность организационной системы. А. Г. Здравомыслов в этой связи подчеркивает, что для любой организации важным конфликтологическим знанием является ряд теоретических принципов и положений, определяющих необходимость выделить следующий ряд форм протекания социально-трудовых конфликтов⁷. Здесь проявляются сущностные черты организационной системы в виде социально-трудового конфликта как нормы существования финансовой организации в условиях становления цифровой экономики.

В настоящее время не только увеличивается социально-экономическая роль цифровых информационных ресурсов и сетей в общем процессе предоставления информационных финансовых услуг, но и возрастает спрос на цифровые услуги. Последние становятся объектом потребления, купли, обмена, продажи. Резко возрастает объем «использования систем электронного документооборота и методик обучения технологиям электронного правительства»⁸, увеличивается общественное информационное потребление во всех общественных отраслях – от социальной сферы и производства до банковского сектора.

В новых условиях конфликты проявляются как позитивный фактор целесообразного обновления финансовой организации, явление, инициирующее институционализированное обновление и модернизацию ее трудовых отношений⁹. Он, с одной стороны, является результатом роста внешней и внутренней социальной неопределенности, с другой – определяет форму ее преодоления. Как социальная, так и финансовая неопределенность организации проявляет себя не только как функция роста количества информационных

потоков, которые имеются в финансовой организации по поводу конкретного фактора, но также и как функция достоверности социальной и финансовой информации. Поэтому данные формы неопределенности являются результатом развития ситуации, при которой невозможно диагностировать и контролировать характер и состояние внутренней, а также внешней среды финансовой организации. Поэтому неопределенность характеризует повышение недостоверности информации, появление факторов роста конфликтных отношений, невозможность точно оценивать и прогнозировать трудовые процессы, изменение потребностей, действия потребителей, а значит, и прогнозировать трансформацию внешней среды организационной системы.

Заметим, что если информации недостаточно или данная информация не точная, то социальная среда теряет предсказуемость и управляемость, возникают социально-трудовые конфликты, растет неопределенность. По мере перехода организационной системы от одного уровня к другому неопределенность, а также непредсказуемость ее развития возрастают. Социальная, как и финансовая, неопределенность растет, когда возрастает необходимость для организации использования новых информационных ресурсов. Социальная неопределенность усиливается при необходимости административных решений, принимаемых в быстро и динамично «развивающейся организационной системе»¹⁰. Наивысший потенциал неопределенности проявляется в социокультурной, финансовой, политической средах.

Таким образом, в рамках организационной концепции конфликта финансовая организация – это социально-финансовая система, функционирующая на основе двух факторов – социального (состав работников, владеющих специфическим финансово-профессиональным потенциалом) и финансового (состав финансовых ресурсов, технологий, информационных потоков). Процесс функционирования финансовой организации определяет необходимость, с одной стороны, диагностирования роста неопределенности внешней и внутренней социальной и финансовой среды, с другой стороны, реализации способности к контролю и управлению социально-финансовыми конфликтами. В рамках современной финансовой организации осуществляются оценка, прогнозирование, контроль и регулирование социально-трудовых конфликтов. Администрация не стремится их подавить или игнорировать. Технология регулирования социальных и финансовых конфликтов в данной организации связана с действием формальных, а также неформальных норм, правил, процедур, которые создают общие принципы и правила функционирования всего финансового пространства. Активно применяются процедуры посредничества, переговоров, социального проектирования развития организационной культуры.

Представленные разработки социально-конфликтных концепций имеют недостатки. Во-первых, в рамках данного подхода основной акцент в деятельности финансовой организации делается на формирование финансовой, социальной и информационной неопределенности, преодоление конфликтных противоречий ее функционирования. Специфика системы социально-трудовых отношений, разработки и реализации стратегий данной организации не учитывается. Во-вторых, исследователи абстрагируются от функциональных особенностей финансовой организации, не рассматривают многомерные формы классификации ее организационных структур.

Подводя итог приведенного анализа, можно представить обобщенный подход при выявлении сущности финансовой организации. В рамках данного подхода финансовая организация – это хозяйственная социальная подсистема, являющаяся активным участником денежной системы региона, а также отдельной страны. Финансовая организация формально действует на основании государственной регистрации и лицензии, оказывает услуги по осуществлению денежного кругооборота, кредитования, реализации ценных бумаг. Основными активами финансовой организации являются: социальные ресурсы (состав работников, владеющих специфическим финансово-профессиональным потенциалом); финансовые ресурсы (депозиты, технологии, информационные потоки). Реализация активов финансовой организации позволяет ей осуществлять ряд важнейших социальных функций: активизацию общественного воспроизводства денег и ценных бумаг; перераспределение денежных средств; консультирование и оценку финансовых агентов общества. Исходя из реализуемых функций, имеются следующие три основные формы финансовых организаций: банки (посреднические финансовые организации, участвующие в обороте денег и ценных бумаг); небанковские кредитные организации (участвуют в осуществлении перераспределения средств и сбережений); инвестиционные компании и кредитные союзы (осуществление узкоспециализированного менеджмента финансовых средств, а также диагностика и реализация ссудо-сберегательных услуг финансовых акторов).

В современных условиях роста социальной и экономической неопределенности финансовая организация – это адаптивная социальная система. Она ориентирована не только на оценку и контроль информационных потоков, факторов развития социально-трудовых конфликтов, но и на реализацию стратегий приспособления, имеет гибкую социальную структуру, стремится внедрять новые знания. В ней преобладает направленность на развитие творческого инновационного потенциала работников, партнерское социально-трудовое сотрудничество, формиро-

вание профессиональных команд, развитие организационных стратегических интересов.

В рамках современной финансовой организации происходит отказ от классических организационных принципов, не способных обеспечить эффективность функционирования финансовой организации в условиях информационной неопределенности. Осуществляется постепенная модернизация организационных принципов, переход к формированию инновационных факторов организационного развития: отказ от тотальной централизации административной власти, демократизация деятельности отдельных филиалов; перестройка процессов контроля структурных подразделений; формирование информационных центров как структур, осуществляющих деятельность по сбору, анализу, ранжированию и обработке информационных потоков; становление механизма оценки и разрешения социально-трудовых конфликтов.

Примечания

- ¹ Parsons T. Suggestions for a Sociological Approach to the Theory of Organizations // *Administrative Science Quarterly*. 1956. September. Vol. 1, № 1. P. 69.
- ² См.: Мильнер Б. Теория организации. М.: ИНФРА-М, 2000.
- ³ См.: Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. Современная социологическая интерпретация общественного воспроизводства // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 46–52. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-46-52
- ⁴ Баландина Т. М. Социальные коммуникации в системе организационной культуры предприятия // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 167. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-166-169
- ⁵ Шихирев П. Деловая культура – это культура получения и распределения прибыли // *Управление персоналом*. 2000. № 11. С. 15.
- ⁶ Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. С. 25.
- ⁷ См.: Здравомыслов А. Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // *Социс*. 1993. № 8. С. 12–21.
- ⁸ Паньшин Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // *Наука и инновации*. 2016. № 3 (157). С. 17.
- ⁹ См.: Хисматуллина З. Н. Организационные конфликты: понятие и типология // *Фундаментальные исследования*. 2005. № 3. С. 108–110.
- ¹⁰ Баландина Т. М., Быченко Ю. Г. Экономическое действие как форма социального действия // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2018. Т. 12, № 3. С. 37.

Образец для цитирования:

Кулагина П. Ю. Финансовая организация как специфический объект социологического исследования // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 82–86. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-82-86>

Cite this article as:

Kulagina P. Yu. Financial Organization as Specific Object of the Sociological Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 82–86 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-82-86>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32+303

«Исторический метод» современного политического исследования: проблемы интерпретации

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Предметом анализа в настоящей публикации является смысл «исторического метода», на который сегодня ориентировано использование этого метода в отечественных политических исследованиях. Автор приходит к заключению, что смысл этот близок к тому, которым руководствуются представители других современных гуманитарных наук, когда используют общенаучный «исторический метод» для изучения порядка и динамики изменений в природных и социальных системах в прошлом. Смысл этот вместе с тем вариативен. Вариативность эта влияет и на качество самих политических исследований, и в особенности на качество научной экспертизы их методологических оснований. В публикации анализируются условия, при которых вариативность общенаучного смысла «исторического метода» способна привести автора современного политического исследования и эксперта к разным оценкам качества методологии этого исследования и к недоверию объективности этих оценок.

Ключевые слова: методы политического исследования, исторический метод.

“Historical Method” of Modern Political Research: Problems of Interpretation

N. I. Shestov

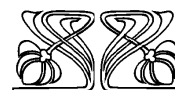
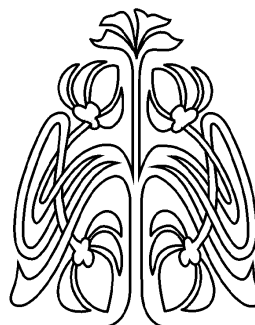
Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The subject of analysis in this article is the meaning of the “historical method”, on which domestic political studies are based today. The author comes to the conclusion that this meaning is close to that which is followed by representatives of other modern humanitarian sciences when they use the general scientific “historical method” to study the order and dynamics of changes in natural and social systems in the past. This meaning, however, is variable. This variability affects the quality of political research itself and, in particular, the quality of the scientific expertise of their methodological foundations. The article analyzes the conditions under which the variability of the general scientific meaning of the “historical method” can lead an author of a modern political research and an expert to different assessments of the quality of the methodology of this research and to the distrust of the objectivity of these assessments.

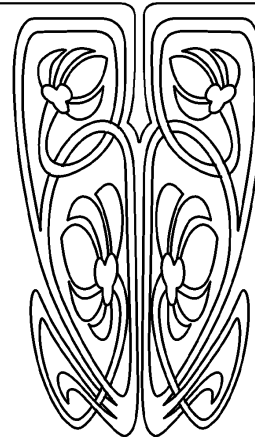
Keywords: political research methods, historical method.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-87-92>

В ряду методов, при помощи которых отечественные политологи осуществляют сегодня свои исследования, довольно часто фигурирует «исторический метод». Внимание политологов к этому методу оправдано. Добросовестному специалисту трудно рассуждать о современной российской политике, ее особенностях и тенденциях и не принимать во внимание пространственного и временного масштаба процессов государственного строительства и общественного развития, результатом которых эта современная политика является. Применение «исторического метода» к изучению современной российской политики оправдано тем, что сама эта политика глубоко исторична с точки зрения ее целей, форм и смыслов.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Вместе с тем упоминание в политологическом тексте, в публикации или диссертации о применении его автором «исторического метода» каждый раз создает проблему. Проблему смысла, которым политолог наделяет понятие «исторический метод», когда включает это понятие в структуру своего научного текста. Для человека, которого в политологическом тексте интересуют, прежде всего, конечные оценки и выводы специалиста, она не очевидна. Более очевидна эта проблема для эксперта, задача которого оценить не только сам научный результат, но и качество того теоретического инструментария, при помощи которого данный результат был получен и корректность применения которого обеспечила этому результату необходимую достоверность.

В современной политической науке за минувшее столетие сложилась традиция, как тот или иной метод понимать и применять. Она, эта традиция, прописана и закреплена в учебных пособиях по методам политического исследования. Ее придерживаются специалисты по теоретическим и прикладным проблемам политической науки. Эксперт и автор рецензируемого научного исследования, раз они в процессе своего профессионального становления приобщились к этой традиции своей науки, казалось бы, должны достаточно легко прийти к взаимопониманию в вопросе корректности методологии. На деле же взаимопонимание, именно *взаимопонимание*, достигается достаточно редко. Чаще его подменяет простое согласие эксперта не требовать от коллеги «слишком много» в плане работы над теоретическими основами своего исследования. То есть не выяснять в деталях, что именно тот имеет в виду, когда говорит о применении в своем политическом исследовании того или иного метода, например «исторического метода». Выяснение деталей, действительно, могло бы увести процедуру экспертизы в сторону, потому что автору политологического текста и эксперту пришлось согласовывать свои позиции по ряду трудных теоретических вопросов, далеких от проблематики конкретного политологического исследования, особенно прикладного.

В случае с «историческим методом» первое, что должны были бы сделать в идеале автор и эксперт, это как раз определиться со своим отношением к упомянутой традиции. Как часто бывает с традициями, у этой тоже есть свои минусы. Очевидный минус состоит в том, что традиция возводит в норму методологии политического исследования подмену автором этого исследования характеристики смысла и назначения того или иного метода его условным и общепринятым в науке названием. Методологию конкретного исследования современные политологи, особенно начинающие свою научную карьеру, часто собирают, как детский конструктор «Lego», из ярких и стандартных деталей. В роли таких деталей выступают некие «общепринятые» условные назва-

ния методов – «системного», «структурно-функционального», «институционального» и т. д.

Традиция эта своим происхождением обязана во многом обстоятельствам становления современной отечественной политологии. А конкретно тому, что многие методы изучения современной демократической политики (а именно на ней сосредоточилось внимание отечественных политологов в последние три десятилетия) отечественные специалисты в готовом виде заимствовали у своих зарубежных коллег. Зарубежная наука, ее достижения в разработке теории демократии и изучении разнообразных демократических процессов выглядели для отечественных политологов тем эталоном, который надо просто максимально аккуратно копировать и использовать для изучения российской политики. Тем более что политика эта, как тогда полагали многие отечественные политологи, могла и должна была развиваться строго по логике «демократического транзита». Все это стало основой для распространения в среде отечественных политологов уверенности, что методы политической науки, хотя и созданы для изучения либеральной демократии в Старом и Новом свете, в сущности, универсальны. А потому они не требуют от российского политолога какой-либо существенной доработки при их применении к изучению российской политики, в том числе в ее историческом измерении. Достаточно в политологическом тексте просто привести общепринятое условное название того или иного метода, «исторического метода» в частности, и, как говорили в Античности, «умному будет достаточно!».

Здесь, надо заметить, дает о себе знать фундаментальный пробел в профессиональном знании отечественных политологов, особенно последнего поколения. Большинство из них в период вузовского обучения не имели возможности профессионально, на научной основе, изучать историю даже собственной страны. По этой причине они чаще всего не в курсе тех дискуссий, которые вели прежде и ведут сегодня профессиональные историки по поводу «смысла и назначения истории» (если воспользоваться известной формулировкой К. Ясперса), а также о способах получения достоверного знания о прошлом разных государств и народов в разное историческое время. А потому для них ближе представление об «истории» как школьной дисциплине, как «истории вообще». Это представление об «истории» как более или менее кратком обзоре основных фактов из прошлой жизни разных государств и народов, для изучения и усвоения которого от школьника не требуется никаких особых теоретических знаний и исследовательских навыков. Максимум, что ему нужно, это уметь читать учебник по «истории» и запоминать события и даты. С таким порядком действий часто в сознании политологов и ассоциируется «исторический метод» изучения политики.

Такой в полном смысле мифологический подход к методологии своей науки не нарушает согласия в рядах отечественных политологов и привычной технологии экспертных процедур до тех пор, пока не найдется кто-то, кто, подобно мальчику из сказки Г.-Х. Андерсена, не скажет: «А король голый!». Иначе говоря, пока этот «кто-то» не обратит внимание своих коллег на тот факт, что за большинством условных и общепринятых в современной науке названий методов, «исторического метода» в том числе, стоят очень разные трактовки специалистами его смысла и порядка применения в научном исследовании.

Так обстоит дело, например, со всеми «базовыми» методами современного политического исследования. Отечественные и зарубежные классики теоретической политической мысли за минувшие два столетия наполнили понятия «системный метод», «структурно-функциональный метод», «институциональный метод», «неинституциональный метод» очень разными, порой взаимоисключающими смыслами. Они же предложили очень разные варианты практического приложения этих методов.

Мы этих создателей методов политического исследования потому, собственно, и считаем сегодня «классиками», что они не повторялись в своих теоретических инициативах и предложили каждый свою, вполне законченную и функциональную трактовку того или иного метода. Тем самым каждый из них еще на шаг продвинул вперед развитие теоретических основ современной политической науки.

В такой ситуации автору политологического исследования и эксперту надо либо формально следовать сложившейся методологической традиции, т. е. делать вид, что «исторический метод» он и есть «исторический метод», и больше на эту тему рассуждать не имеет смысла, либо искать в разнообразии интерпретаций «исторического метода» точки соприкосновения в своих представлениях о смысле и порядке его применения в политическом исследовании.

Условия такого выбора, заметим, различны для автора политического исследования и эксперта. Преимущество автора в том, что он может легко оправдать свое нежелание вникать в теоретические детали. Автор может рассуждать так: раз новый и практически значимый результат мною достигнут, то какая разница, при помощи каких методов? Для эксперта, в принципе, важны именно детали того смысла метода, которыми руководствуется или не руководствуется исследователь. На основании этих деталей эксперту легче всего и надежней определить уровень новизны и достоверности выводов и рекомендаций, к которым пришел исследователь.

Если автор и эксперт решат все же в своей профессиональной дискуссии по поводу методологии руководствоваться не мифами об «истории», заложенными в их сознание школьным и

вузовским образованием, а современным требованием к научной методологии, то им придется согласовывать свои мнения по целому ряду позиций. Требование, в сущности, простое: уровень сложности понимания исследователем своего метода должен соответствовать уровню сложности понимания им своего предмета – исторических проблем современной политики в данном случае.

Выяснение деталей придется начинать с вопроса о статусе «исторического метода», о его принадлежности к ряду методов специально-научных или общенаучных. «Исторический метод» – это метод исторической науки, который политологи прямо заимствуют у своих коллег по цеху, или же это метод общенаучный, которым на равных правах могут пользоваться представители разных наук?

Для осуществления экспертизы политического исследования это практический вопрос. Потому как, если политолог говорит об использовании им «исторического метода» применительно к изучению политических процессов, институтов и технологий либо наследия политической мысли и понимает его как метод именно исторической науки (пусть даже в метафорическом смысле этого определения), это одно. Эксперт в таком случае вправе требовать от автора доказательств, что результаты его исследования, полученные с применением «исторического метода» как метода исторической науки, являются результатами действительно политологического, а не исторического исследования.

При этом и эксперту, и автору придется включить в повестку своего диалога о методе тот факт, что сами историки порой пользуются понятием «исторический метод» в его специфически-историческом статусе, как метафорой. Когда им важно подчеркнуть специфику того теоретического ракурса, в котором они, в отличие от других гуманитариев (например социологов, использующих «социологический метод», или философов, использующих «философский метод»), видят и фиксируют в качестве своего предмета научного исследования постоянно меняющуюся социальную реальность. Понятие «исторический метод» в устах историка в этом случае характеризует не столько его намерение изучать конкретный предмет с конкретных теоретических позиций, сколько содержит в себе его заявку на профессионально-корпоративную идентичность. В том смысле, что он, профессиональный историк, тем и отличается от других гуманитариев, философов, социологов и т. д., что в своих научных поисках реализует «исторический метод» как специфический набор профессиональных компетенций.

Если же политолог, в своем научном тексте упоминающий «исторический метод», имеет в виду общенаучный метод ретроспективного исследования природных и социальных процессов,

то это никак не может быть основанием для сомнений в «политологичности» его научного текста. Политолог вправе свободно пользоваться «историческим методом» как одним из базовых методов современной науки как таковой. У науки в целом и у отдельных ее направлений есть своя, более или менее длительная и масштабная «история», т. е. последовательность достижений и просчетов в постановке и решении теоретических и прикладных задач, поддающаяся интерпретации и упорядочению. Современной науке важно реконструировать, хранить и презентовать обществу и элитам такое знание о своем противоречивом прошлом в качестве свидетельства своего зримого прежнего вклада в общественный прогресс и своих возможностей увеличить этот вклад в будущем. Вклад этот, сделанный наукой прежде, служит оправданием нынешнего общественного и государственного доверия к ней.

Есть, кроме того, своя история становления у предмета каждой из современных наук, а также у ее теоретических основ. И все это физики, биологи, медики и т. д. изучают с опорой на современные общеполитологические представления о причинах, порядках и последствиях изменений в базовых социальных практиках, одной из которых является наука в целом и в отдельных своих ответвлениях.

Автор политологического текста и его эксперт чаще всего в такие философские тонкости не вникают. Они полагаются на свой личный творческий опыт, интуицию и традицию теоретизирования, сложившуюся в отечественной политологии за минувшие три десятилетия ее развития. Все вместе это обеспечивает им возможность в своей научной коммуникации использовать «по умолчанию» то представление о статусе «исторического метода», которое, как им кажется, наиболее соответствует свойствам научного текста и потребностям его научной экспертизы. Это создает трудность, порой большую, в методологическом диалоге эксперта и автора.

Хорошо, если личный творческий опыт, интуиция и приверженность одной традиции оформления и теоретического оснащения политологического текста приведут того и другого к одинаково позитивному отношению к формулировке «в настоящем исследовании использован исторический метод». Тогда очень вероятно позитивная оценка экспертом корректности методологии и достоверности научного результата. В случае же несовпадения таких представлений возможна ситуация, когда эксперт будет критиковать автора за ненадлежащую методологию исследования, а автор рецензируемого труда – подозревать эксперта в желании «придаться к мелочам». Основой коммуникации автора и эксперта станет в этом случае взаимное подозрение в научной недобросовестности.

У эксперта и автора есть, в принципе, возможность не полагаться только на свою интуи-

цию и опыт, а конкретно определиться с пониманием статуса той теоретической конструкции, которую каждый из них в своем сознании определяет понятием «исторический метод». В разделе своего политологического исследования, посвященного методам работы, автор вправе объяснить по этому поводу со своим экспертом. Заявить, например, что в данном своем конкретном политическом исследовании, когда он говорит о применении «исторического метода», то имеет в виду метод ретроспективного изучения политики. Эксперт будет точно так же вправе с ним согласиться или не согласиться. В любом случае в методологическом диалоге автора и эксперта появится больше конкретики и объективности, и первый шаг к взаимопониманию будет сделан.

Останутся, вместе с тем, другие проблемы интерпретации «исторического метода» как метода политического исследования. Они не обязательно должны ставиться и решаться каждый раз, когда политическое исследование подвергается экспертизе в части методологии. Но представление участников экспертной работы о сути этих проблем определенно способно в лучшую сторону повлиять на ход и итог этой работы. Даже если автор политологического текста и эксперт, интуитивно или осознанно, сошлись во мнении, что понятие «исторический метод» в данном тексте является смысловым эквивалентом общенаучного ретроспективного метода, то им в этом случае неплохо было бы определиться еще и с конкретным общенаучным смыслом «исторического метода». Смыслы существуют разные. Отечественным политологам сегодня есть из чего выбрать в этом плане. Есть, соответственно, и почва для того, чтобы эксперт, принципиально согласившись с выбором автора политического исследования в пользу общенаучного «исторического метода», не одобрил того, как именно автор понимает смысл использования этого метода в своем исследовании.

С одной стороны, в научном тексте юриста, биолога или медика понятие «исторический метод» будет обозначать некий достаточно универсальный способ решения исследовательской задачи (С. Кандрычын¹, Г. В. Федорова², К. С. Бельский³, О. А. Егорова⁴). Способ этот подразумевает, что ученый судит о свойствах природного объекта или социального субъекта, а также о характере связей между ними на основе своих наблюдений за естественными изменениями в этих свойствах и связях в пространстве и времени, существовавших прежде. «Исторический метод» в своем общенаучном смысле выступает, таким образом, альтернативой эксперименту, в котором характер, порядок и скорость изменений устанавливает сам исследователь. Применение «исторического метода» имеет даже некоторое преимущество перед экспериментом. В том смысле, что исследователь, не вмешивающийся в изменения и лишь наблюдающий за

тем, как они происходили на определенных отрезках исторического пространства и времени, получает дополнительный стимул к уверенности в своей объективности; в том, что в своих суждениях и оценках он воспроизводит картину исследуемой природной или социальной реальности «так, как оно есть на самом деле».

Тем не менее главное, что определяет смысл обеих научных процедур, – возможность для исследователя выявить и проследить изменения в исследуемой реальности. Казалось бы, вот то оптимальное и для политолога-эксперта, и для автора политологического труда, который он рецензирует, толкование общенаучного смысла «исторического метода». Политика всегда была и остается той социальной практикой, в которой изменения идут постоянно и с высотой, в сравнении с другими социальными практиками, интенсивностью. С этим не станет спорить ни один профессиональный политолог. Здесь есть, соответственно, основания для применения «исторического метода» как инструмента изучения политики в ее естественных прошлых состояниях изменчивости.

С другой стороны, препятствием к такому простому решению является различие мнений все тех же юриста, биолога или медика (как и многих других пользователей «исторического метода» в его общенаучном смысле) по поводу того, какого именно рода «изменения» в окружающей природной и социальной реальности и для чего должен выявлять и наблюдать исследователь. По мнению одних теоретиков, порядок и смысл использования общенаучного «исторического метода» познания должны быть подчинены задаче выявления *закономерностей* в развитии различных процессов. Другие настаивают, что главное, дающее ученому применение «исторического метода», – это возможность увидеть изучаемую реальность *в динамике*. То есть для наблюдения важны не только сами изменения объектов или субъектов, изменения в структуре связей. Не менее важно наблюдение за изменениями тех пространственных и временных контекстов, в рамках которых меняются упомянутые объекты, субъекты и связи. Третьи, рассуждая о функциональности исторического метода, отождествляют его с методом «генетическим». В том смысле, что его применение должно быть продиктовано необходимостью для ученого выявить и сопоставить *не развитые* и *развитые* состояния реальности, изучаемой им, а также реконструировать *процесс развития* этой реальности⁵.

Это, надо заметить, только те различия в подходах представителей разных наук к функциональности «исторического метода» как метода общенаучного, которые обнаруживаются при адресации запроса «исторический метод исследования» в поисковой системе «Яндекс». С ними, соответственно, с большой долей вероятности столкнется начинающий отечественный

политолог, когда попытается уяснить для себя смысл и назначение «исторического метода» при подготовке методологического раздела публикации или диссертации. Даже из такого краткого перечня разных мнений специалистов он может сделать вывод, что под общим названием «исторический метод» на самом деле скрываются очень разные ракурсы изучения политической реальности в ее прошедших состояниях и, соответственно, разные порядки и теоретические инструменты познания политической реальности. Какой порядок и какие инструменты выбрать, какой, иначе говоря, интерпретацией «исторического метода» лучше руководствоваться в данном конкретном исследовании изменений в политических объектах и субъектах?

При наличном разнообразии интерпретаций смысла и назначения «исторического метода», доступных политологу, ответ на этот вопрос опять же зависит от субъективных предпочтений автора и эксперта. А значит, любой из вариантов ответа может быть и источником их несогласия в том, как именно следует понимать общенаучный смысл и общенаучный порядок применения «исторического метода».

Помимо субъективных предпочтений исследователя и эксперта, источником их несогласия в вопросе понимания смысла и назначения общенаучного «исторического метода» в политическом исследовании может быть также и разница в их взглядах на меру значимости знания именно об изменениях в политике в минувшие времена для понимания ее сути. Что наиболее точно характеризует смысл политики как одной из наиболее древних социальных практик: то, что в ней постоянно меняется, или то, что в ней устойчиво?

С одной стороны, политика представляет собой непрерывный процесс изменений. Но, с другой стороны, были и есть в этом процессе постоянных изменений и «островки стабильности». И они довольно часто представляют самостоятельный интерес для политолога. Были и есть в политике социальные и элитарные ценности, коммуникативные практики (социальная мифология, например), общественные и государственные институты, которые представляют интерес и практическую значимость для изучения их политологом именно потому, что на уровне смысла, а порой и организации не меняются десятилетиями и даже веками. Это то, что можно назвать цивилизационным фундаментом политики как таковой. Иначе говоря, выражением ее сущности как особой социальной мета-практики, которая хуже или лучше, но позволяет людям согласованно, в режиме баланса своих личных, общества и государства разнообразных интересов и ресурсов управлять всем спектром прочих, неполитических общественных и частных практик. Эти неизменные «основы политики» представляют особый научный интерес тогда, когда политологу нужно осуществить прогнозирование

ние политики. Они для такого прогнозирования являются своего рода исходными пунктами. Но если автор политического исследования считает, что главное в политике – ее устойчивое начало, то у эксперта вполне могут быть иные представления о главном. Тогда возможно непонимание между автором и экспертом не только в вопросе, как изучать изменения в политике при помощи общенаучного «исторического метода», но также и в вопросе о том, насколько разумно политологу ограничивать себя в использовании этого метода только задачей выявления изменений в политике.

В связи с тем, что было сказано выше о смысле «исторического метода» в политическом исследовании, возникает еще один вопрос. Возможно ли специфически политологическое понимание того, что такое общенаучный «исторический метод» в политическом исследовании и для чего он там нужен? Разнообразие интерпретаций общенаучного «исторического метода» в рамках различных отраслей научного знания возникло не на пустом месте. Оно отражает естественное и общее для разных наук, гуманитарных и негуманитарных, стремление максимально адаптировать применение любого общенаучного метода, включая и «исторический метод», к особенностям своего объекта и предмета исследования. Политика как объект и предмет исследования тоже обладает несомненной спецификой. Формально это ее качество свидетельствует в пользу возможности для политолога, изучающего изменения в политике при помощи «исторического метода», привести нечто свое в понимание и применение этого метода. Этим «своим» могло бы быть понимание политологом «исторического метода» как метода выявления не одних

только изменений в политических процессах и структурах. Более соответствующим структуре и тенденциям развития политического знания является понимание «исторического метода» как теоретического инструмента выявления и научного описания баланса устойчивых (постоянных) и неустойчивых (переменных) факторов, условий, ресурсов, целей движения политики – баланса, ориентируясь на который, как в прошлой, так и настоящей жизни цивилизованных обществ и государств политологи каждый раз достаточно точно определяют: где имеет место просто частный конфликт человеческих интересов, а где – именно непрерывный политический процесс в его прошлом и настоящем измерениях.

Примечания

- 1 См.: Кандрычин С. О методе изучения исторических структур // Клио. 2008. № 4 (43). С. 10–19.
- 2 См.: Федорова Г. В. О методах исторических исследований // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2004. № 6. С. 43–45.
- 3 См.: Бельский К. С. Об историческом методе познания в науке административного права // Право и государство : теория и практика. 2012. № 6 (90). С. 75–79.
- 4 См.: Егорова О. А. К вопросу об исторических и логических методах в юридическом познании // Фундаментальные и прикладные научные исследования : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Сукиясян. Екатеринбург, 2015. С. 191–200.
- 5 См.: Столяров В. Исторический метод познания в современной науке. URL: <https://www.litres.ru/stolyarov-vladislav/istoricheskiy-metod-poznaniya-v-sovremennoy-nauke/chitat-onlayn/> (дата обращения: 24.12.2018).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Исторический метод» современного политического исследования: проблемы интерпретации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 87–92. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-87-92>

Cite this article as:

Shestov N. I. “Historical Method” of Modern Political Research: Problems of Interpretation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 87–92 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-87-92>

УДК 329.059470+571

Эволюция функциональности идеологий в партийном строительстве в современной России

В. И. Головченко

Головченко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkosgu@mail.ru

В статье рассмотрены основные тенденции в эволюции функциональности идеологий в деятельности партий в постсоветской России. Сделан вывод о том, что в современных условиях значительно снижена традиционная роль идеологий в качестве идентификатора и маркировочного фактора партий в политическом пространстве. В то же время продолжает оставаться значимой мотивационная роль различных идеологических ценностей, которые чаще всего используются партиями, независимо от формального декларирования приверженности конкретной идеологии.

Ключевые слова: идеологии, партии, партийное строительство, функциональность идеологий, идеологические ценности, конкуренция партий.

Evolution of the Functionality of Ideologies in Party Building in Modern Russia

V. I. Golovchenko

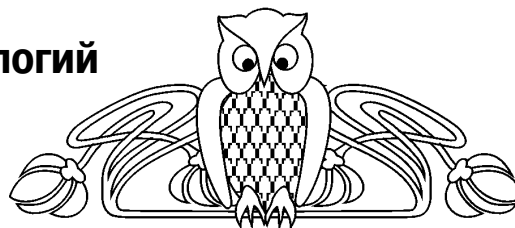
Vladimir I. Golovchenko, <https://orcid.org/0000-0001-8856-1723>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, golovchenkosgu@mail.ru

The article deals with the main trends in the evolution of the functionality of ideologies in the activities of parties in post-Soviet Russia. It is concluded that in modern conditions the traditional role of ideologies as an identifier and marking factor of parties in the political space is significantly reduced. At the same time, the motivational role of various ideological values, which are most often used by parties, regardless of the formal declaration of commitment to a particular ideology, continues to be significant.

Keywords: ideologies, parties, party building, functionality of ideologies, ideological values, competition of parties.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-93-97>

С момента возникновения политических партий современного типа идеология играла ведущую роль в их институционализации и определении функциональности. Не случайно одной из первых общепризнанных классификаций партий стало их деление М. Вебером на мировоззренческие и патронажные. Сами понятия «кадровые» и «массовые», «лидерские» и «электоральные», определяющие особенности партии в различных классификациях, в значительной степени зависели от того, в рамках каких идеологий они возникли и функционировали¹. Функциональность

данных партий не оставалась неизменной, она эволюционировала в результате изменений в политической жизни различных стран, произошедших в результате смены политических режимов, смены избирательных систем, трансформации социальной дифференциации обществ под воздействием различных факторов объективного и субъективного свойства. Особую роль сыграли «персонализация, профессионализация и медиатизация партийной деятельности, этатизация партий, ослабление их связей с обществом и некоторые другие современные тенденции в партийном развитии»². Соответственно, постепенно менялась и роль идеологий в качестве мировоззренческого и ценностного начала в их функционировании.

Специфическое становление партийной системы постсоветской России обусловило ускоренное прохождение тех этапов партийного строительства, которые в других странах занимали многие десятилетия³. В этой связи роль идеологического фактора в организационном и функциональном оформлении российских партий до сих пор остается предметом научных дискуссий.

По мнению К. В. Киселева, специфика институционализации политических партий в постсоветской России такова, что большинство из них представляют собой «квазипартийные образования», исследовать которые целесообразнее не в рамках классической партологии, а в «категориях клиентельных отношений»⁴. Собственно, такая постановка вопроса не выталкивает российских исследователей за предметное поле партологии, а лишь определяет одну из ключевых систем координат анализа особенностей возникновения и функционирования российских партий после краха советской политической системы. Тем не менее, даже в случае признания клиентельности как определяющего основания для структурирования партийной системы постсоветской России, неизбежно возникает необходимость их рассмотрения также и в системе идеологических координат. Это особенно важно в связи с тем, что границы между идеологиями становятся в определенной степени «прозрачными» и многие идеи и ценности становятся сквозными, общепризнанными для большинства политических партий. Данное явление не нивелирует политическую функциональность идеологий, но актуализирует потребность анализа

данного ценностного ядра как основания для формирования общегражданской политической культуры в современной России.

Н. И. Шестов рассматривает данную проблематику в более широком контексте, через призму концептуальной и функциональной конфликтности⁵. По его мнению, специфику становления российской партократии целесообразно рассматривать посредством «мифологических концептов». Обусловлено это тем, что функционирование различных политических институтов в рамках демократических процессов «генерирует в гражданском сознании различные, взаимно конфликтующие мифологические ракурсы восприятия политики»⁶. В результате наложения «однотипных по форме, но диаметрально противоположных по смыслу мифологических схем» стали возможными «ситуации оригинального синтеза советского и либерального понимания “демократичности” и “партийности”. Это хорошо заметно в российском партотроении (в периодическом появлении “партий власти”) и агитационно-пропагандистском творчестве современных отечественных политических партий»⁷. На наш взгляд, такой подход действительно позволяет выявить онтологическую сущность большинства крупных политических партий постсоветской России, но недостаточно акцентирует внимание на самодостаточной роли идеологии в соотношении обозначенных концептов «демократичности» и «партийности».

Рассматривая роль идеологического фактора в политической жизни современной России в контексте отсутствия четкости границ между идеологиями, Г. И. Мусихин акцент делает на сущности и функциональности популизма. По его мнению, последний «можно трактовать как фрагментарную идеологию, которая, будучи ограничена логикой собственного использования, тем не менее формирует определенный набор представлений, взаимодействующих с мыслительными конструкциями традиционных “целостных” идеологий»⁸. Такой подход, позволяет «посмотреть на логику развертывания популизма как столкновения антагонистических дискурсов элиты и общества»⁹. Особенно наглядно его проявление в деятельности партий-аутсайдеров, которые, в свою очередь, стимулируют использование популизма также и ведущими политическими партиями. На наш взгляд, представленная автором конфигурация популизма как «незавершенной идеологии», которая «паразитирует», как «вирус», на более развитых комплексных идеологиях¹⁰, недостаточно убедительна. Возникает резонный вопрос, кто является политическим носителем популизма в качестве самодостаточной «фрагментарной идеологии», способной в силу своей примитивности приживаться в «чужой клеточной среде»? Если это некое сообщество (пусть даже неформальное) сознательных популистов, ориентиро-

ванных на внедрение в более успешную среду, то в чем тогда состоит их самодостаточность? И в чем состоит «концептуальное ядро» популизма?

Как представляется, выделение в качестве такого самодостаточного ядра апелляции к «воле народа», к «народному суверенитету», к диалогическому противопоставлению интересов бедных и богатых, верующих и неверующих, титульной нации и нацменьшинств не вполне правомерно. Скорее, речь нужно вести об изменении содержательной и функциональной сущности современных партий, позиционирующих себя в качестве сторонников и носителей традиционных «комплексных идеологий». Деятельность партий в качестве главных субъектов политики, выступающих инструментами выражения и представления в политике интересов крупных социальных групп на основе апелляции к единым мировоззренческим и социальным ценностям, в последние десятилетия подверглась существенной эрозии. Причин тому много: от существенного изменения социальной стратификации современных обществ до изменения приоритетов в мотивации политического выбора. Эта эрозия была настолько существенной в большинстве стран, что нашла свое отражение в концепции деидеологизации.

Популизм стал неотъемлемым атрибутом самих партий, который должен был компенсировать утрату той роли, которую прежде играла идеология в качестве ценностного ядра в мотивации голосования за партии. То есть популизм – это не вирус, внедренный извне, а результат внутренней мутации функциональности политических партий, результат обострения конкуренции на одних и тех же электоральных полях, результат многомерности и подвижности мотивов политических предпочтений у представителей различных электоральных сегментов.

В России ситуация еще сложнее из-за резкого перехода от однопартийной системы, базирующейся на тотальной индоктринации государственной идеологии, к многопартийности, основанной на попытках искусственно, в ускоренном режиме, внедрить в массовое сознание ценности различных универсалистских и специфических российских вариантов тех или иных идеологий.

Возникшая пестрота и фрагментация постсоветского политического пространства в качестве неизбежной «детской болезни» не была изжита ни стремлением ускоренно внедрить либеральные ценности, ни политико-правовыми условиями по укрупнению партийной системы. Обусловлено это тем, что в условиях радикального перехода от одной политической системы к другой, от одного политического и социально-экономического строя к другому и резкого ухудшения материального положения большинства населения апелляция к идеологическим ценностям неминуемо приводила к их дискредитации. Особенно это ха-

характерно именно для либерального сегмента партийной системы современной России, ценности которого были дискредитированы в глазах большинства населения не только негативными последствиями радикальных реформ 1990-х гг., но и антинациональной позицией либералов в связи с возвращением Крыма в состав России и гражданской войной на Украине¹¹.

Более обоснованным представляется подход О. Ю. Малиновой, которая, анализируя влияние идей на политику, акцент сделала на его функциональной двойственности. Суть ее состоит в том, что «идеи могут выступать и проводниками инноваций, и инерционной силой, определяющей рамки возможных социальных изменений, т. е. фактором удержания и преемственности»¹². Однако обращение к опыту западноевропейских и американских исследователей такого двойственного воздействия идей на политику, которое обосновывает О. Ю. Малинова, на наш взгляд, должно быть дополнено разработкой отечественной методологии, учитывающей конкретный исторический опыт нашей страны в последние десятилетия. Особенно важно в рамках анализа такой функциональной двойственности оценить манипуляционный потенциал обращения различных политических сил к тем или иным идеологическим идеям. Выявить его не так просто с учетом того, что сами технологии манипулирования основываются на тщательной маскировке латентных целей субъектов политики, на апелляции в публичном информационном пространстве к благородным и социально значимым аргументам. Главным критерием в этом случае выступает практика, но в условиях специфического политического дизайна государственного устройства Российской Федерации он также нередко оказывается недостаточным. Например, партия «ЯБЛОКО» активно использует тезис о том, что даже в тот период, когда она была представлена в Государственной Думе, ее депутаты не могли реализовать декларируемые идеи и ценности партии в силу своей немногочисленности в парламенте. Лидеры КПРФ даже в тот период, когда их фракция была самой многочисленной в Государственной Думе, не могли воплотить свою программу на практике, апеллируя к тому, что стратегия развития всех сфер общественной жизни в нашей стране определяется Президентом Российской Федерации.

М. А. Аль-Дайни, анализируя манипулятивные технологии, выделила несколько их отличительных особенностей: «1) идеологический эклектизм, обусловленный перманентной идеологической инфильтрацией, которая способствует проникновению чужеродных элементов; отсутствие стабильного идеологического «ядра», базовых формообразующих стержневых идей, принципов идеалов, идейная бесформенность и структурная аморфность»¹³. Возникает вопрос: как быть с общемировой тенденцией признания

ключевых ценностей демократии представителями всех метаидеологий? Можно ли считать эклектикой признание лидерами КПРФ основных политических прав и свобод граждан, закрепленных в Конституции РФ? Думается, целесообразнее акцент делать именно на внутренней противоречивости идеологических элементов, на наличии тех ценностей, которые противоречат общей логике идеологического «ядра».

Второй особенностью, выделенной автором, является «установка на ретрансляцию идей, привнесенных извне, вместо внутреннего производства собственных идей»¹⁴. Как представляется, такой аморфный критерий определения манипулятивности идеологий ничего не дает. Например, если какая-то беспартийная группа инициативных граждан сфокусирует внимание партийных лидеров на какой-либо важнейшей общественной проблеме (экономической, социальной, экологической, молодежной, женской и т. д.) и партия сделает ее ключевой в системе идеологических ценностей и включит ее в свою программу действий – почему этот факт нужно будет считать признаком манипулятивности ее деятельности?

Еще более необоснованным в качестве такого критерия можно оценить третью особенность, выделенную автором: «...перманентные мутации в зависимости от характера массовых настроений, который, в свою очередь, детерминирован характером общественно-политической ситуации в государстве»¹⁵. Получается, по мнению автора, что партия должна следовать своим идеологическим ценностям и принципам, независимо от конкретных изменений в обществе и конкретных внутривнутриполитических и внешнеполитических обстоятельств, определяющих данную ситуацию. Подобный подход, например, демонстрируют российские либералы, которые, невзирая на очевидную информационную, политическую и экономическую войну США и их союзников против России, продолжают настаивать на своих идеологических установках о необходимости сближения с западноевропейскими странами¹⁶.

Четвертый признак манипуляционности идеологии партии, по мнению автора, состоит в отсутствии «собственной стабильной социальной базы и определенной социально-политической цели», в стремлении «привлечь на свою сторону максимально возможное количество людей без учета дифференциации их настроений»¹⁷. Фактически М. А. Аль-Дайни тем самым подвергла сомнению устоявшиеся оценки стратификации современных обществ по гораздо большим основаниям, чем это было в период формирования и функционирования классовых партий. Фактически каждый гражданин самостоятельно ранжирует предпочтения в своей мотивации голосования за ту или иную партию, и не все они находятся в одной и той же системе идеологических координат.

Наконец, к пятому признаку манипулятивных технологий автор отнесла «изменение типа доминирующей мотивации субъектов политического действия и типа отношений между участниками политического взаимодействия». В результате манипулятивные идеологии превращаются «из средства манипулирования в его объект, что, в свою очередь, порождает полное несоответствие формы, в которую они облачаются, и содержания ретранслируемых ими идей»¹⁸. Тем самым автор фактически полностью отрицает конструктивную функциональность метаидеологий, которые превращаются в инструмент манипулирования и служат маскировке «истинных целей» субъектов политики. Поэтому определенным диссонансом выступают приведенные М. А. Аль-Дайни характеристики «традиционных идеологий», суть которых состоит в дихотомичности приведенным выше признакам. Границу между традиционным и манипулятивным способом использования идеологий в политике автор фактически не определяет, констатируя наличие в современной России тенденции усиления манипуляционного начала в использовании идеологий политическими партиями. Прямого ответа на вопрос о том, есть ли сегодня традиционная функциональность идеологий, она не дает, хотя общий контекст ее публикаций позволяет предположить, что такое функционирование характерно для западноевропейских демократических стран. Однако большинство партологов, исследующих общемировые тенденции развития партий, утверждают, что классические партии уходят в прошлое и на первый план выходят «электоральные партии», ориентирующиеся в своей деятельности на конкретные конъюнктурные потребности избирателей.

В процессе эволюции партийной системы в постсоветской России функциональность партийных идеологий также менялась. В момент формирования партий и общественно-политических движений многие из них стремились использовать классический набор функций применения идеологий (мировоззренческий, ценностный, программно-теоретический, идентификационный и др.). При этом максимально использовался весь набор метаидеологий и их различных вариаций, сложившийся на тот период в мировой практике, а также возрождение специфического набора российских идеологических вариаций, имевших место в истории дореволюционной России. Однако в условиях отсутствия укорененности в массовом сознании идей и ценностей не только специфических, но даже базовых метаидеологий, большинство партий стали использовать декларирование приверженности к конкретным идеологическим ценностям, прежде всего для обозначения своих позиций в политическом пространстве и размежевания с другими партиями и движениями. С учетом того, что многие политические силы возникали

на одних и тех же идеологических основаниях, то акцент делался не столько на индоктринацию идеологических ценностей и принципов своей партии, сколько на демонстрации личностных качеств партийных лидеров. То есть формально идеологизированные партии на практике формировались как лидерские.

Еще одна тенденция, которая существенно повлияла на снижение качества функциональности партийных идеологий, – это дихотомическое деление в информационном пространстве постсоветской России всех партий на сторонников и противников демократических реформ. В результате в массовом сознании не закрепились особенности тех или иных идеологий, не происходило их осмысления в качестве мотивов политического поведения. Это особенно сильно сказывалось в условиях размежевания политических элит, с одной стороны, вокруг личности Б. Н. Ельцина, а с другой, вокруг его противников. Отечественные либералы, сделав ставку на харизму и волевые качества Б. Н. Ельцина в разрушении СССР и социалистического строя, фактически не использовали открыто в этот период либеральные ценности в качестве аргументов для привлечения населения на свою сторону. Акцент делали на критике недостатков и негативных явлений в различных областях общественной жизни периода перестройки и неспособности союзного руководства устранить существующие противоречия.

После прихода к власти либеральных сторонников Б. Н. Ельцина все свои информационные ресурсы они направили на обоснование радикального варианта реформ, базирующегося на максимальном разрушении основ советской политической и социально-экономической системы. Для этого использовали идеи и ценности либерализма XVIII–XIX вв., эпохи обоснования «государства ночного сторожа». Акцент делали на том, что тотальное государственное регулирование всех сфер общественной жизни нужно разрушить, а «невидимая рука рынка» и внедрение частной собственности все наладят и отрегулируют. Тем самым изначально закладывалось отторжение большей частью российского населения данного варианта либерализма, приведшего к резкому падению уровня жизни. Б. Н. Ельцин должен был стать гарантом такого варианта, а проправительственные партии – основным инструментом его реализации.

В совокупности данные тенденции привели к тому, что функциональность идеологий (либерализма прежде всего) была дискредитирована. Соответственно, никакой структуризации российского общества по идеологическим основаниям не произошло.

Особняком здесь можно выделить левые партии, которые пытались реанимировать различные варианты социалистической и коммунистической идеологии. Наиболее ресурсной в

этом смысле стала КПРФ, которая апеллировала к протестным настроениям и ностальгическим чувствам россиян. Переломным рубежом в этом смысле стали 1995–1996 гг., когда конкурирующие друг с другом сторонники либерализма, тем не менее, выступили единым фронтом в дискредитации лидера КПРФ и его единомышленников. После поражения Г. А. Зюганова на выборах Президента РФ в 1996 г. идеологический потенциал КПРФ в силу ряда объективных и субъективных факторов стал ослабевать.

В целом, подводя итог, можно констатировать, что целесообразнее вести речь не о превращении метаидеологий и их различных вариаций в некие манипуляционные идеологии, а о манипуляционном их использовании российскими политическими партиями. Функциональная сущность самих идеологий остается неизменной (мировоззренческое и ценностное ядро, обоснование отношения к прошлому и настоящему, формирование образа будущего и т. д.). Поэтому все зависит от целеполагания и особенностей их использования партийными носителями, т. е. от эволюции функциональности самих партий. К ним относятся и все обозначенные выше характеристики популизма, эклектичности и ущербности. Как минимизировать негативные последствия подобной партийной функциональности – это отдельный и самостоятельный вопрос для рассмотрения.

Примечания

- ¹ См.: Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л. А. Зиминой. 4-е изд. М. : Академический проект ; Трикта, 2007.
- ² Спасский Е. Н. Трансформация политических партий и их типологическая концептуализация : опыт западной партологии // Полития. 2008. № 2 (49). С. 111.
- ³ См.: Феномен многопартийности в российском обществе / В. М. Долгов [и др.] ; ред. О. Н. Гладышева. Саратов : Научная книга, 2006.
- ⁴ Киселев К. В. Партийное проектирование в совре-

менной России : роль идеологии. URL: <http://www.echoekb.ru/blogs/2011/3/4/1/1627/495/> (дата обращения: 22.03.2011).

- ⁵ См.: Шестов Н. И. Миф «демократичности» и миф «партийности» : логика концептуального и функционального конфликта // Демократия в современном мире. Демократия versus партотократия. Демократия versus бюрократия : сб. ст. рос.-герм. «круглых столов». М. : РОССПЭН, 2009. С. 136–153.
- ⁶ Там же. С. 137.
- ⁷ Там же. С. 151–152.
- ⁸ Мусихин Г. И. Популизм : структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Полития. 2009. № 4 (55). С. 40.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 51.
- ¹¹ См.: Вилков А. А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69
- ¹² Малинова О. Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях : в поисках адекватной методологии // Полис. 2010. № 3. С. 95.
- ¹³ Идеино-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. М. : РОССПЭН, 2011. С. 35.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Это, по сути, есть реинкарнация ленинской идеи периода Первой мировой войны, когда большевики продолжали руководствоваться установками предвоенных международных социалистических конгрессов, нацеливающих социалистов всех европейских стран, в случае начала войны, на ее превращение в гражданскую войну для свержения своих империалистических правительств. Большевики оказались, по существу, единственной политической партией, открыто призывавшей к «поражению своего правительства».
- ¹⁷ Идеино-символическое пространство постсоветской России ... С. 35.
- ¹⁸ Там же.

Образец для цитирования:

Головченко В. И. Эволюция функциональности идеологий в партийном строительстве в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 93–97. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-93-97>

Cite this article as:

Golovchenko V. I. Evolution of the Functionality of Ideologies in Party Building in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 93–97 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-93-97>

УДК 32.001

Духовно-нравственное состояние современного российского общества: политико-идеологические детерминанты

Ю. Н. Трифонов

Трифонов Юрий Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных дисциплин, Тамбовский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, liony12345@rambler.ru

В статье дана характеристика духовно-нравственного состояния современного российского общества, показана его обусловленность политико-идеологическими факторами. Обоснована необходимость выработки целостной государственной политики в духовно-нравственной сфере.

Ключевые слова: духовные ценности, политика, идеология, мораль, социальные нормы.

Spiritual and Moral Condition of Modern Russian Society: Political-Ideological Determinants

Yu. N. Trifonov

Yuri N. Trifonov, <https://orcid.org/0000-0001-9109-6076>, Tambov branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 14a, off. 219 Morshanskoe Shosse, Tambov 392008, Russia, liony12345@rambler.ru

The article describes the spiritual and moral condition of modern Russian society. Its conditionality by political and ideological factors is shown. The need to develop the whole state policy in the spiritual and moral sphere is justified.

Keywords: spiritual values, policy, ideology, morality, social norms.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-98-101>

Современное духовно-нравственное состояние российского общества весьма сложно, противоречиво и вряд ли может быть признано удовлетворительным. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры духовного оскудения, а порой и полной деградации. Духовные патологии и болезни весьма распространены и находят своё выражение в различных проявлениях асоциального поведения.

Причём негативные тенденции наблюдаются во всех составляющих духовной жизни общества – культуре (в том числе и политической), образовании, идеологии, морали, искусстве и т. д. Мы являемся свидетелями того, как подлинные проявления культуры теснятся её антиподами. Институт образования коммерциализируется и редуцируется к сфере образовательных услуг. Нормы морали «пробуксовывают», не выполняют в полной мере свою регулирующую функцию в силу того, что сама мораль, как нечто замшелое, объявляется пережитком прошлого. Воз-

ведённый в абсолюте принцип идеологического многообразия привёл к тиражированию самых разнообразных идей, вплоть до русофобских и им подобным, являющихся реакционными, чело-веконенавистническими по своей сути. В эстетическом сознании россиян место прекрасного всё увереннее и настойчивее занимает безобразное. Духовные идеалы высмеиваются и опошляются и, напротив, всячески культивируются самые примитивные потребности и т. п.

Вред духовному здоровью россиян наносится в результате того, что в ткань духовной жизни вплетаются в качестве не только допустимых, но и желательных, такие антиподы подлинной духовности, как аморализм, индивидуализм, эгоизм, гедонизм, нарциссизм, нигилизм, «мировоззренческий плюрализм», оккультизм и т. п.

Тем самым над обществом нависла угроза утраты подлинной духовности и подмены её различного рода суррогатами. Весьма метко на этот счёт высказался В. Ф. Пеньков: «Диктат бездуховности, захлестывающий российский социум, не менее страшен, чем диктатура государственной машины»¹.

В связи с этим закономерно возникает вопрос о причинах сложившегося духовно-нравственного состояния российского общества и о детерминирующих его факторах. К их числу А. А. Вилков вполне обоснованно относит, помимо конституционно-правовых, социально-экономические параметры, систему политической социализации и духовно-нравственного и патриотического воспитания, функциональность СМИ, демографическую ситуацию и т. д.²

Истоки же происходящего в духовной сфере, как представляется, коренятся в недалёком прошлом, когда произошло кардинальное переустройство общественного бытия на принципиально иных его основаниях (экономических, социальных, политико-идеологических, мировоззренческих и т. д.). Реализованный в 90-е гг. прошлого столетия политический курс на «переход от социализма к демократии», лукавый по своей сути, привёл не только к социально-экономическому упадку, но и к провалу в «духовную яму». Произошедшее весьма наглядно продемонстрировало действие объективного закона определяющего влияния экономической сферы на все стороны общественной жизни. Не осталась в стороне и её духовная сфера, включая политико-идеологический компонент.

Законы и сама природа рыночной экономики, особенно в их преломлении к современной российской действительности, жёстко ориентируют людей на приоритет материального над духовным, способствуют формированию индивидуалистической морали и в целом эгоцентрического мировоззрения.

Вслед за экономическими и политическими преобразованиями изменился и социальный портрет общества. Осуществлённая в наихудшем своём варианте приватизация национального богатства сформировала «новый» экономически сильный слой населения, который занял особое место в социальной структуре. Представители олигархического класса, получив некий налёт избранности, стали продвигать свою мораль и свои ценности. Всё это прививало, особенно молодому поколению, вкус к материальному успеху, причём здесь и сейчас, а в конечном счёте к обогащению любой ценой. Ведь для достойного места в потребительском обществе нужно иметь средства для потребления всего самого гламурного. Источники же их приобретения не имеют принципиального значения, главное – попасть в этот «потребительский рай».

В итоге мы вернулись к ранее известному состоянию, описанному классиками художественной литературы. Так, М. Горький охарактеризовал его одной фразой, которую внушал Яков Маякин Фоме Гордееву: «Жизнь очень просто поставлена: или всех грызи, или лежи в грязи»³.

Мировоззренческая установка на обогащение лежит в основе многих негативных явлений современного российского общества. Так, коррупция, вне всякого сомнения, – это не только вид преступного деяния, но и, прежде всего, проявление бездуховности, когда берут верх такие мотивы, как стяжательство, корысть, сребролюбие и т. д. Цель у всех, кто поклоняется «золотому тельцу», одна, и она оправдывает любые неблагоприятные средства для её достижения. В результате такие люди превращаются в денежный эквивалент человека, что противоречит подлинной его сущности.

Заметим, что стремление человека как к материальному, так и к духовному заложено в самой его природе, но какое из них возьмёт верх – определяется в наибольшей степени господствующими в данном обществе ценностными установками, социальными нормами и принципами, которыми люди руководствуются в своём поведении.

Приоритет же материального над духовным приводит к смысловому сдвигу позиции «иметь» в ущерб стремлению «быть», в основе которого лежат именно духовные потребности. В результате в духовной атмосфере общества остро ощущается чувство утраты смысла жизни, называемое В. Франклом «экзистенциальным вакуумом». Как отмечает Л. Х. Газгиреева, чувство смыслоутраты и потери жизненно важных

духовных ориентиров порождается бездуховностью, пронизывающей все поры общественного организма⁴.

Сложившаяся в духовно-нравственной сфере российского общества ситуация достаточно серьёзно контрастирует с тем, что заявлено на этот счёт в п. 78 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: «...к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины»⁵.

Как видно, наличие расхождения сущего с должным в данной сфере, когда традиционные российские духовно-нравственные ценности активно вытесняются ценностями постмодерна, которые зачастую ценностями и не являются.

Тем не менее, в системе российских духовно-нравственных ценностей наличествуют как традиционные, так и новационные компоненты. Новые формы духовной жизни, безусловно, нужны, если они таковыми являются по своему содержанию. Размывание же, а фактически метафизическое отрицание традиционных российских духовно-нравственных ценностей является одной из угроз национальной безопасности в области культуры.

На духовную жизнь общества серьёзно повлияли политико-идеологические и философско-мировоззренческие идеи и теории, активно внедряемые в общественное сознание в тот период. В частности, конституционное положение о том, что в Российской Федерации никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ст. 13 Конституции РФ), способствовало становлению идеологического многообразия. Наиболее же активно при этом продвигались идеи либерализма, которые традиционно сопутствуют и освещают рыночные механизмы ведения производственно-хозяйственной и финансово-экономической деятельности.

Центральной в либерализме, как известно, является идея личной свободы. Для её реализации должны быть созданы необходимые условия, в том числе снятие всевозможных ограничений (моральных, идеологических, религиозных и т. д.).

Важно подчеркнуть, что до возникновения либерализма все моральные концепции в той или иной мере ограничивали личную свободу человека, рассматривая его в контексте социальной структуры общества, как члена семьи, социальной группы, общества в целом. В либерализме, напротив, человек рассматривается в виде некоего «самостийного Робинзона», самодостаточного и освобождённого от социальных свя-

зей, а следовательно, от общепринятых норм и правил поведения. Именно поэтому либерализм и выступает оппонентом традиционной морали и вырабатывает набор своих, либеральных норм нравственности. Но этот набор весьма ограничен и включает в себя лишь такие правила, которые способствуют осуществлению свободной воли человека в его частной жизни. Поэтому к такой нравственности предрасположены, как правило, люди, лишённые моральной чуткости и устойчивости.

Адепты либерализма считают, что всё остальное (не относящееся к частной жизни и свободе) себя изжило и в целом моральные императивы представляют собой пережиток традиционной авторитарности. Поэтому они ратуют за предоставление возможностей для новых форм поведения, расширяя границу дозволенного. Для этого используется отработанный методологический приём, называемый «окно Овертона» («окно дискурса»). С его помощью в обществе постепенно меняется восприятие происходящего: действия, ранее оцениваемые как абсолютно аморальные и недопустимые, вначале признаются отчасти возможными, затем – вполне допустимыми и, наконец, желательными.

Как отмечает Т. Ф. Гусакова, неолиберализм развивает идею субъективной приватной морали: окончательное суждение о добре и зле делает сам человек. Поэтому можно делать всё, что угодно, лишь не ущемляя свободы других⁶.

Наибольшее отторжение у либералов вызывает моральный принцип ответственности. Но, как утверждает В. Ф. Пеньков, упоение декларируемыми свободами, лишённое духовного стержня, неизбежно перерастает в обывничество и люмпенизацию части населения⁷. Согласимся с Б. В. Марковым в том, что «главный капитал общества – это люди, причём не только здоровые телом, но и сильные духом, то есть способные принимать ответственные решения и мужественно проводить их в жизнь»⁸.

Справедлив вывод А. А. Вилкова о том, что либералы-реформаторы попытались обосновать замену советских нравственных ориентиров идеалами свободы, гуманизма, толерантности и других индивидуалистических либеральных ценностей, но не смогли предложить ничего системно завершённого и работоспособного⁹.

Наша мысль предельно проста: абсолютизация личной свободы способна разрушить духовно-нравственные устои общества.

Примечательно, что у представителей отечественной либеральной мысли самым удивительным образом произошла смычка с их зарубежными сторонниками. «Коллективный Запад» вкупе с нашими внутренними либералами целенаправленно воздействует на умы и сердца россиян. В ход идёт буквально всё, начиная от спекуляций на реальных проблемах общественной жизни (коих, к сожалению, немало) и заканчивая

манипулированием общественным сознанием и фальсификацией истории.

Беспринципность, лицемерие, двухслойность речей (для правильного понимания единомышленниками, посвящёнными, рукопожатными, и для одурачивания тех, кто в этот круг не входит), использование двойных стандартов стали обычными для приверженцев идеологии либерализма. А. А. Вилков обращает внимание на то, что в 1990-е гг. борьба за нравственные демократические принципы, воплощённые в Конституции РФ, осуществлялась сторонниками либерализма безнравственными способами, противоречащими правовым нормам¹⁰.

Формирование гражданской идентичности доморощенными либералами усматривается в приобщении к ценностям западной, прежде всего англосаксонской, цивилизации. Но это, подчеркнём, противоречит официальной государственной позиции по данному вопросу. Так, Президент РФ В. В. Путин в очередной раз дал поручение Правительству Российской Федерации, чтобы при разработке национальной программы в сфере культуры было обращено особое внимание на необходимость укрепления российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации¹¹.

Напомним, что, согласно п. 78 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, основой общероссийской идентичности народов России является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть российской культуры¹².

Нами разделяется мнение К. Ю. Колесникова о том, что конституционное закрепление либерально-демократических ценностей, прежде всего плюрализма идеологий, представляет собой препятствие к тому, чтобы общество и государство могли вернуться к формированию гражданской идентичности на основе патриотизма¹³.

Либерализм, как известно, в качестве философско-мировоззренческих основ заимствовал этические идеи эвдемонизма и в наибольшей степени гедонизма – аксиологического учения, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни. А коль скоро для перманентного получения удовольствия необходимо наличие свободы действий, то и произошла смычка либерализма и гедонизма.

Основная методологическая погрешность гедонизма (а следовательно, и либерализма) заключается в примитивизации мотивов поведения человека, сведении их исключительно к получению удовольствий, причём, как правило, телесных, материальных. При этом происходит отождествление субъективного удовольствия с объективным благом. Но отнюдь не всякое субъ-

ективное удовольствие является объективным благом и, наоборот, не всякое объективное благо доставляет субъективное удовольствие¹⁴. Примеры этого достаточно хорошо известны.

Гедонизм и либерализм способствуют формированию асоциальной личности, равнодушной к нормам и правилам поведения в обществе, не способной правильно соотносить личный и общественный интерес, не испытывающей таких привычных человеческих эмоций, как сочувствие, жалость, стыд и т. п.

Проведённый анализ духовно-нравственного состояния российского общества и факторов, его детерминирующих, убеждает нас в том, что необходимы системные меры по купированию угроз в духовной сфере. Каких-то точечных мер, как, допустим, принятие Федерального закона «О защите нравственности в Российской Федерации»¹⁵, явно не достаточно.

Думается, что назрела острая необходимость в выработке целостной государственной политики в духовно-нравственной сфере. Дело в том, что определённого рода усилия в этом отношении предпринимаются Российским государством, но делается это разрозненно, в рамках таких направлений функционирования государственной власти, как образовательная политика, культурная политика, молодёжная политика, национальная политика и т. д. Поэтому нужно систематизировать и скоординировать деятельность всех акторов в духовно-нравственной сфере.

Очевидна сентенция, что путь к подлинному духовному и душевному здоровью сложен и противоречив, и каждый его может найти и пройти только самостоятельно. Но важным условием для этого является здоровая и чистая духовно-нравственная среда.

Обеспечение прорывного развития страны, о котором сказал Президент РФ В. В. Путин в Послании РФ Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018¹⁶, невозможно без соответствующего порыва, настроя и проявления лучших духовно-нравственных качеств россиян. Важной предпосылкой этого является наличие у граждан стремления принести пользу Родине, реализовать свой творческий потенциал на благо общества.

Таким образом, решение духовно-нравственных проблем российского общества видит-

ся на основе выработки и реализации целостной государственной политики в духовно-нравственной сфере.

Примечания

- ¹ Пеньков В. Ф. Бегущий кентавр. Об аксиологических и социокультурных аспектах политических процессов. Тамбов : Цифра, 2016. С. 113.
- ² См.: Вилков А. А. Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 64.
- ³ Горький М. Фома Гордеев. Повесть. СПб. : Изд. группа «Азбука-классика», 2010. С. 121.
- ⁴ См.: Газиреева Л. Х. Духовная жизнь современного российского общества : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2014. С. 4.
- ⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (ч. 2), ст. 212.
- ⁶ См.: Гусакова Т. Ф. Моральное состояние российского социума в условиях глобализации : гедонистическая доминанта // Философские традиции и современность. 2012. № 2. С. 61.
- ⁷ См.: Пеньков В. Ф. Указ. соч. С. 113.
- ⁸ Марков Б. В. Понятие политического. М. : РОССПЭН, 2007. С. 9.
- ⁹ См.: Вилков А. А. Указ. соч. С. 64.
- ¹⁰ Там же. С. 67.
- ¹¹ См.: О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Рос. газ. 2018. 8 мая.
- ¹² См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.
- ¹³ См.: Колесников К. Ю. Особенности политики патриотического воспитания граждан России в условиях партийно-идеологического плюрализма : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2015. С. 4.
- ¹⁴ См.: Гусакова Т. Ф. Указ. соч. С. 64.
- ¹⁵ См.: Магадов Ш. Р. Нравственность как конституционная ценность в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 11.
- ¹⁶ См.: Послание президента Путина // Рос. газ. 2018. 2 марта.

Образец для цитирования:

Трифонов Ю. Н. Духовно-нравственное состояние современного российского общества: политико-идеологические детерминанты // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 98–101. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-98-101>

Cite this article as:

Trifonov Yu. N. Spiritual and Moral Condition of Modern Russian Society: Political-Ideological Determinants. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 98–101 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-98-101>

УДК 342.8

Контроль на выборах: политико-правовой аспект

Е. Н. Босова

Босова Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного права, Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ), Уфа, bosova_elena@mail.ru

В российской практике контроль на выборах является частью любой избирательной кампании. Согласно действующему избирательному законодательству Российской Федерации правом осуществлять контроль обладает достаточно широкий круг субъектов, кроме того, на избирательных участках для наблюдения используются веб-камеры. Вносимые в избирательное законодательство РФ поправки направлены на усиление контроля за ходом голосования и подсчётом голосов избирателей на выборах. Считаем, что такой подход законодателя не совсем оправдан, поскольку гарантией проведения честных и справедливых выборов должна быть сама избирательная система, действующая в государстве.

Ключевые слова: контроль, выборы, наблюдатель, закон, голосование, право, политика.

Election Control: Political and Legal Aspects

Е. Н. Bosova

Elena N. Bosova, <https://orcid.org/0000-0003-4888-7424>, East Economic-Legal Humanitarian Academy (Academy VEGU), 3 Mubaryakova Str., Ufa 450092, Russia, bosova_elena@mail.ru

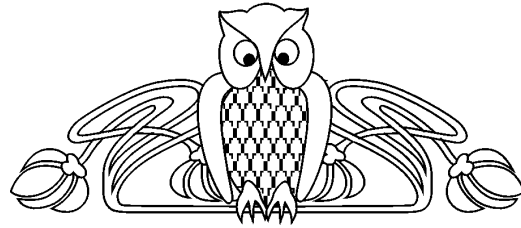
In Russian practice, election control is a part of any election campaign. According to the current electoral legislation of the Russian Federation, a fairly wide range of people have the right to exercise control, in addition, web cameras are used at polling stations for observation. The amendments to the electoral legislation of the Russian Federation are aimed at strengthening control over the voting process and counting the votes of voters in elections. We believe that this approach of the legislator is not entirely justified, since the guarantee of fair and fair elections should be the electoral system itself, which operates in the state.

Keywords: control, elections, observer, law, voting, right, politics.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-102-105>

Выборы как политический и правовой институт выполняют в государстве ряд значимых социально-политических функций и обеспечивают посредством юридических действий, правил и процедур легитимацию политической власти. Преследуя цель сделать процедурные этапы выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления как можно более открытыми, в законах о выборах одной из гарантий соблюдения демократических процедур можно считать установленную возможность различных субъектов контролировать избирательный процесс.

Определение контроля разнообразно по трактовкам, но в целом он сводится к функции управ-

ления. В исследуемой теме контроль затрагивает социально-политическую сферу общественных отношений, поэтому нельзя оставить без внимания трактовку «политический контроль».

Классическим определением политического контроля является формулировка петербургского исследователя В. С. Измозика, полагавшего, что политический контроль – это «система регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций»¹.

Но, как видится, ориентируясь на эту трактовку, можно говорить лишь о контроле выборов со стороны государства. Впрочем, не отрицая и такого положения дел, в данной статье постараемся раскрыть правовое обеспечение контроля на выборах как средства демократизации избирательного процесса, сопряжённого с общественным контролем за политической властью.

Также из данной трактовки видно, что цель политического контроля – выявление настроения в обществе к действующей власти для предотвращения возможных конфликтов и т. п. Поэтому контроль на выборах, прежде всего со стороны общественности, необходим, поскольку помогает снять социальную напряжённость и повысить доверие граждан к власти. Он является своеобразным громоотводом от возможных политических конфликтов, ведь по сложившемуся в российском обществе мнению, итоги выборов расходятся с реальными голосами избирателей. Избирательные объединения и кандидаты, проигравшие на выборах, стремятся обжаловать их итоги, считая результаты недостоверными. Возможно, приписываемая И. Сталину и особенно популярная в период избирательных кампаний фраза: «Не важно, как проголосуют, важно как посчитают», ещё больше вносит сомнение в умы российских избирателей и создает почву для повышения абсентеизма.

В общем виде контроль представляется как проверка соответствия действий поставленным целям, задачам, действующим законам, осуществляемая на основе наблюдения.

Контроль проводится на выборах всех видов и уровней. Правом осуществлять контроль за совершением избирательных действий в ходе подготовки и проведения выборов, согласно действующему избирательному законодательству РФ, обладает достаточно широкий круг субъек-

тов – избирательные комиссии, кандидаты, общественные организации, избирательные объединения и назначаемые ими доверенные лица, члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса и наблюдатели. Средства массовой информации также осуществляют контроль за ходом избирательной кампании, совершением разнообразных избирательных действий. Надзор за исполнением законодательства о выборах и референдумах осуществляют органы прокуратуры.

В истории России круг органов и лиц, наделяемых правом контролировать ход выборов, расширялся постепенно. Первоначально, по законодательству 1905 г. органами, на которые была возложена проверка соблюдения избирательного законодательства, а также рассмотрение заявлений и жалоб, возникающих в связи с избранием членов Государственной Думы, стали созданные губернские и уездные по делам о выборах комиссии. Затем «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» от 9 июля 1937 г. установило, что при подсчёте голосов на избирательном участке имели право присутствовать «уполномоченные представители общественных организаций и обществ трудящихся, а также представители печати»². В 1989 г. общественный контроль стал непосредственным воплощением принципа открытости и гласности выборов. Закон РСФСР от 27 октября 1989 г. «О выборах народных депутатов РСФСР» в ст. 8 установил, что на заседаниях избирательных комиссий вправе присутствовать представители трудовых коллективов, общественных организаций, коллективов средних специальных и высших учебных заведений, собраний избирателей по месту жительства и военнослужащих по воинским частям, окружных избирательных комиссий, органов государственной власти, доверенные лица, представители печати, телевидения, радио. При этом они должны были иметь соответствующее удостоверение или решение собрания трудового, а также иного указанного коллектива, извести не позднее чем за два дня до выборов соответствующую избирательную комиссию. «Положение о выборах депутатов Государственной Думы» от 1 октября 1993 г. впервые закрепило право каждого избирательного объединения, зарегистрировавшего свой список кандидатов по общефедеральному избирательному округу, и каждого зарегистрированного по одномандатному округу кандидата назначать в соответствующие избирательные комиссии по одному члену с правом совещательного голоса, а также направить в день голосования на каждый избирательный участок до пяти наблюдателей. Отрадно, что в дальнейшем институт общественного контроля был пополнен. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» 1994 г. предоставил право наблюдения иностранному (международному) наблюдателю. За последнее время в действующее избирательное

законодательство РФ также были внесены изменения, расширяющие возможности контроля на выборах. Проанализируем некоторые из них.

Так, ст. 23 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (ред. от 11.12.2018)³, регламентирующая гласность в деятельности избирательных комиссий Федеральным законом от 01.06.2017 № 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации»» (далее – Закон № 103-ФЗ)⁴, была дополнена новыми положениями, касающимися представителей средств массовой информации. Пункт 1.1. устанавливает, что на всех заседаниях избирательной комиссии и при осуществлении ею работы с избирательными документами, перечень которых установлен п. 1 данной статьи (список избирателей, избирательные бюллетени, протокол об итогах голосования, сводные таблицы об итогах голосования), вправе присутствовать представители средств массовой информации. Пункт 1.2. определяет, что это могут быть только те представители средств массовой информации, которые работают в редакциях СМИ на основании заключенного не менее чем за два месяца до дня официального опубликования решения о назначении выборов трудового или возмездного гражданско-правового договора и аккредитованы в порядке, установленном ЦИК России. Это положение, отмечает А. Е. Любарев, «существенно осложняет освещение СМИ выборов и в целом снижает уровень открытости и гласности избирательного процесса»⁵.

Правом контроля за работой участковой избирательной комиссией обладает наблюдатель, в том числе международный (иностраный наблюдатель). Пожалуй, до определённого времени именно наблюдатели были контролирующим «оком» процедуры голосования со стороны общественности, всё же члены избирательной комиссии с правом совещательного голоса, также обладающие полномочиями по контролю за ходом избирательного процесса, менее известны избирателям.

Одним из нововведений президентской избирательной кампании 2018 г. стала отмена положения о назначении не более двух наблюдателей на один участок, назначении конкретного наблюдателя только на один участок, о заблаговременном представлении списков наблюдателей в соответствующую избирательную комиссию. Теперь наблюдателям не нужно заранее отправлять списки в избирательные комиссии, кроме того, они могут перемещаться с участка на участок по своему усмотрению.

Новеллой избирательного законодательства стало положение, наделяющее правом назначать наблюдателей Общественную палату Российской Федерации и общественные палаты субъектов Федерации (Федеральный закон от 05.12.2017 № 374-ФЗ).

Закон № 103-ФЗ распространил на президентские выборы также требование, введённое в 2016 г.

для иных выборов, согласно которому лицам, имеющим право присутствовать при проведении голосования, доступ в помещения для голосования должен быть обеспечен не менее чем за один час до начала голосования. Кроме того, этим же Законом установлено, что решение об отстранении члена участковой избирательной комиссии от участия в работе данной комиссии, об удалении наблюдателя или иного лица из помещения для голосования принимается судом по месту нахождения участковой избирательной комиссии⁶.

На президентских выборах, согласно Постановлению ЦИК РФ⁷, для контроля за использованием ГАС «Выборы» избирательные комиссии, а именно ЦИК РФ, ИК субъектов РФ и ТИК, должны образовать группы численностью 4–5 человек. На данные группы была возложена обязанность контролировать правильность ввода данных протоколов УИК об итогах голосования и правильность повторного ввода или корректировки введенных данных, а также вносить информацию о результатах проведенных проверок в отчетную документацию. Кроме того, даже доступ наблюдателей и представителей средств массовой информации в помещение, где располагаются КСА ГАС «Выборы», осуществлялся по решению председателя или секретаря избирательной комиссии, согласованному с руководителем группы контроля.

Таким образом, круг субъектов, имеющих право осуществлять наблюдение на выборах, достаточно широк, постоянно устанавливаются новые формы контроля. Почему власть достаточно требовательно относится к представителям СМИ, непонятно, возможно, достаточно часто критика в адрес избирательных комиссий поступает именно с их стороны.

Контроль на выборах осуществляется и с помощью технических средств. На президентских выборах 2012 г. в помещениях для голосования применялось видеонаблюдение и трансляция изображения в Интернет, однако никакими законами этот процесс не регулировался. Теперь Закон № 103-ФЗ закрепил данную практику, установив, что в помещениях для голосования могут применяться средства видеонаблюдения и трансляции изображения, за исключением помещений для голосования, находящихся на избирательных участках, образованных в больницах и других медицинских организациях, которые имеют стационарные отделения, в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, других местах временного пребывания, воинских частях, на судах, которые будут находиться в день голосования в плавании, на полярных станциях, а также на избирательных участках, образованных за пределами территории Российской Федерации. В помещениях для голосования, находящихся на избирательных участках, где голосуют военнослужащие, за исключением помещений для голосования, находящихся на избирательных участках, образованных в воинских частях, средства видеонаблюдения и трансляции

изображения применяются по согласованию с командиром воинской части. Федеральный закон от 05.12.2017 № 374-ФЗ⁸ предусмотрел возможность установления средств видеонаблюдения и трансляции изображения также в территориальных избирательных комиссиях, что следует признать важной мерой для обеспечения открытости и гласности работы территориальных комиссий.

Обустройство веб-камерами всех избирательных участков – предприятие как технически сложное, так и дорогостоящее. Кроме того, оно не обеспечивает стопроцентной защиты от фальсификации. Основная цель этого мероприятия – успокоить общественное мнение, создав иллюзию объективного определения результатов выборов, но это существенно не улучшает избирательной системы.

Как видится, контроль на выборах становится необходимым элементом процедуры голосования, показателем открытости и достоверности результатов выборов. Похоже, что власть, используя эти способы, пытается реабилитироваться перед избирателями, политическими партиями и восстановить утраченное доверие.

Возможно, что необходим ряд иных мер, которые позволят исключить фальсификации как таковые, для этого можно использовать опыт зарубежных стран. Например, в Финляндии, чтобы предотвратить такую махинацию, как «карусель», применяется следующее: на основе данных единой системы информации о населении формируется реестр избирателей по избирательным округам, далее вся информация из реестра избирателей, кроме идентификационных номеров, доступна любому желающему. Это публичный документ, внесение изменений в который невозможно без решения суда за 12 дней до дня голосования. Формирование избирательных комиссий с участием общественности позволяет в Финляндии создать независимые избирательные органы. Так, состав муниципальных и участковых комиссий утверждается муниципальным советом по представлению объединений избирателей и партий, участвовавших в предыдущих выборах, которые проходили на территории данного муниципального образования. На практике участковые избирательные комиссии формируются таким образом, чтобы в них были представлены все местные объединения избирателей и партии. Таким образом, в работу комиссии включается механизм взаимного контроля представителями разных политических сил, который не позволяет ни одной из этих сил получить монополию на проведение голосования и подведение его итогов⁹.

За последние годы, как показывает российская практика проведенных парламентской и президентской избирательных кампаний, избирательное законодательство изменялось в сторону усиления контроля над всеми стадиями избирательного процесса, особенно заключительной – подсчета голосов избирателей, установления итогов голосова-

ния и определения результатов выборов¹⁰. Вполне справедливо, что у избирателя может сложиться мнение о том, что в Российской Федерации проведение честных и справедливых выборов практически неосуществимо без надлежащего контроля. Но, как видится, гарантией проведения честных и справедливых выборов должна стать сама избирательная система, действующая в государстве, начиная с формирования избирательных комиссий, не допускающая использования административного ресурса, а также в отсутствии коррупции. Достижением поставленной цели будет вполне привычная ситуация, когда итоги голосования признаются всеми участниками избирательного процесса и у кандидатов и избирательных объединений не будет повода их обжаловать.

Все это аккумулировано в демократическом принципе «справедливые выборы», который установлен рядом международных правовых актов и является международным избирательным стандартом. Конвенцией о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств¹¹ п. «г» и «д» ст. 10 закреплено, что при проведении справедливых выборов обеспечиваются: честность при голосовании и подсчёте голосов; полное и оперативное информирование о результатах голосования с официальным опубликованием всех итогов выборов; организация избирательного процесса беспристрастными избирательными органами, работающими открыто и гласно под действенным общественным и международным наблюдением. Российская Федерация, ратифицировавшая данную конвенцию в 2003 г., подтвердила её применение на территории России при организации и проведении выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что в целом в Российской Федерации имеются правовые и организационные средства, позволяющие осуществлять эффективную защиту от политического произвола, фальсификации, необъективности и прочих негативных влияний на процесс демократических выборов. Но нам также необходимы действительно независимая судебная власть, беспристрастные судебные органы, быстро и эффективно рассматривающие жалобы на нарушение избирательных прав граждан, кандидатов, избирательных объединений. Как представляется, это будет более эффективная защита, чем ряд контрольных мер, лишь отчасти способствующих обеспечению справедливости выборов.

Примечания

- ¹ Цит. по: Слезин А. А. Политический контроль в религиозной сфере и правосознание молодежи // *Философия права*. 2010. № 3. С. 95.
- ² Очерки по истории выборов и избирательного права : учеб. пособие / авт. проекта : Ю. А. Веденеев [и др.] ; под ред. Ю. А. Веденеева, Н. А. Богодаровой. Калуга : Калужский обл. фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ», 2002. С. 622–623.
- ³ См.: О выборах Президента Российской Федерации : федер. закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ (с изм. и доп.) // *Рос. газ.* 2003. 16 янв.
- ⁴ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» : федер. закон от 1 июня 2017 г. № 103-ФЗ // *Рос. газ.* 2017. 5 июня.
- ⁵ Любарев А. Е. Аналитический доклад «О ключевых изменениях законодательства о выборах Президента России 2018 года в сравнении с выборами 2012 года» // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии) : [сайт]. Размещено: 29.12.2017. URL: <http://rusrand.ru/analytics/kak-izmenilsya-zakon-o-vyborah-prezidenta-s-2012-goda> (дата обращения: 25.02.2018).
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Об Инструкции по организации единого порядка установления итогов голосования, определения результатов выборов Президента Российской Федерации с использованием Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» : постановление ЦИК России от 28.02.2018 № 145/1205-7. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ⁸ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» : федер. закон от 5 декабря 2017 г. № 374-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁹ См.: Роцин Е. Русская избирательная традиция и особенности финского избирательного права. URL: https://republic.ru/russia/russkaya_izbiratel'naya_traditsiya_i_osobennosti_finskogo_izbiratel'nogo_prava-774680.xhtml (дата обращения: 19.05.2018).
- ¹⁰ См.: Вилков А. А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69
- ¹¹ См.: Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (Кишинёв, 7 октября 2002 г.) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2005. № 48, ст. 4971.

Образец для цитирования:

Босова Е. Н. Контроль на выборах: политико-правовой аспект // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 102–105. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-102-105>

Cite this article as:

Bosova E. N. Election Control: Political and Legal Aspects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 102–105 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-102-105>

УДК 327

Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана

Х. Р. Джаббари Насир

Джаббари Насир Хасан Реза, кандидат политических наук, научный сотрудник, Национальный институт социальных и культурных исследований Исламской Республики Иран, Иран, Тегеран, hjabbarinasir@gmail.com

Статья посвящена анализу становления публичной дипломатии Ирана в Центральной Азии. Рассматриваются обстоятельства ее активизации, особенности развития и современное состояние. Автор утверждает, что, несмотря на имеющийся культурно-цивилизационный ресурс, на который опирается иранская «мягкая сила» в регионе, политико-идеологические особенности новых независимых государств Центральной Азии в определенной степени ограничивают иранскую публичную дипломатию. Хотя произошедший переход от революционного исламизма к реалистскому прагматизму во внешней политике Ирана сделал возможным дружеский диалог между ним и странами региона, публично-дипломатические инициативы Тегерана всегда воспринимались с осторожностью. На фоне возобновления санкционного режима против Ирана автор прогнозирует наращивание его деятельности в сфере публичной дипломатии в центральноазиатском направлении.

Ключевые слова: публичная дипломатия Ирана, «мягкая сила», Центральная Азия, культурная общность, иранско-таджикские отношения.

The Features of the Evolution of Iran's Public Diplomacy in Central Asia

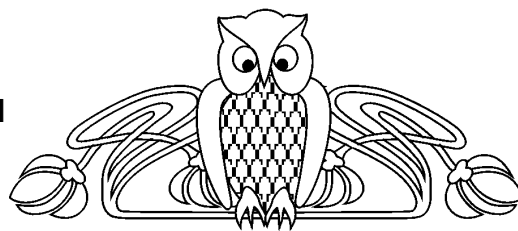
H. R. Jabbari Nasir

Hasan Reza Jabbari Nasir, <https://orcid.org/0000-0003-3181-6101>, IRI's National Institute for Social and Cultural Studies, Pasdaran Ave., 1st Gulistan Str., 124, Tehran 1666914711, Iran, hjabbarinasir@gmail.com

The article is concerned with the analysis of the evolution of Iranian public diplomacy in Central Asia. The author examines the circumstances of revitalization, development features and the current state of Iran's public diplomacy in the region. The author argues that despite the cultural and civilizational resource on which Iranian soft power in the region relies, the political and ideological features of the new independent states limit Iranian public diplomacy to a certain extent. Although the transition from revolutionary Islamism to realistic pragmatism in Iran's foreign policy made possible a friendly dialogue between it and the countries of the region, Tehran's public diplomacy initiatives have always been viewed with caution by Central Asian states. It is claimed that amid the resumption of the sanctions against Iran, Tehran will probably strengthen its activities in the field of public diplomacy in the Central Asian direction.

Keywords: Iran's public diplomacy, soft power, Central Asia, cultural affinity, Iranian-Tajik relations.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-106-112>

После распада Советского Союза Центральная Азия оказалась в фокусе стратегических интересов ведущих глобальных и региональных держав. В условиях, когда исторически органическая часть мусульманского мира оказалась отрезанной от последнего непреодолимым коммунистическим барьером, государства региона стали налаживать многоаспектное сотрудничество с близкими им по этнокультурным признакам странами. Одним из таких государств был Иран, которому представилась хорошая возможность «выйти из тени некогда могущественного соседа» и попытаться расширить сферы своего влияния¹. Важным фактором в этом направлении для Ирана стала активизация деятельности в социально-гуманитарной сфере, целью которой было не только формирование его положительного имиджа, повышение привлекательности в глазах региональной общественности, но и создание в регионе благоприятной почвы для внешнеполитических инициатив Исламской Республики². Другими словами, Тегеран начал использовать практику публичной дипломатии для продвижения своей «мягкой силы» и ее конвертации в ресурс практической политики.

Несмотря на культурно-цивилизационную близость Ирана с народами региона, его «мягкосиловая» политика изначально оказалась ограниченной по некоторым объективным и субъективным причинам. В этнокультурном плане, кроме Таджикистана, остальные четыре республики Центральной Азии являются частью тюркского мира и в постсоветский период ожидаемо оказались в фокусе активного внимания турецкой публичной дипломатии. Более того, светские режимы в регионе с определенной долей осторожностью относились к Ирану, внешняя политика которого опиралась на идеи революционного шиизма. Эти факторы наряду с другими мирополитическими процессами, по справедливому замечанию иранского исследователя М. Фараджи, оказывали влияние на эволюцию публичной дипломатии и особенности восприятия «мягкой силы» Ирана в Центральной Азии³.

Перед тем как перейти к анализу «мягкосилового» потенциала, становления и развития публичной дипломатии Ирана в центральноазиатском направлении, автор считает необходимым обозначить концептуальные рамки настоящего исследования.

Концептуальные рамки исследования

Предложенная известным американским политологом Джозефом Наем в 90-х гг. прошлого столетия концепция «мягкой силы» стала одной из популярных тем не только в среде исследователей международных отношений и мировой политики, но и в практических кругах. Понимание «мягкой силы» как способности через привлекательность заставлять других *хотеть того же, чего хотите вы, не прибегая при этом к насилию или подкупу*⁴, превратило данный теоретический конструкт в весьма желанный практический инструмент внешней политики современных государств. В доминирующей интерпретации концепция представляется как дополнительный внешнеполитический ресурс, опирающийся на привлекательность культурно-цивилизационных и идейно-политических ценностей своего субъекта/носителя. Другими словами, если до недавнего времени ключевым фактором воздействия государства на международные процессы считалась «жесткая сила», то сегодня дополнительным «конструктором» национальной мощи являются политико-идеологическая убедительность и культурная привлекательность.

Хотя Най предложил четкое определение «мягкой силы» государства как комбинации привлекательности его культуры, политических ценностей (если государство реально их придерживается) и успешных внешнеполитических действий на международной арене⁵, тем не менее, исследователи регулярно выдвигают собственные идеи или уточнения относительно содержательных аспектов названной концепции. Вариативные интерпретации представляют «мягкую силу» не только как процесс трансляции гуманитарных ресурсов страны или нематериальный тип власти⁶, но и впечатления, мотивирующего действие и побуждающего к действию⁷, или просто как некий потенциал привлекательности, который может быть использован, а может оставаться только в качестве потенциала⁸.

Строго говоря, «мягкая сила» государства является во многом синонимом его привлекательности, способностью быть примером для других акторов по широкому спектру параметров. Однако наличие привлекательности чего-либо нужно еще раскрыть и продемонстрировать другой стороне. И здесь на помощь теоретической концепции «мягкой силы» приходит практический инструмент – *публичная дипломатия*.

Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе тоже имеет вариативные определения⁹. Однако в настоящей статье автор опирается на подход Дж. Наея, считающего публичную дипломатию инструментом коммуникации и системой взаимодействия с зарубежной общественностью в целях продвижения национальной «мягкой силы»¹⁰, т. е. под публичной дипломатией мы здесь понимаем правитель-

ственный механизм, который нацелен на реализацию внешнеполитических задач и включает в себя информационные проекты, культурно-образовательные обмены и проекты в области цифровой дипломатии.

Приведенное концептуальное уточнение дает автору возможность утверждать, что в современных мирополитических условиях все государства заинтересованы в практическом применении концепции «мягкой силы», хотя и не у всех имеются соответствующие ресурсы. Как утверждает Дж. Най, публичная дипломатия не в силах создать «мягкую силу» государства, если у последнего содержание источников «мягкой силы» непривлекательно для других стран. Соответственно, у государства должно быть некое историческое «мягкосиловое» наследие или же солидные *переменные* компоненты в виде экономических успехов страны, достижений в сфере высоких технологий, показателей его внешнеполитической успешности, вовлеченности в события глобального масштаба и др.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о специфике «мягкой силы» и публичной дипломатии Ирана в Центральной Азии, интересным кажется мнение российского ученого О. Леоновой, которая пишет, что некоторые государства обладают некой внутренней силой, заставляющей ее «уважать и привлекает к ней сердца народов других стран. Таков, например, феномен «мягкой силы» Ирана, особенно в странах Центральной Азии»¹¹. Так ли это на самом деле? И если да, то что конструирует иранскую «мягкую силу» в регионе и как развивалась ее публично-дипломатическая деятельность в центральноазиатском направлении?

Особенности «мягкой силы» Ирана и ее прикладных аспектов в Центральной Азии

Активизация центральноазиатского направления иранской публичной дипломатии, которая началась сразу после распада СССР, была обусловлена рядом обстоятельств. *Во-первых*, к тому времени Иран долгое время находился в международной изоляции и под давлением санкций. Новые реалии на международной арене после распада СССР открывали для Тегерана возможности выхода из тупика.

Во-вторых, возникновение в Центральной Азии независимых республик позволяло Ирану вступать в непосредственное общение с народами, которых с Ираном объединяют культурно-цивилизационная общность (ислам) и исторический опыт мирного общежития. На протяжении долгих столетий иранская и персидская культура доминировала в большей части Центральной Азии. Бухара, известная в истории как «Бахарае шериф» («Священная Бухара»), была историческим центром ислама, персидской культуры и

литературы, тогда как персидский язык сохранил свой статус языка науки, дипломатии и литературы даже после полной тюркификации региона к XV столетию¹². Кроме того, при Надиршахе, в эпоху Сефевидов, крупные территории на юге Центральной Азии находились под управлением Ирана. Исторический опыт иранского влияния в Центральной Азии побудил руководство Ирана восстановить некогда могущественную силу персидской цивилизации в регионе¹³.

В-третьих, к моменту образования новых центральноазиатских государств внешняя политика Ирана пережила серьезную трансформацию: произошел переход от исламского революционного идеализма к прагматическому реализму¹⁴. Прекрасно понимая важность данного региона для национальных интересов России, Иран вынужден был действовать аккуратно, стараясь не наступать Москве на пятки. В Тегеране хорошо понимали, что Россия может стать для Ирана одним из основных источников технологий (в том числе военных) и определенной международной поддержки, поэтому сотрудничество с Москвой иранцы считали важнее, чем сомнительные приобретения от идеологической и политической экспансии в Центральной Азии¹⁵. Кроме того, руководители новообразованных стран региона, которые долгое время жили в духе атеизма и выбравшие светский путь развития, не готовы были принимать иранский революционный исламизм. Ограничивалась религиозно-идеологическая политика Ирана и фактом преобладания во всех странах региона ислама суннитского толка. Исходя из этого, иранское руководство приняло решение придерживаться прагматического курса в отношениях с новыми государствами Центральной Азии, что в целом способствовало налаживанию между ними и Ираном добрососедских отношений. Проявление гибкости Тегераном в регионе было связано и с тем, чтобы не подорвать исторический потенциал своей «мягкой силы».

И, наконец, следует отметить и заметный интерес стран Центральной Азии к Ирану. Помимо исторических и культурных связей, Иран привлекал государства региона по целому ряду причин: 1) ИРИ представляет собой исламское государство с определенными демократическими институтами, что вызывает интерес у мусульманских стран региона¹⁶; 2) в отличие от других участников так называемой «большой игры» за влияние в регионе (Россия, США, КНР), Иран был и остается несистемным игроком, поскольку Центральной Азии не входит в число его приоритетных регионов¹⁷. В таком статусе Иран становится более привлекательным для стран Центральной Азии, что ставит его в более выгодное положение, чем традиционных игроков.

Таким образом, новые реалии на международной арене после 1991 г., трансформация внешнеполитической стратегии Исламской Республики Ирана в сторону «реалистского праг-

матизма» стимулировали активность ее центральноазиатской внешней политики в целом и ее публично-дипломатической составляющей в частности.

Говоря о конкретных шагах в названном направлении, следует отметить, что еще в 1992 г. в Иране был учрежден Центр исследований Центральной Азии и Кавказа, где впоследствии издавались журналы «Амударья» и «Motaleat-e Asiaye Markazi va Qafqaz» (Исследование Центральной Азии и Кавказа)¹⁸. Между Ираном и странами Центральной Азии начали возникать первые инициативы в сфере культурного сотрудничества как на межправительственном, так и на уровне негосударственных субъектов. В реализации своей публичной дипломатии в Центральной Азии ИРИ в основном опирается на культурно-цивилизационные элементы. Важную роль в реализации культурных инициатив иранской публичной дипломатии в странах региона играет Организация по культуре и исламским связям (ОИКС), подчиняющаяся Министерству культуры и исламской ориентации¹⁹.

В течение первой половины 1990-х гг. Иран подписывает меморандумы о культурном сотрудничестве с Киргизией (1993 г.), Туркменистаном (1996 г.), Таджикистаном (1993 г.) и Казахстаном (1995 г.)²⁰. К 1994 г. во всех государствах региона открываются посольства Ирана, которые наряду с общеполитическими вопросами занимаются продвижением инициатив в сфере культуры, научно-образовательными аспектами сотрудничества. Отношения Ирана с государствами региона развиваются как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Иран одним из первых признал независимость государств региона и их вхождение в различные региональные и международные организации²¹. В период с 1996 по 1999 г. во всех странах региона открываются иранские культурные центры, подчиняющиеся ОИКС. Эти центры способствуют реализации различных культурных проектов: от преподавания фарси и проведения мероприятий в честь общих для иранцев и народов региона поэтов и мыслителей до издания книг и восстановления библиотек и т. п.

В связи с культурной и языковой общностью таджиков и иранцев Таджикистан после обретения независимости становится главным плацдармом для реализации иранской публичной дипломатии в Центральной Азии. В период с 1991 по 2008 г. иранские президенты посетили Душанбе с визитами восемь раз, шесть из которых совершил бывший президент Ирана Махмуд Ахмадинежад²². В ходе многочисленных взаимных визитов на высшем уровне был подписан целый ряд соглашений о сотрудничестве в культурной и экономической сферах. В Душанбе проводилось множество совместных с Ираном культурных и образовательных мероприятий: конференции, музыкальные мероприятия, обра-

зовательные ярмарки, мероприятия в честь таджикско-персидских поэтов и мыслителей и т. д. Правительство Ирана в республике спонсировало публикации в газетах и академических журналах, открытие книжных магазинов, восстановление библиотек, содержащих в своих фондах материалы по персидскому языку и литературе, создание факультетов, на которых преподавался фарси²³. При содействии посольства Ирана в Душанбе были учреждены Институт по изучению таджикско-персидской культуры, книжный магазин «Алхода» и периодическое издание «Пайванд». Душанбинский центр Организации по культуре и исламским связям – иранский аналог Британского совета или немецкой сети Институт Гёте, считался одним из самых активно работающих культурных учреждений Ирана за границей²⁴. За счет иранского финансирования в университете Насира Хосрова в Таджикистане был учрежден кабинет иранской культуры, оснащенный компьютерами, научным оборудованием и книгами²⁵.

Помимо Таджикистана, иранские ученые-филологи занимались подготовкой местных иранистов, изданием двуязычных словарей в Казахстане, Туркменистане и Кыргызстане. Также Иран активно привлекал в свои вузы (не только религиозные) студентов из региона. Конечно, нельзя говорить, что все упомянутые инициативы и программы нашли успешное продолжение, однако, по мнению экспертов, «определенный человеческий капитал и симпатии представителей центральноазиатского населения... Иран, безусловно, приобрел»²⁶.

Однако позитивное восприятие иранской публичной дипломатии в регионе было характерно не для всех. Следует отметить и скептически-осторожное отношение к социально-гуманитарным инициативам Ирана в среде региональных элит. Например, Узбекистан при Исламе Каримове с энтузиазмом воспринимал инициативы Ирана в торгово-экономической сфере, но намеренно отводил предложения иранцев о расширении сотрудничества в культурной области. По мнению ряда экспертов, Ташкент расценивал эти инициативы не только как попытки иранской духовно-религиозной экспансии, но и как угрозу в контексте «роста проиранских настроений в Самарканде и Бухаре, населенных в основном родственными иранцам таджиками»²⁷. Опыт показал гипертрофированность оценки «исламской угрозы» и паниранистского вызова узбекским руководством, однако это все же способствовало появлению у Ташкента особого отношения к диалогу с Ираном.

С приходом к власти в Иране Махмуда Ахмадинежада в 2006 г. присутствие Ирана в Центральной Азии в целом и в Таджикистане в частности набирает новые обороты. Иран, как локомотив интеграции персоязычных стран, был заинтересован в расширении Pax Iranica²⁸.

М. Ахмадинежад – убежденный сторонник персидского национализма, выдвинул целый ряд культурных инициатив, направленных на укрепление связей между тремя персоязычными государствами: Таджикистаном, Афганистаном и Ираном. В 2006 г. в Душанбе состоялась первая встреча глав трех государств. Стороны провозгласили своей конечной целью создание Союза персоязычных государств²⁹.

В результате встречи было подписано соглашение о формировании «комиссии по культурному сотрудничеству». В марте 2008 г. сторонами было принято решение о создании Экономического совета Персоязычного союза, а также общего телевизионного канала. Стоит отметить, что большой энтузиазм исходил от Ирана и Таджикистана, тогда как Афганистан придерживался более сдержанной позиции³⁰. Это связано с идеологическими причинами. Несмотря на то, что государства объединяют культура и язык, идеологические и мировоззренческие особенности, ценности и интересы трех стран отличаются. Не стоит исключать и фактор США, которые, имея солидное влияние и рычаги давления на Афганистан, вряд ли допустят сближение Кабула с Тегераном.

Хотя многие проекты по созданию персоязычного союза остались на бумаге, можно сказать, что Иран продемонстрировал явное стремление пробить окно в Центральную Азию и укрепить там свое влияние через Таджикистан. На тот момент настойчивые усилия Тегерана по укреплению связей с Таджикистаном обеспечили ему надежный плацдарм в регионе. Президента Ирана М. Ахмадинежада за активные действия в этом направлении прозвали инициатором «ренессанса общеперсидской близости»³¹.

Немаловажным компонентом иранской публичной дипломатии в Центральной Азии стали экономические инвестиции Тегерана. Помимо экономической составляющей, они создавали в глазах государств и народов Центральной Азии не только образ экономически состоятельного государства и надежного делового партнера, но и страны, небезразличной к социально-экономическим проблемам населения региона. В 2005 г. уходящая администрация Хатами финансировала строительство в Таджикистане двух дорогостоящих проектов: туннеля «Анзоб» и гидроэлектростанции «Сангтуда-2» (180 млн долл. США)³².

Во время визита Ахмадинежада в Туркменистан в июле 2006 г. главное внимание уделялось развитию сотрудничества в газовом секторе³³. Президент наносил визиты в Туркменистан и позднее – в 2007, 2010, 2012 и 2013 гг., подчеркивая, как важно для Ирана поддержание добрых отношений со своим соседом. Однако соглашения, подписываемые в ходе данных визитов, носили прежде всего экономический, а не культурный характер.

Внешняя политика постахмедиенежадовского Ирана встала на путь трансформации, в результате которой Центральная Азия отходит на второй план. Новый президент, Хасан Рохани, в отличие от своего предшественника, который в условиях международной изоляции стремился к расширению связей со странами Центральной Азии, принял курс на нормализацию диалога с Западом. Иран также целиком оказался вовлечен в дела Ближнего Востока, где продолжают происходить судьбоносные перемены³⁴. На этом фоне ужесточилась региональная конкуренция между Ираном и Саудовской Аравией, которая в ее политико-идеологическом измерении охватила и Центральную Азию. Ухудшение таджико-иранских отношений, по утверждению некоторых иранских исследователей, является результатом именно скрытой антииранской пропаганды саудитов³⁵.

В Таджикистане позитивный образ Ирана как «братского государства» и гаранта межтаджикского мирного соглашения 1997 г. достаточно быстро изменился после 2015 г. Охлаждение ирано-таджикских отношений связывают с многими факторами, как политическими, так и экономическими. В декабре 2015 г. Душанбе обвинил Тегеран в поддержке оппозиционной Партии исламского возрождения (в Таджикистане запрещена и считается террористической), после того как лидер этой партии был приглашен на исламскую конференцию высокого уровня в Тегеране, а позднее на аудиенцию с верховным лидером Ирана³⁶. В связи с этим событием таджикское внешнеполитическое ведомство вручило ноту протеста иранскому послу в Душанбе, выражая сомнение Таджикистана в искренности «братских отношений» между двумя странами³⁷.

В последующие годы Таджикистан перешел в реальное «наступление», закрыв почти все иранские культурные, научно-образовательные центры. Также была приостановлена работа иранского Комитета помощи «Имдод» имени Имама Хомейни³⁸. В таджикских государственных СМИ началась активная антииранская пропаганда. Кульминацией можно считать показ по таджикскому телевидению в 2017 г. документального фильма, подготовленного МВД страны, о финансировании Тегераном громких убийств в годы гражданской войны в Таджикистане. Все эти негативные тенденции в ирано-таджикских отношениях сузили поле для деятельности публичной дипломатии Ирана в Таджикистане. В других странах региона она также не выделялась особой энергичностью. В культурном измерении следует упомянуть проведение дня иранского кино в Бишкеке (2016 г.), а также более крупных мероприятий – дней иранской культуры в Казахстане (2017 г.) и Туркменистане (2018 г.).

На фоне меняющихся реалий иранские специалисты признают, что их страна в Центральной Азии в сфере публичной диплома-

тии уступает другим державам (называются Россия, США, Турция), поэтому предлагают быть предельно прагматичными, не руководствоваться идеологическими мотивами, активнее задействовать фактор историко-культурной общности Ирана с регионом, использовать возможности неправительственных организаций, бизнеса в продвижении иранских интересов в Центральной Азии³⁹.

Негативные для Ирана тенденции в регионе также актуализируют вопрос о наращивании информационного сегмента иранской публичной дипломатии в Центральной Азии. Сегодня на языках региона вещает только иранское радио, а новостные сводки выпускает информационный портал *Pars Today*. Этого недостаточно для доведения до общественности региона официальной позиции Тегерана по тем или иным вопросам внешней политики, презентации достижений республики в различных областях (особенно в сфере медицины, нанотехнологии, ИТ-индустрии, кинематографии и др.) и в конечном счете для оказания влияния на региональное общественное мнение и дальнейшего продвижения иранской «мягкой силы».

Анализ потенциала «мягкой силы» Ирана и особенности становления центральноазиатского направления его публичной дипломатии позволяют автору сделать несколько общих выводов.

Во-первых, «мягкая сила» Ирана в Центральной Азии, которая во многом опирается на этнокультурный ресурс, имеет определенные ограничения. Данный ресурс формируется за счет опыта исторического общежития, а из пяти государств региона только Таджикистан является ираноязычным государством и носителем общеиранской культуры.

Во-вторых, исламская сущность иранской политической системы всегда настораживала светские режимы в Центральной Азии, формируя труднопреодолимый барьер для продвижения иранской «мягкой силы». Конечно, в Тегеране открыто никогда и не ставили вопрос о религиозно-идеологической экспансии в центральноазиатском направлении и всегда стремились к проведению прагматичной политики. Однако в регионе все равно сохраняется достаточно высокий уровень осторожности в отношении культурных инициатив Ирана.

В-третьих, опыт и нынешняя динамика ирано-таджикских отношений демонстрируют, что даже опирающаяся на надежный этнокультурный фундамент «мягкая сила» Ирана не может обеспечить ему перманентную лояльность страны, которая в культурно-цивилизационном измерении находится в мягкосиловом ареале исторически большого Ирана. В этом контексте перманентность и надежность постулированной российским специалистом О. Леоновой идеи о «внутренней силе» Ирана в Центральной Азии кажется слегка сомнительной.

В-четвертых, следует все же признать, что значимость Центральной Азии в публичной дипломатии Ирана никогда не была высокой. Иран достаточно фрагментарно утилизирует инструментарий публично-дипломатической стратегии в регионе, делая акцент на культурном аспекте, но сильно отставая в ее информационном сопровождении. Исходя из этого, возникают сложности и при оценке научно-образовательного измерения современной публичной дипломатии Ирана в регионе.

И, *в-пятых*, международный санкционный режим против Ирана, который возобновился недавно, скорее всего вынудит Тегеран на поиск новых/старых партнеров и путей выхода из надвигающейся изоляции. Государства Центральной Азии, как и в первые годы их независимости, могут вновь оказаться в приоритете иранской внешней политики, что логично может привести к повторной активизации внешней политики Ирана в регионе, а параллельно – и к наращиванию гибкой публичной дипломатии Тегерана. Первым шагом в этом направлении, как представляется автору, должна стать нормализация ирано-таджикских отношений.

Примечания

- 1 См.: *Kiani D.* Iran and Central Asia : A Cultural Perspective // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2014. Vol. 4, № 1. P. 113–138.
- 2 См.: *Тусарикани М.* Анализ «мягкой силы» Исламской Республики Иран в Центральной Азии по сравнению с Ближним Востоком // *Motaleat-e Asiaye Markazi va Qafgaz*. 2009. № 67. С. 21–56 (на перс.).
- 3 См.: *Фараджи М.* Центральная Азия ищет независимую идентичность // *Motaleat-e Asiaye Markazi va Qafgaz*. 2008. № 62. С. 173–203 (на перс.).
- 4 *Nye J. S.* Soft Power : The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004. P. 5.
- 5 См.: *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. P. 94–109.
- 6 См.: *Юдин Н.* Системное прочтение феномена «мягкой силы» // *Международные процессы*. 2015. Т. 13, № 2. С. 96–105.
- 7 См.: *Леонова О. Г.* «Мягкая сила» : инструменты и коэффиценты влияния // *Обозреватель – Observer*. 2014. № 3. С. 18–28.
- 8 См.: *Лебедева М. М.* «Мягкая сила» : понятие и подходы // *Вестн. МГИМО-Университета*. 2017. № 3 (54). С. 212–223.
- 9 См.: *Бахриев Б. Х.* Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // *Вестн. ТГУПБП. Сер. общественных наук*. 2017. № 1 (70). С. 131–147.
- 10 См.: *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power.
- 11 *Леонова О. Г.* Указ. соч. С. 23.
- 12 См.: *Ёкубов Б.* Айни и возникновение новых школ в Бухаре // *Вестн. Пед. ун-та (Республика Таджикистан)*. 2012. № 1 (44). С. 283–287 (на тадж.).
- 13 См.: *Реиси Б.* Межкультурная коммуникация в отношениях между Ираном и Таджикистаном (с упором на теорию конструктивизма) // *Улюм-е Хабари*. 2015. № 15. С. 141–175 (на перс.).
- 14 См.: *Устнидж Э.* Внешняя культурная политика Ирана в центральной Азии : демонстрация политического прагматизма // *Центральная Азия и Кавказ*. 2014. Т. 17, № 4. С. 131–144.
- 15 См.: *Троицкий Е. Ф.* Политика Ирана в Центральной Азии в 1990-е годы // *Вестн. НГУ. Сер. История, филология*. 2010. Т. 9, вып. 1 : История. С. 234–240.
- 16 См.: *Плотников Д. С.* «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования // *Ars Administrandi – Искусство управления*. 2016. № 1. С. 160–177.
- 17 См.: *Косназаров Д.* «Мягкая сила» Ирана в Центральной Азии : беседа аналитиков Bilig Brains // *Central Asian Analytical Network*. Август 30, 2017. URL: <http://caanetwork.org/archives/10150> (дата обращения: 03.09.18).
- 18 Там же.
- 19 См.: *Maltzahn N. von.* The Syria-Iran Axis : Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. L. ; N. Y. : I. B. Tauris, 2013.
- 20 См.: *Устнидж Э.* Указ. соч.
- 21 См.: *Варнавский Д.* Иран и государства Центральной Азии : генезис, состояние и перспективы сотрудничества // *Центральная Азия и Кавказ*. 2008. № 2. С. 145–152.
- 22 См.: *Абдулло Р.* Президенты Ирана и таджикско-иранские отношения // *Центральная Азия и Кавказ*. 2013. Т. 16, № 3. С. 188–200.
- 23 См.: *Махмуди М.* Центральная Азия и развитие многостороннего ирано-таджикского сотрудничества // *Motaleat-e Asiaye Markazi va Qafgaz*. 2007. № 58. С. 7–48 (на перс.).
- 24 См.: *Устнидж Э.* Указ. соч.
- 25 См.: *Iranian Embassy Opens Culture Chamber at Tajik University* // *BBC Monitoring Central Asia*, 7 July 2006.
- 26 *Лебедева М. М., Боришполец К. П. [и др.]*. Центральная Азия : Социально-гуманитарное измерение. М. : Аспект Пресс, 2016. С. 85.
- 27 *Вихрев М.* Ирано-узбекские отношения на современном этапе // *Институт Ближнего Востока*, 2 апреля, 2005. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3548> (дата обращения: 30.10.2018).
- 28 См.: *Лаумулин М.* Центральная Азия и Pax Iranica : взаимодействие и взаимовлияние // *Центральная Азия и Кавказ*. 2011. № 2. С. 125–148.
- 29 См.: *Месамед В. И.* Жизнеспособен ли персоязычный союз? // *Институт Ближнего Востока*. 11 ноября, 2010. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11668> (дата обращения: 30.11.2018).
- 30 См.: *Medrea S.* Persian-Speaking Union Created by Afghanistan, Iran, Tajikistan // *Central Asia-Caucasus Analyst*. April 2008. Vol. 10, № 7. P. 15–17.
- 31 См.: *Clark B.* Iranian Foreign Policy Towards Tajikistan and Afghanistan During the Ahmadinejad Presidency : The Rising Salience of Persian National Identity // *Journal of Central Asian & Caucasian Studies*. 2012. Vol. 7, iss. 13. P. 73–105.
- 32 См.: *Додихудоев Х., Ниятбеков В.* Таджикистан – Иран :

достижения и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2. С. 152–161.

- ³³ См.: Iran Looks East as Ahmadinejad Heads on Central Asia Tour // Agence France Presse, 23 July 2006.
- ³⁴ См.: *Бихиштунур Х.* У Ирана есть более важные вопросы, чем Центральная Азия // Central Asian Analytical Network. Июль 18, 2017. URL: <http://caa-network.org/archives/9686> (дата обращения: 30.09.2018).
- ³⁵ См.: Отношения Тегерана и Душанбе : от дня вчерашнего к сегодняшнему // ИНОСМИ, 29.08.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170829/240130734.html> (дата обращения: 30.10.2018).
- ³⁶ См.: Лоб в лоб : таджикский муфтий столкнулся с Кабири на встрече в Иране // Sputnik. 29 декабря 2018. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/asia/20151229/1018106648.html> (дата обращения: 30.09.2018).
- ³⁷ См.: МИД Таджикистана направило ноту посольству Ирана // Asia Plus, 29 декабря, 2015. URL: <http://news.tj/ru/node/219814> (дата обращения: 30.09.2018).
- ³⁸ См.: Отношения Тегерана и Душанбе : вчера и сегодня // ИА «Habar-online». 29.08.2017. URL: <http://www.ettelaat.com/etiran/?p=302498> (дата обращения: 30.10.2018) (на перс.).
- ³⁹ См.: *Бахриев Б. Х., Джаббару Насир Х.* Публичная дипломатия во внешней политике Исламской Республики Иран // Публичная дипломатия : Теория и практика / под ред. М. М. Лебедева. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 194–216.

Образец для цитирования:

Джаббару Насир Х. Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 106–112. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-106-112>

Cite this article as:

Jabbari Nasir H. R. The Features of the Evolution of Iran's Public Diplomacy in Central Asia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 106–112 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-106-112>

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 32.019.5(470–571)[2018]

Особенности влияния интернет-сообществ на формирование политической повестки дня в современной России (на примере мессенджера Telegram)

В. А. Пивоваров

Пивоваров Владимир Александрович, аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vpivovar55@gmail.com

В статье рассматривается влияние интернет-сообществ на формирование политической повестки дня современной России. Автор определяет понятие политической повестки дня и обосновывает ее зависимость от общественной повестки дня. Проводится анализ обстоятельств и общественно-политических последствий блокировки мессенджера Telegram в России. Делается вывод о том, что интернет-сообщества становятся одним из ключевых факторов формирования как общественной, так и политической повестки дня в современной России.

Ключевые слова: Россия, политическая повестка дня, общественная повестка дня, Интернет, интернет-сообщества, Telegram.

Features of the Influence of the Internet Communities on the Formation of the Political Agenda in Modern Russia (The Case of Telegram)

V. A. Pivovarov

Vladimir A. Pivovarov, <https://orcid.org/0000-0001-6804-6230>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, vpivovar55@gmail.com

The article discusses the impact of online communities on the formation of the political agenda of modern Russia. The author defines the concept of a political agenda and justifies its dependence on the public agenda. The analyzes the circumstances and the socio-political consequences of blocking Telegram in Russia. It is concluded that the Internet communities are becoming one of the key factors shaping both the public and political agenda in modern Russia.

Keywords: Russia, political agenda, public agenda, Internet, Internet communities, Telegram.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-113-116>

В последние годы становится особенно заметным влияние цифровых информационных потоков в политическом контексте. Интенсифицируется внимание самых разных интернет-сообществ к политической тематике. А ввиду популярности усиливается их влияние на формирование общественной мысли относительно конкретных проблемных вопросов современ-

ной российской политики. Соответственно, возрастает их политическая функциональность, в том числе и в соотношении с традиционными СМИ¹. Современные средства массовой информации давно «оторвались от своих корней». Газеты, журналы, информационные буклеты, отдаляясь от своих «бумажных предков», все глубже и глубже погружаются в «цифру» – становятся частью мировой информационной системы, частью Интернета. В действительности вся информация, которую современный человек потребляет в формате 24/7, так или иначе распространяется посредством информационных ресурсов, расположенных в цифровых рамках «мировой паутины». Более того, даже повседневные коммуникативные процессы человека все больше и больше «оцифровываются». Закономерной в этом смысле является нарастающая популяризация огромного числа мессенджеров, пришедших на смену технически устаревшим смс-сообщениям. На просторах Интернета все чаще звучит фраза: «Кто пользуется звонками в 2018 году? Ведь есть же Telegram/Viber/WhatsApp!». Представляется возможным говорить о том, что Интернет становится важным фактором формирования политической повестки дня современной России.

Ключевым фактором складывания современной политической повестки дня в России, на наш взгляд, выступает повестка дня общественная, которая, в свою очередь, формируется под влиянием СМИ, а в последнее время – преимущественно цифровых СМИ, функционирующих в формате разнообразных интернет-сообществ. При этом под политической повесткой дня следует понимать совокупность вопросов, которые само государство считает для себя приоритетными². Иными словами, это комплекс тех проблем, которые в наибольшей степени беспокоят политическую элиту в данный конкретный период времени.

Исходя из вышесказанного, можно говорить об актуализации изучения особенностей функционирования и тенденций развития интернет-сообществ в контексте российской политической системы, а также выявления их роли в формировании общественной и, как следствие, властно-политической повестки дня современной России.

Одно из наиболее ярких проявлений влияния Интернета на политическую повестку дня можно было наблюдать совсем недавно.

Так, 16 мая 2017 г. российские СМИ впервые написали о том, что Роскомнадзор угрожает закрыть Telegram – бесплатный кроссплатформенный мессенджер, поддерживающий технологию так называемого шифрования данных, которая делает невозможным получение информации адресата и адресанта третьими лицами. 23 июня 2017 г. глава Роскомнадзора Александр Жаров публично направил создателю мессенджера Павлу Дурову обращение с требованием предоставить информацию о компании для последующего внесения мессенджера Telegram в Реестр организаторов распространения информации в сети. Дуров отказался выполнять требования Роскомнадзора, в ответ на что получил предупреждение о блокировке мессенджера на территории России³. Как утверждает сам создатель Telegram, действия Роскомнадзора явились очередным саботажем государственных интересов. На своей странице в социальной сети «ВКонтакте» Дуров указал на политическую нейтральность своего мессенджера, в отличие от подконтрольных властям США WhatsApp и Facebook Messenger. Тем не менее, в ведомстве намекнули на нейтральное отношение Дурова к террористам, которые, по официальному заявлению ФСБ России, использовали Telegram при подготовке теракта в метро Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 г.⁴ В связи с этим Роскомнадзор потребовал от Павла Дурова выдать ключи для дешифрации переписок с целью выявления потенциальных террористов.

26 июня 2017 г. Павел Дуров заявил, что Telegram не является единственным возможным средством для подготовки терактов, и что для этой цели можно ограничиваться одноразовыми телефонами. Создатель мессенджера также подчеркнул, что требуемая ведомством дешифрация переписок противоречит Конституции РФ и никак не обезопасит мир от террористов, поскольку поставит под угрозу миллионы пользователей Telegram⁵. Позднее председатель правления Института развития интернета Герман Клименко назвал позицию Павла Дурова «издевательством». В Кремле же сообщили о возможности использования других мессенджеров в случае блокировки Telegram в России, отказавшись комментировать саму конфликтную ситуацию между Дуровым и Роскомнадзором⁶.

Сразу же после первых сообщений о возможном закрытии мессенджера активные пользователи создали петицию на Change.org, которую подписали восемь тысяч человек. Пользователи мессенджера считают: «...обращаться с просьбами к государственным ведомствам бесполезно: они выполняют приказы и исполняют законы, какими бы эти законы ни были», «обращаться с просьбами к тем, кто от-

дает приказы еще бесполезней – в России законы слишком часто не учитывают интересы той части общества, которая испытывает потребность в защищенной и свободной территории для обмена информацией»⁷.

Согласно поправкам к Закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», с 1 января 2018 г. организаторы распространения информации в Интернете обязаны хранить на территории России информацию о фактах приема, передачи, доставки и/или обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео или иных электронных сообщений пользователей и информацию об этих пользователях в течение года, а сам контент – до шести месяцев. Сервисы обязаны предоставлять этот контент по требованию федеральных органов исполнительной власти и давать им возможность декодирования информации⁸.

27 июня 2017 г. Александр Жаров объяснил, что приоритетные требования ведомства к Дурову никоим образом не предполагают доступа к личной переписке пользователей. 28 июня Павел Дуров согласился предоставить ведомству запрашиваемые данные, сообщив, что вся необходимая информация находится в свободном доступе. Однако создатель Telegram уточнил, что не примет каких-либо дополнительных обязательств от спецслужб России. В этот же день мессенджер был внесен в Реестр распространителей информации под номером 90-PP.

20 марта 2018 г. мессенджеру было предъявлено требование предоставить в течение 15 дней технологию дешифровки личных сообщений пользователей. Роскомнадзор пообещал немедленно заблокировать Telegram в случае невыполнения требований⁹. 13 апреля 2018 г. Таганский суд Москвы вынес решение в пользу Роскомнадзора, тем самым позволив начать блокировку мессенджера на территории России¹⁰. 16 апреля 2018 г. Роскомнадзор начал процедуру блокировки Telegram¹¹. Стоит отметить, что после начала процедуры блокировки Telegram был зафиксирован рост его использования на территории России¹². Больше того, 22 апреля 2018 г. в разных городах России прошла «акция в поддержку свободного интернета», приуроченная к седьмому дню блокировки Telegram.

29 апреля Павел Дуров на своей официальной странице в социальной сети «ВКонтакте» разместил следующее сообщение: «Завтра (30 апреля) в 14:00 в Москве на проспекте Сахарова состоится согласованный митинг за свободу интернета. Это исторический шанс для москвичей выразить общую позицию. Послезавтра может быть уже поздно. Последние 2 недели мы вели неравный бой с интернет-цензором. Мы делали это ради вас – наших российских пользователей. Однако будущее российского интернета

находится, в конечном счете, в ваших руках. Кто-то скажет, что митинг ничего не изменит. Это не так. Россия находится на перепутье – полномасштабная цензура еще не была введена. Если бездействовать, Россия потеряет Telegram и другие популярные сервисы. Ваше активное участие может поменять ход истории»¹³.

На призыв Дурова откликнулись свыше 12 тыс. человек¹⁴. Это свидетельствует о том, что использование данной акции привлекло значительное внимание СМИ, общественности, а также высших политических деятелей России.

В ходе Прямой линии 7 июня 2018 г. президент Владимир Путин призвал не запрещать социальные сети и мессенджеры, а искать «цивилизованные способы» противостояния угрозам, «не ограничивая свободу». Путина спросили, правда ли, что в российские власти собираются закрыть Instagram и YouTube. «Мы не собираемся ничего закрывать. Я прекрасно знаю ситуацию вокруг Telegram», – ответил президент. Он пояснил, что представители правоохранительных и специальных служб после взрывов в петербургском метро рассказали, что не могли отследить переписку террористов, потому что она зашифрована. «Как я должен на это реагировать? Вопросы безопасности в первую очередь. В то же время я сам работал в специальных службах, я знаю, что легче всего запретить. Труднее найти цивилизованные способы решения. Поэтому я буду побуждать всех своих коллег идти именно по этому пути. По пути использования самими спецслужбами, правоохранительными органами современных средств борьбы с правонарушениями, в том числе с террористическими проявлениями», – продолжил Путин. «Не ограничивая свободу, в том числе в Интернете», – резюмировал президент¹⁵.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о существенной степени влияния интернет-сообществ, в частности сообщества пользователей Telegram, на формирование общественной позиции людей далеко за пределами виртуального пространства, в реальном мире. Задуманный как инструмент передачи информации между пользователями, интернет-мессенджер смог в одночасье сплотить вокруг себя существенное количество людей и мобилизовать их на участие в массовом политическом мероприятии, которое затронуло значительную часть российских регионов.

Последующая за этими событиями публично выраженная реакция представителей государственной власти, вплоть до комментария первого лица государства, свидетельствует о превращении интернет-сообществ сегодня во влиятельный и потому заслуживающий особого внимания инструмент формирования общественной мысли и вместе с тем в неотъемлемый фактор складывания политической повестки

дня современной России. Принимая во внимание значительно обострившуюся политическую обстановку как внутри страны, так и за ее пределами, закономерным становится стремление властных государственных структур к обеспечению контроля над подобными каналами влияния.

Примечания

- 1 См.: Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россошанский А. В. Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. Саратов : Саратовский источник, 2011.
- 2 См.: Казаков А. А. Взаимодействие информационной и политической «повесток дня» : к постановке проблемы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 71.
- 3 См.: Глава Роскомнадзора пригрозил Дурову блокировкой Telegram // ИА РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/23/06/2017/594caae29a794703c5d3a4f4> (дата обращения: 15.09.2018).
- 4 См.: ФСБ : при подготовке теракта в метро Петербурга использовался Telegram // Федеральная служба безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10438169%40fsbMessage.html> (дата обращения: 17.09.2018).
- 5 См.: Создатель Telegram обвинил главу Роскомнадзора в некомпетентности // RuNews24. URL: <http://runews24.ru/society/26/06/2017/2e7cc2dc36f5be4f082fde17a9fa7a3b> (дата обращения: 10.09.2018).
- 6 См.: Песков об альтернативе Telegram : Выбор есть // ИА Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/2292845.html> (дата обращения: 12.09.2018).
- 7 Петиция «Нет — блокировке Telegram в России» // Change.org. URL: <https://www.change.org/p/%D0%BD%D0%B5-%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D0%B5-%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D1%83-telegram-%D0%B2-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8> (дата обращения: 05.09.2018).
- 8 См.: О внесении изменений в статьи 10–1 и 15–4 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : федер. закон от 29 июля 2017 г. № 241-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. 1), ст. 4790.
- 9 См.: Суд принял к рассмотрению иск Роскомнадзора о блокировке Telegram // РИА-новости. URL: <https://ria.ru/society/20180411/1518373344.html> (дата обращения: 13.09.2018).
- 10 См.: Суд постановил заблокировать Telegram в России // ИА России «ТАСС». URL: <http://tass.ru/obschestvo/5121612> (дата обращения: 21.09.2018).
- 11 См.: Роскомнадзор начал процедуру блокировки Telegram // ИА России «ТАСС». URL: <http://tass.ru/ekonomika/5129977> (дата обращения: 21.09.2018).
- 12 См.: Эксперты зафиксировали рост использования Telegram после блокировки // ИА РБК. URL: <https://>

www.rbc.ru/technology_and_media/19/04/2018/5ad73de09a7947ef845fa03d (дата обращения: 05.10.2018).

¹³ Создатель Telegram Павел Дуров о митинге «за свободу интернета» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/durov> (дата обращения: 05.10.2018).

¹⁴ См.: Митинг против блокировки Telegram в Москве собрал более 12 000 человек // Ведомости. URL: <https://>

www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/04/30/768321-miting-protiv-blokirovki-telegram (дата обращения: 20.09.2018).

¹⁵ Путин призвал к «цивилизованным» решениям из-за блокировки Telegram // ИА РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/06/2018/5b190bad9a794743ff3de626?> (дата обращения: 20.09.2018).

Образец для цитирования:

Пивоваров В. А. Особенности влияния интернет-сообществ на формирование политической повестки дня в современной России (на примере мессенджера Telegram) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 113–116. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-113-116>

Cite this article as:

Pivovarov V. A. Features of the Influence of the Internet Communities on the Formation of the Political Agenda in Modern Russia (The Case of Telegram). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 113–116 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-113-116>

УДК 327:329.7(470+571)

Проблематика международных кризисов и интернационализированных конфликтов в программных документах и инициативах политических партий РФ

Е. Г. Уляшкина

Уляшкина Екатерина Григорьевна, аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, katerina.ulyashkina@yandex.ru

Статья посвящена исследованию содержания позиций политических партий России по вопросам урегулирования международных кризисов и внутренних вооруженных интернационализированных конфликтов, непосредственно затрагивающих интересы РФ. Анализ партийной программатике в период избирательных кампаний 2016–2018 гг. и на современном этапе продемонстрировал значительную заинтересованность парламентских и иных партий в проведении эффективной внешнеполитической деятельности РФ в этой сфере. Центральное место в контексте данной проблематики занимают: разрешение украинского кризиса, прекращение военных действий и недопущение гуманитарной катастрофы в ДНР и ЛНР, стабилизация ситуации в Сирии. Исследование показало, что более 80% политических партий, проявляющих активность в формулировании оценок по названным аспектам, солидарны с проводимым государством курсом и чуть более 10% (ПАРНАС и «ЯБЛОКО») занимают прямо диаметрально противоположную позицию.

Ключевые слова: внешняя политика, ДНР, конфликты, кризисы, ЛНР, политические партии РФ, Украина, Сирия.

Problems of International Crisis and Internationalized Conflicts in Policy Documents and Initiatives of the Political Parties of the Russian Federation

E. G. Uliashkina

Ekatерина G. Uliashkina, <http://orcid.org/0000-0003-4670-003X>, National Research Mordovian State University, MRSU, 68 Bolchevistskaya Str., Saransk 430005, Russia, katerina.ulyashkina@yandex.ru

The article is devoted to the study of the content of the positions of Russian political parties on the issues of settlement of international crises and internal armed internationalized conflicts directly affecting the interests of the Russian Federation. The analysis of the party programmatics during the election campaigns of 2016–2018 and at the present stage has demonstrated a significant interest of parliamentary and other parties in carrying out effective foreign policy activities of the Russian Federation in this area. The central place in the context of this issue is occupied by the resolution of the Ukrainian crisis, the cessation of hostilities and the prevention of a humanitarian disaster in the DPR and LPR, the stabilization of the situation in Syria. The study showed that more than 80% of political parties active in the formulation of assessments on these aspects are in solidarity with the state course and a little more than 10% (PARNASSUS and YABLOKO) take a directly diametrical position.

Keywords: foreign policy, DPR, conflicts, crises, LPR, political parties of Russia, Ukraine, Syria.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-117-121>

Программные платформы партий как акторов разноразмерных политических процессов по вопросам повестки внутреннего и внешнего развития страны разрабатываются под давлением совокупности факторов, сформированных объективной реальностью. Для достижения конечной цели – получения членства в парламенте и обретения рычагов управления государственным механизмом – партии выстраивают гипотетические сценарии, представляя вероятные образы желаемого избирателями или потенциально предпочтительного для них будущего, опираясь на современную действительность. Основной акцент ими делается преимущественно на внутривластные измерения как средоточие прагматичных ожиданий электората. Однако происходящее на мировой арене сейчас все чаще волнует общество, тем более в корреляции с обеспечением безопасности и стабильности, социально-экономического благополучия граждан и проч. Процессы глобализации и интеграции, накладывающиеся на явно прослеживающуюся линию к фрагментации, конфликтности и напряженности, доступность информации по мирополитическим событиям, бесструктурность конфликтов и кризисов, вовлеченность в них разноразмерных субъектов повышают интерес различных групп населения к внешнеполитическим аспектам деятельности органов государственной власти и побуждают партии также включать соответствующие компоненты в собственные стратегии предвыборного позиционирования.

Существенное внимание к внешнеполитической проблематике со стороны российских политических партий можно считать одной из характерных особенностей избирательной кампании 2016 г. Предвыборные программы участников парламентской кампании 2011 г. содержали, скорее, общие положения по внешнеполитическому курсу РФ, сконцентрированные вокруг вопросов внутренней и внешней безопасности, борьбы с терроризмом, сотрудничества с зарубежными государствами. Тогда, пожалуй, лишь Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) предлагала довольно обширный комплекс механизмов и мер, направленных на укрепление позиций России на мировой арене. Выборы 2016 г. показали возросшее внимание политических партий к событиям, происходящим на мировой арене, особенно через призму участия в них России. Центральное место здесь

занимают международные кризисы и интернационализированные конфликты, затрагивающие интересы Российской Федерации и всего мироустройства в целом.

Украинский кризис

Политическая дестабилизация на Украине спровоцировала цепную реакцию, отразившуюся в различных сферах как внутри страны, так и за ее пределами. Резкая смена вектора во внешней политике, подразумевающая всецелое подчинение и поддержку Организации Североатлантического договора (НАТО) и Европейского союза (ЕС), сопровождающаяся разрывом связей с Россией, антироссийской пропагандой, дискриминацией русскоязычного населения на территории Украины, потребовала решительных действий от РФ. Некоторые возможности воздействовать на определение внешнеполитического курса России, имеющиеся у партий благодаря парламентскому представительству, традиционное восприятие украинского народа в качестве братского, электоральные соображения были для большинства российских партий драйвером четкого обозначения позиций по украинскому вопросу.

Активность дискурсивных практик политических партий РФ нарастающим образом начала проявляться синхронно с политической дестабилизацией в сопредельном государстве. В марте 2014 г. в соответствии с п. «г» § 1 ст. 102 Конституции РФ Президентом РФ перед Советом Федерации был поставлен вопрос об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины до нормализации политической обстановки¹. За несколько дней до этого в московской штаб-квартире партии «Родина» состоялось совещание представителей русских национальных и патриотических организаций России, Крыма, Прибалтики и Молдавии², по итогам которого было принято общее заявление, направленное на выражение солидарности и сочувствия гражданам Украины, подвергшимся насилию в ходе военных событий в стране. В нем говорилось также о необходимости получения особого статуса Крыма, борьбы за интересы русскоязычного населения. В марте 2014 г. на официальном сайте ЛДПР была размещена статья, посвященная историческим причинам кризиса в Украине, сравнительному анализу геополитического положения государства в различные временные отрезки. Здесь подчеркивалось, что референдум в Крыму – прямое волеизъявление граждан, обусловленное историческими, социокультурными обстоятельствами, не дискредитирующее их существующее положение, а, наоборот, в перспективе приносящее благополучие и спокойствие на исконно русскую землю. Уточнялось, что, несмотря на современные условия, народ Украины по-прежнему остается братским народом³.

Вместе с тем мнения российских политических партий разделились. Непринятие установок, реализуемых Москвой в отношении официального Киева, свойственно Партии народной свободы «ПАРНАС» и политической партии «ЯБЛОКО», что наиболее очевидно по их позициям по Крыму. Так, ПАРНАС в своей предвыборной программе отметил необходимость восстановить прежние границы Украины, вернув Крым в ее состав. «ЯБЛОКО» предложило повторить референдум в Крыму по вопросу воссоединения с Россией под контролем международных наблюдателей. Эти партии критикуют существующий политический режим в России, находя в ее политике признаки агрессии и аннексии по отношению к суверенным странам⁴, попытки воспользоваться политической нестабильностью в сопредельных государствах⁵.

Естественно, данная позиция импонирует украинским властям, заявлявшим в период избирательной кампании 2016 г. о поддержке названных партий. «Мы знаем, что в России есть люди, которые стремятся присоединить вашу страну к европейской системе ценностей. Это партии ЯБЛОКО и ПАРНАС. Владимир Рыжков, Григорий Явлинский, Михаил Касьянов – настоящие друзья Украины и Европы», – высказался один из депутатов Верховной Рады А. Горбунов. Россияне депутаты призвали голосовать за «друзей», так как «именно они могут возглавить майдан в России и привести страну к лучшему будущему»⁶.

Стоит отметить, что в русле солидарности с официальным Киевом в плане непризнания Крымского полуострова частью РФ ПАРНАС в период избирательной кампании 2016 г. обратился к украинским властям с просьбой о выдаче транзитных виз в Крым для проведения агитации. Однако директор политического департамента украинского министерства иностранных дел А. Макеев пояснил тогда, что Крым является территорией Украины и избрание на ней депутатов другого государства не разрешается. «Послушаемся Украину и будем действовать в рамках международного права», – говорится в публикации, размещенной на странице Краснодарского регионального отделения партии в «ВКонтакте»⁷.

Другие партии в своей предвыборной программатике, касаясь украинского кризиса, сформулировали позиции на основе солидарности с официальной линией Москвы. Так, Всероссийская политическая партия «Единая Россия» («ЕР») настаивает на выполнении Киевом Минских соглашений, политическая партия «Патриоты России» концентрирует свое внимание на важности извлечения уроков из допущенных ошибок во взаимодействии с Украиной. Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), невзирая на отсутствие в предвыборном документе партии структурных частей или разделов, посвященных взаимоотношениям с Украиной, в официальных заявлениях занимает активную позицию, призы-

вая прекратить всякое экономическое, политическое, культурное и иное взаимодействие с ней до прихода к власти альтернативного руководства.

Инициативы политических партий РФ по украинскому вопросу, их взгляды по нормализации политической обстановки, систематическая и конструктивная критика «майданного» руководства вызвали ответные действия украинских властей по включению в санкционный список 7 политических партий, 5 из которых принимали участие в кампании 2016 г.: «ЕР», ЛДПР, «Родина», КПРФ, «Патриоты России»⁸. Фактически органы государственной власти Украины точно указали на те политические партии РФ, представители которых активно демонстрируют свою «антимайданскую» позицию по украинскому кризису.

Содержание предвыборных и в целом программных платформ и позиций политических партий РФ по рассматриваемой проблеме с учетом современных реалий позволяет выявить прежде всего их стабильность, константность. Показательно, что, несмотря на интенсивность происходящих на Украине процессов, партии в своих оценках придерживаются первоначальных установок, сформулированных и обозначенных в предвыборный период 2016 г. На сегодняшний день существуют две контрадикторные точки зрения политических партий РФ относительно российского участия в украинском кризисе. Причем первая абсолютно доминирует, а вторую можно признать маргинальной. Первая предполагает, что Российская Федерация – это заинтересованная сторона, не принимающая участия в конфликте, старающаяся не допустить разворачивания военных действий вдоль своих границ и призывающая к мирному урегулированию («ЕР», КПРФ, ЛДПР, «СР», «Патриоты России», «Родина»). Вторая исходит из приписывания России роли «provokatora» и «агрессора» (ПАРНАС, «ЯБЛОКО»).

Непризнанные республики. Донецк и Луганск

В контексте украинского кризиса одна из важнейших составляющих – вопрос о положении непризнанных Донецкой и Луганской республик. Реальные военные действия, инициированные украинской стороной, систематические авиаудары и обстрелы мирного населения не могут оставить безучастной Российскую Федерацию. Высшие должностные лица страны неоднократно заявляли о непримиримости сложившейся ситуации. К сожалению, мировая общественность старается не замечать локального военного конфликта практически в центре Европы, продолжая поддерживать киевскую власть. Напротив, многие политические партии РФ не только отразили данную проблематику в предвыборных программах, но и в силу своих возможностей попытались оказать помощь и

содействие в разных формах ДНР и ЛНР. Так, в разные периоды времени политические партии Российской Федерации: ЛДПР, «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, «Родина» направляли в Донецкую и Луганскую республики гуманитарные грузы с продуктами питания, медикаментами, вещами первой необходимости и т. д., указывая, что затягивание конфликта на юго-востоке Украины может привести к гуманитарной катастрофе. К тому же партии «Единая Россия» и «Справедливая Россия» официально одобрили и признали состоявшиеся в апреле и мае 2014 г. референдумы о самоопределении ЛНР и ДНР. Помимо этого, «СР» некоторое время спустя инициировала митинг солидарности с жителями непризнанных республик, целями которого были общественный протест против карательных действий украинских властей, уничтожения мирного населения Донецкой и Луганской областей и сбор гуманитарной помощи⁹.

Парламентские партии РФ придерживаются единой позиции по конфликту на юго-востоке Украины, призывая официальные власти Киева к стабилизации ситуации и прекращению вооруженных действий. Необходимо отметить, что политические партии «ЕР» и «СР» открыли свои представительства на территории ДНР и ЛНР.

Позиции политических партий ПАРНАС и «ЯБЛОКО» на этом фоне опять выглядят полной противоположностью. Данные партии обвиняют власти Российской Федерации в провоцировании конфликта на украинских территориях. По мнению «яблочников», «санкции – ответ на вооруженный мятеж, который на востоке Украины развязали присланные из России диверсанты, боевики и террористы»¹⁰. Они настаивают, что залогом прекращения военных действий является восстановление прежних украинских границ.

Сирийский конфликт

Противостояние в Сирии и операция Вооруженных Сил России на ее территории в целях ликвидации угрозы внутреннего и международного терроризма, сохранения территориальной целостности и суверенитета страны, недопущения свержения законной власти путем вооруженного переворота вызывают значительный интерес российских политических партий. Официальные представители органов государственной власти РФ неоднократно заявляли о стратегическом значении Сирии и региона для интересов Российской Федерации и мирового сообщества в целом. Солидарность такой позиции подчеркивается в партийных документах и инициативах. Тем не менее, политические партии России реагируют на ситуацию в разных формах, проявляя неодинаковую активность. Здесь сказываются, в первую очередь, их статус и возможности.

Так, «Единая Россия», обладающая конституционным большинством, напрямую взаимо-

действует с правящей партией Сирии «Партией арабского социалистического возрождения» (БААС). В рамках двустороннего сотрудничества в апреле 2018 г. между партиями было подписано соглашение о сотрудничестве. «Единая Россия» инициировала и межрегиональное взаимодействие, в рамках которого заключено соглашение об укреплении социально-экономических связей между Хомсом и Ханты-Мансийским автономным округом. Также готовится к подписанию соглашение между Тартусом и Севастополем¹¹. Сирийская сторона в своих заявлениях подчеркивает важность межрегионального сотрудничества, обращая внимание на то, что подписание данных документов полностью соответствует курсу президента страны Башара Асада. Символично, что соглашение между правящими партиями России и Сирии было подписано 14 апреля 2018 г., в день незаконного американского удара по Сирии. Оно предусматривает партийное содействие реализации проектов, осуществляемых по линии правительств двух стран в экономической и гуманитарной сферах, развитию сотрудничества между регионами РФ и САР, установлению более тесных связей между деловыми и общественными кругами двух стран¹².

ЛДПР подчеркивает глобальную важность разрешения конфликта в Сирии и сохранения правящего режима через призму интересов России. Лидер партии открыто заявляет о том, что в случае падения Сирии начнутся военные действия против Ирана. При таком развитии событий число беженцев увеличится, а с учетом географии места предположительной катастрофы поток мигрантов двинется к южным границам Российской Федерации. В. Жириновский утверждает, что современное развитие событий ставит население Европы в плачевное положение. Проблема сирийских беженцев рассматривается им как ключевая. Ее усугубление может привести к тому, «что Европа останется, но европейцы будут обслуживать беженцев. Поэтому Сирия сегодня – это Испания 1936 года, мы там не смогли помочь Испании, и к власти пришли испанские фашисты»¹³.

«Родина» и «Гражданская платформа» тоже поддерживают официальную линию Москвы, придавая весомое значение участию России в урегулировании вооруженного конфликта в Сирии, и признают его связь с национальными интересами РФ.

Можно отметить, что «ЯБЛОКО», традиционно представляющая себя как оппозиционная сила, в рамках предвыборной кампании Г. Явлинского, претендовавшего на пост Президента РФ, запустило акцию «Время вернуться домой», в ходе которой было собрано 50 тыс. подписей за вывод российских войск из Сирии¹⁴. Следует подчеркнуть, что партия при личном общении с гражданами ссылаясь на экономические затраты государства, не прогнозируя вероятных

событий, которые могли бы произойти в случае отсутствия реакции России на кризис.

Непростая для России геополитическая обстановка вкупе с мощным информационным давлением повышает рейтинг сирийского вопроса в партийной среде. Однако активность и дискурсивные практики политических партий (за исключением «яблочников») строятся вокруг официальной линии Кремля и обоснования перед электоратом правильности выбранного курса. Практически все партии, вне зависимости от политической идеологии и разновекторности позиций по другим актуальным вопросам внутренней и внешней политики РФ, одобряют присутствие российских войск в Сирии, опираясь в своих доводах на нестабильность текущей мировой ситуации и стратегическую важность для России удержания позиций правящего режима и законной государственной власти в САР.

Итак, анализ содержания партийной программы в период парламентской кампании 2016 г. и после ее завершения показал, что внимание российских партий по конфликтной и кризисной проблематике сосредоточено на специфике украинского политического режима, гуманитарной ситуации в Донецкой и Луганской республиках, на Сирии. Подобная фокусировка объясняется рядом обстоятельств: приоритетами современного внешнеполитического курса России, геополитическим значением соответствующих международных регионов, их близостью к российским границам, заинтересованностью электората, отношением мировой общественности, поведением и реакцией внешних субъектов.

Результатом занимаемой Россией позиции по актуальным вопросам мировой политики является определенный диссонанс между РФ и ведущими мировыми державами, различными объединениями, организациями и т. д. Ярким примером служат экономические и политические санкции, введенные ЕС и НАТО под предлогом якобы вмешательства Российской Федерации во внутренние дела Украины и Сирии. И это при том, что РФ всегда выступала за мирное разрешение кризисов и конфликтов, а первые лица государства позиционируют РФ как силу, готовую к отражению внешнего военного вмешательства и способную применить ответные меры, но не желающую играть роль агрессора. В связи с чем многие политические партии РФ при разработке гипотетических сценариев развития мировых конфликтов во многом рассматривают ЕС и НАТО как угрозу (в предвыборных программах в разной степени об этом говорят КПРФ, «Коммунисты России», «Гражданская сила», «Родина»). Хотя одновременно большинство российских партий, несмотря на трудности диалога, призывают к мирному улаживанию разногласий и выстраиванию конструктивного взаимодействия. По мнению подавляющего числа политических

партий РФ, в соответствии с имеющимися полномочиями и статусом главным регулятором конфликтов должен быть Совет Безопасности ООН. С другой стороны, партии подчеркивают, что ООН не справляется с возложенными на нее обязанностями.

Таким образом, российские политические партии все больше внимания уделяют внешнеполитическому курсу страны. Избирательные кампании 2016–2018 гг. продемонстрировали, что, помимо употребления общих формулировок необходимости взаимовыгодного сотрудничества и укрепления суверенитета, партии начали структурировать внешнеполитические блоки своих программ, анализировать и предлагать свои сценарии эволюции мировой и региональной ситуации. Позиции партий стали отличаться не только теоретико-идеологической направленностью, но и практическим характером, включая предложения по способам и мерам разрешения конфликтов и кризисов, напрямую затрагивающих интересы России. Несомненно, здесь просматривается желание извлечь дополнительные политические дивиденды, в том числе благодаря демонстрации лояльности и патриотизма. Вместе с тем партии производят определенные коррекции своих стратегий и тактики политической борьбы, отвечая на возросшее влияние условий внешней среды и актуальные в социальном ключе внутренние тенденции.

Примечания

- 1 См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием. 12 декабря 1993 г. (ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
- 2 См.: Националисты и патриоты поддерживают ввод российских войск на Украину. URL: <http://www.rodina.ru/novosti/Nacionalisty-i-patrioty-podderzhivayut-vvod-rossijskix-vojsk-na-Ukrainu> (дата обращения: 20.10.2018).

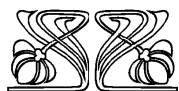
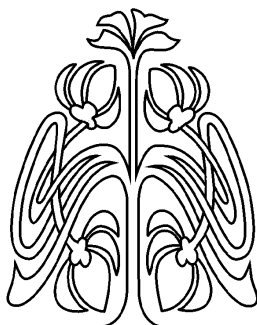
- 3 См.: Взгляд ЛДПР на исторические причины кризиса на Украине. URL: https://ldpr.ru/events/ldpr_view_historical_causes_of_the_crisis_in_ukraine/ (дата обращения: 25.10.2018).
- 4 См.: Партия народной свободы «ПАРНАС». URL: <https://2016.parnasparty.ru/> (дата обращения: 13.09.2018).
- 5 См.: Предвыборная программа партии «ЯБЛОКО» «Уважение к человеку», 2016 год. URL: <http://www.yabloko.ru/program> (дата обращения: 23.09.2018).
- 6 См.: Киевский режим ставит на «Парнас» с «Яблоком» и майдан в России. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/08/26/kievskij_rezhim_stavit_na_parnas_s_yablokom_i_majdan_v_rossii/ (дата обращения: 23.10.2018).
- 7 См.: Российские оппозиционеры не получили разрешения от Киева агитировать за себя на выборах в Госдуму. URL: <https://ukraina.ru/news/20160819/1017291272.html> (дата обращения: 18.09.2018).
- 8 См.: Патриоты России прокомментировали новые санкции Киева против партии. URL: <https://patriot-rus.ru/smiio-partii/patrioty-rossii-prokommentirovali-novye-sankcii-kiyeva-protiv-partij.html> (дата обращения: 15.09.2018).
- 9 См.: Москвичи вышли на митинг с плакатами «Руки прочь от Донбасса!». URL: <https://www.pravda.ru/news/districts/11-07-2014/1215797-miting-0/> (дата обращения: 16.09.2018).
- 10 См.: Донецк и Луганск – Украина, а не «Лугандония». URL: <http://spb.yabloko.ru/news/blogs/vishnevskiy/doneczk-i-lugansk-ukraina-a-ne-lugandoniya> (дата обращения: 13.09.2018).
- 11 См.: ЕР и правящая партия Сирии БААС доработают дорожную карту сотрудничества. URL: <https://er.ru/news/168738/> (дата обращения: 15.10.2018).
- 12 Там же.
- 13 Лидер ЛДПР : Если Сирия падет, может начаться большая война. URL: https://ldpr.ru/events/ldpr_leader_if_syria_falls_it_can_start_a_big_war/ (дата обращения: 15.10.2018).
- 14 См.: «Яблоко» собрало 50 тыс. подписей за вывод российских войск из Сирии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/07/2017/596caef49a794737be954f2e?story=58c7ff469a7947398567fb3d> (дата обращения: 19.09.2018).

Образец для цитирования:

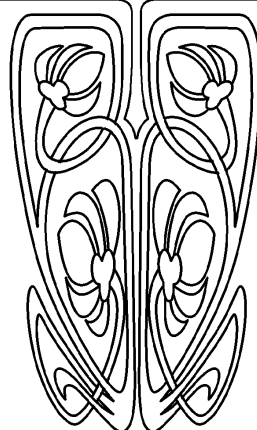
Уляшкина Е. Г. Проблематика международных кризисов и интернационализированных конфликтов в программных документах и инициативах политических партий РФ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 117–121. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-117-121>

Cite this article as:

Uliashkina E. G. Problems of International Crisis and Internationalized Conflicts in Policy Documents and Initiatives of the Political Parties of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 117–121 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-117-121>

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2019 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36016,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, vil57@yandex.ru

Website: <http://soziopolit.sgu.ru/>